

P.K.

84.4 Вел

Ш41

101261

Кор.
Григорьев.

Объяснительная
статья.

Б. графический и
р. с.

проверка 1928 г.

4405

23060

8111

7014

32

3. I. 15

84. Ч. Вел.
ш 41

для учащихся.

ЕВРОПЕЙСКИЕ КЛАССЫ 8
ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
ПЕТРА ВЕЙНБЕРГА.
(Съ примѣчаніями и біографіями).

ВЫПУСКЪ II.

ШЕКСПИРЪ.

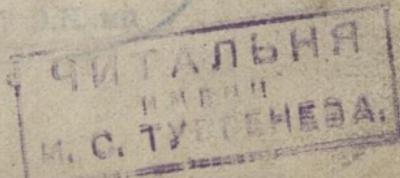
Г. Б. Ч. Т.

III-41

С. - ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Литографія А. Е. Ландау. Средн. Мѣш., 12.

1874.

ПРОВЕРено 2014

1955 г.

Проверено

1962 г.

1972

ЕВРОПЕЙСКИЕ КЛАССИКИ

ПРОВЕРено 2009

въ русскомъ переводе

подъ редакціею

петра вейнберга.

выпускъ II.

101261

Библиотека-
читальня
им. И.С. Тургенева

ШЕКСПИРЪ.

КОРЮЛАНЪ.

ТРАГЕДІЯ.

ПЕРЕВОДЪ

А. В. ДРУЖИНИНА.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ. 28 Сентября 1874 года.

ДІНІ КІНОВЯТОЇ

жиниців йиндофтью, а на інчої й тихам під
-ої філокії відома як міндофтью відмінної
підкладки, але відома як міндофтью

жинкої філокії, а піннів як міндофтью
піннів, але відома як міндофтью

жинкої філокії або піннів як міндофтью
жинкої філокії

жинкої філокії або піннів як міндофтью
жинкої філокії

КОРЮЛАНЬ.

жинкої філокії, але відома як міндофтью
жинкої філокії або піннів як міндофтью

жинкої філокії або піннів як міндофтью
жинкої філокії або піннів як міндофтью

жинкої філокії або піннів як міндофтью
жинкої філокії або піннів як міндофтью
жинкої філокії або піннів як міндофтью

жинкої філокії або піннів як міндофтью
жинкої філокії або піннів як міндофтью

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Каій Марцій Коріоланъ, благородный римлянинъ.
Титъ Ларцій } римскіе полководцы въ войнѣ про-
Коминій } тивъ вольсковъ.

Мененій Агриппа, другъ Коріолана.

Сициній Велутъ }
Юній Брутъ } народные трибуны.

Маленький Марцій, сынъ Коріолана.

Римскій вѣстникъ.

Туллъ Авфидій, полководецъ вольсковъ.

Военачальникъ, подчиненный Авфидію.

Заговорщики въ пользу Авфидія.

Гражданинъ изъ Анціума.

Двое часовыхъ изъ дружины вольсковъ.

Волумнія, мать Коріолана.

Виргилія, жена Коріолана.

Валерія, подруга Виргиліи.

Благородныя римлянки.

Римскіе и вольскіе сенаторы, патриціи, эдилы, ликторы, воины, граждане, вѣстники, слуги Авфидія и другія лица.

Дѣйствіе происходитъ частію въ Римѣ, частію на земляхъ вольсковъ и анціатовъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА 1.

Улица въ Римѣ.

Входяще толпою возмутившиеся Граждане, съ дубинами, кольями и другимъ оружіемъ.

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Прежде, чѣмъ идти дальше, дайте мнѣ сказать одно слово.

ВСЪ ГРАЖДАНЕ.

Говори! говори! (Говорятъ разомъ).

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Рѣшились вы скорѣй умереть, чѣмъ терпѣть голодъ?

ВСЪ.

Рѣшились, рѣшились.

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Вы знаете, конечно, что Кай Марцій—первый супостать народу?

В С Ъ.

Знаемъ, знаемъ.

1-Й ГРАЖДАНИНЪ.

Такъ убьемъ же его — и тогда хлѣбъ подешевѣеть. Рѣшено, что ли?

В С Ъ.

Нечего тутъ толковать — убьемъ его! Пойдемте, пойдемте!

2-Й ГРАЖДАНИНЪ.

Одно слово, честные граждане.

1-Й ГРАЖДАНИНЪ.

Какіе тебѣ честные граждане! Бѣдняковъ не зовутъ честными — патриціи одни честны! У нихъ всего по-горло, а мы нуждаемся. Пусть бы отдали они намъ хоть часть своего избытка — вѣдь времѧ — мы бы имъ могли сказать спасибо за ихъ милосердіе! Это для нихъ слишкомъ разорительно! Имъ любо глядѣть на нашу худобу, да на наше горе — свой достатокъ кажется имъ сладче! Мщеніе, граждане! пока еще осталась у васъ сила въ рукахъ — хватайте колья! Боговъ призываю я въ свидѣтели — не отъ злобы, а отъ голода я говорю это!

2-Й ГРАЖДАНИНЪ.

За что же начинать ты хочешь съ Каїа Марціа?

1-Й ГРАЖДАНИНЪ.

Съ него перваго: онъ хуже собаки для народа.

2-й ГРАЖДАНИНЬ.

Вспомни хоть про его заслуги отечеству.

1-й ГРАЖДАНИНЬ.

Помню, и хвалиль бы ихъ, да онъ и безъ моей похвалы ими гордится не въ мѣру!

2-й ГРАЖДАНИНЬ.

Говори безъ злости.

1-й ГРАЖДАНИНЬ.

Я тебѣ говорю—изъ одной гордости онъ служилъ родинѣ. Простаки хвалятъ въ немъ любовь къ Риму: не для роднаго края, а изъ угоды своей матери, да изъ тщеславія дрался онъ за отечество. Пускай дрался онъ храбро, да храбрость въ немъ не ниже надменности.

2-й ГРАЖДАНИНЬ.

Ты на недостатокъ природы глядишь, какъ на преступленіе. Развѣ онъ жаденъ? Ты, можетъ быть, и этотъ порокъ на него взвалишь!

1-й ГРАЖДАНИНЬ.

И безъ жадности на немъ грѣховъ не оберешься.
(Слышины крики). Это кто шумитъ? Поднялась и та часть города! Что мы здѣсь болтаемъ пустое?— Въ Капитолій!

в с ф. эта да ооп вавуцъ

Идемъ, идемъ въ Капитолій!

1-й ГРАЖДАНИНЬ.

Тише—кто это пришелъ къ намъ?

Входитъ Мененій Агриппа.

2-й ГРАЖДАНИНЪ.

Почтенный Мененій Агриппа—всегдашній другъ народа.

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Съ нимъ бы можно жить хорошо. Если бы всѣ такіе были!

МЕНЕНИЙ.

Эй, вы! товарищи! куда плететесь

Съ дубинами и кольями? Въ чемъ дѣло?

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Въ чемъ дѣло? Сенатъ знаетъ, въ чемъ дѣло. Давно уже онъ догадывается—сегодня мы ему все растолкуемъ. Въ сенатъ говорятъ, что у бѣдныхъ просителей терпѣніе крѣпко. А теперь узнаютъ, что и руки наши не слабы.

МЕНЕНИЙ.

Друзья мои—сосѣди дорогие!

Опомнитесь!—зачѣмъ хотите вы

Попасть въ бѣду?

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Да мы и такъ въ бѣдѣ!

МЕНЕНИЙ.

Друзья, повѣрьте, съ горемъ и заботой

Глядѣть на васъ патриціи. Я знаю,

Что вы въ нуждѣ, что дорогъ хлѣбъ, но также

Я знаю, что разумнѣй будетъ вамъ

Противъ небесъ поднять свои дубины,
Чѣмъ противъ государства. Не сломить
Вамъ безпощадной, грозной силы Рима!
Хотя бѣ сильнѣй вы были во сто кратъ—
Онъ раздробить васъ всѣхъ. Не богачи,
А боги намъ нужду и скудость шлютъ;
Не угрожать руками—гнуть колѣна
Вамъ для спасенья надо. Горе! горе!
Бѣда въ бѣду влечеть васъ: вы хулите
Отцовъ правителей—въ своихъ отцахъ
Враговъ вы видите!

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Въ своихъ отцахъ! Хорошо они о нась заботятся! Никогда не были они намъ отцами! Мы голодаляемъ, а у нихъ амбары отъ хлѣба ломатся! Ихъ законы поддерживаютъ однихъ ростовщиковъ! Всякий день отмѣняется какой нибудь законъ, тяжкій для богачей, каждый день выдумывается другой законъ бѣднякамъ на угнетеніе! Если война нась не губить—они нась губятъ хуже войны всякой. Вотъ какъ нась любятъ отцы отечества!

МЕНЕНИЙ.

Или вы злы—и въ томъ должны сознаться,
Или вы глупы. Разскажу я вамъ
Хорошенькую сказку; можетъ быть,
Ее слыхали вы. (1) Она годится
Намъ прямо къ дѣлу. Что, хотите слушать?

1-й ГРАЖДАНИЙ.

Отчего не выслушать, добрый господинъ! Только не проведешь ты насъ своей сказкою! Говори же.

МЕНЕНИЙ.

Разъ какъ то, противъ живота возстали
Другіе члены тѣла, въ обвиненіе
Ему сказавши, что животъ одинъ
Сидитъ безъ дѣла посреди ихъ всѣхъ,
Набившись пищей, въ лѣности позорной
Труда не зная вовсе, между тѣмъ
Какъ всѣ другіе члены смотрятъ, ходятъ,
Соображаютъ, слушаютъ, и вмѣстѣ
Всѣмъ человѣкомъ правятъ. Имъ животъ
Такъ отвѣчалъ...

1-й ГРАЖДАНИЙ.

Ну, ну—что жъ отвѣчалъ животъ?

МЕНЕНИЙ.

Сейчасъ скажу. Съ презрительной улыбкой—
(Вы знаете, что въ сказкѣ самъ животъ
Не только говорить, смеяться можетъ)—
Онъ отвѣчалъ взволнованнымъ безумцамъ,
Которые, завидуя тому,
Что онъ всегда былъ полонъ, на него
Кричали такъ, какъ вы теперь кричите
Противъ отцовъ сената...

1-й ГРАЖДАНИЙ.

Чтѣ же могъ

Отвѣтить онъ и бдительному глазу,

И головъ подъ царственнымъ вѣнцомъ,
Рукъ — бойцу, и языку — герольду,
И сердцу вѣщему, ногамъ, носящимъ насть,
И всѣмъ другимъ помощникамъ и членамъ,
Когда они...
отъ мененій.

Когда они... Что жъ дальше?

Зачѣмъ ты перебилъ меня? — Что жъ дальше?

1-й ГРАЖДАНИЙ.

Когда они возстали справедливо

Противу хищника...

мененій.

Ну, что жъ потомъ?

1-й ГРАЖДАНИЙ.

На ихъ правдивое негодованье

Чтѣ могъ животъ отвѣтить?

мененій.

Это я

Сейчасъ скажу, когда способенъ ты

Имѣть терпѣнья.

1-й ГРАЖДАНИЙ.

Говори жъ скорѣе.

мененій.

Замѣть, мой другъ, что важный нашъ животъ
Спокойнъ былъ при бѣшеномъ волненіи
Своихъ враговъ. Онъ имѣ отвѣтилъ такъ:
«Друзья, вы правы въ томъ, что поглощаю
Изъ васъ я первый общую намъ пищу;

Но есть тому причина — тѣло все
Живетъ моимъ запасомъ. Не забудьте,
Что пишу ту я шлю вамъ вмѣстѣ съ кровью,
Что чрезъ нее и мозгъ, и сердце живы,
Что отъ меня вся сила человѣка,
Что жилы всѣ мельчайшія его
Черезъ меня свою имѣютъ долю!
И такъ, друзья» (животъ все продолжаетъ)...

1-й ГРАЖДАНИНЬ.

Понимаемъ, понимаемъ! — дальше...

МЕНЕНИЙ.

«И такъ, друзья - сочлены, хоть всегда
Мои дары приходятъ къ вамъ незримо,
Но вспомните, что мною вамъ дается
Отъ пищи лучшій цвѣтъ, и что ее и мн.
Не для себя я берегу». Ну, что же? отр
Хорошъ отвѣтъ?

1-й ГРАЖДАНИНЬ.

Отвѣтъ совсѣмъ не дуренъ.

Чтѣ же намъ - то изъ того?

МЕНЕНИЙ.

Животъ разумный — это нашъ сенатъ,
Вы же — члены непокорные! По правдѣ
Вы оцѣните всѣ его заботы,
Подумайте объ общемъ нашемъ дѣлѣ,
И вы поймете, что отъ старшей власти,
Что не отъ васъ — зависитъ благо края.
Вы поняли?

(1-му гражданину.) Что скажешь мнъ теперь,
Ты, палецъ отъ ноги?

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Какой я палецъ?

За что я палецъ отъ ноги?

МЕНЕНИЙ.

За то,

За то, что ты, дрянной и самый низкій
Изъ членовъ всѣхъ, впередъ предъ всѣми лѣзешь;
И то, что ты, презрѣнныи плутъ, въ надеждѣ
На выгоды, другихъ ведешь туда,
Откуда первый убѣжишь! Готовьте жъ
Скорѣй свои вы страшныя дубины!
Противу Рима крысы поднялися
Кому нибудь на горе.

Входитъ Кай Марцій.

МЕНЕНИЙ.

Храбрый Марцій,

Привѣтъ тебѣ.

КАЙ МАРЦІЙ.

Спасибо. (Толпѣ.) Вы, мерзавцы,

Что? Иль опять нашла на разумъ вашъ
Чесотка беспокойная? Въ чемъ дѣло?
Зачѣмъ вы здѣсь?

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

На ласковое слово

Всегда готовъ ты.

МАРЦІЙ.

Будетъ тотъ подлецъ

Изъ всѣхъ льстецовъ презрѣннѣйшій, кто
скажетъ

Вамъ ласковое слово. Чѣмъ вамъ нужно,
Псы, недовольные войной и миромъ?
Войны вы трусите — въ спокойной долѣ
Вы носъ дерете вверхъ. Кто вѣрить вамъ,
Въ бою найдетъ васъ зайцами, не львами,
Гусей увидитъ, гдѣ нужны лисицы!
Надежнѣй васъ на льду горячій уголь
И градъ подъ солнцемъ. Вы на то годитесь,
Чтобъ поклоняться извергамъ преступнымъ
И правду проклинасть. Кто смѣль и славенъ,
Тотъ гадокъ вамъ; а сердце ваше рвется,
Какъ у больнаго прихоть, лишь туда,
Гдѣ гибель скрыта. Тотъ, кто вѣрить вамъ
И дружбѣ вашей — плаваетъ въ водѣ
Съ свинцомъ на шеѣ. Твари! Вѣрить вамъ?
Когда вашъ нравъ мѣняется съ минутой,
Когда во прахѣ предъ врагомъ вчерашнимъ
Вы роетесь, а прежняго кумира
Врагомъ зовете! По какому праву
Вы бродите по городу, и съ крикомъ
Позорите вы славный нашъ сенатъ,
Сенатъ, который, вмѣстѣ съ божьей властью,
Васъ держитъ въ страхѣ и мѣшаеть вамъ
Другъ друга жратъ?

(Мененію.) Чего хотятъ они?

М Е Н Е Н Й И.

Другой цѣны на хлѣбъ. По ихъ словамъ,

Запасовъ много въ городѣ.
МАРЦІЙ.
Мерзавцы!
По ихъ словамъ! Они, за печью сидя,
Хотятъ знать все, что дѣлается въ Римѣ,
По прихоти судьбы рѣшая края!
Они все знаютъ — кто силенъ, кто слабъ,
Кто женится, кто въ ходъ пошелъ, въ разсказахъ
Превознося друзей своихъ, и съ прахомъ
Противниковъ мѣшая. Хлѣба много,
По ихъ словамъ? Когда бъ сенатъ постро же
Себя держалъ и мнѣ съ мечемъ позволилъ
На нихъ напасть, изъ этихъ мертвыхъ гадовъ
Я навалилъ бы гору — вышиною
Съ мое копье!

(Граждане расходятся по немногу).

МЕНЕНИЙ.

Молчи! — Они затихли
И, не смотря на все свое нахальство,
Расходятся, какъ трусы. Что же сталось
Съ другой толпой?

МАРЦІЙ.

Разсѣялась. Скоты!
Они на голодъ жаловались, смѣли
Пословицы намъ повторять о томъ,
Что съ голода и крѣпости сдаются,
Что кормъ собакамъ нуженъ, что отъ неба
Ниспосланъ хлѣбъ не богачамъ однимъ,
И вслѣдъ за тѣмъ представили сенату

Такую просьбу, отъ которой въ сердце
Патриціатъ нашъ будеть пораженъ
И власти смѣлый взглядъ померкнетъ. Что жъ?
Имъ отвѣчали, приняли ихъ просьбу;
Они же заорали отъ восторга
И шапки закидали вверхъ, какъ будто
Попасть стараясь въ мѣсяцъ.

МЕНЕНИЙ.

Что жъ дано имъ?

МАРЦІЙ.

Для поддержанья ихъ затѣй негодныхъ
Даны имъ пять трибуновъ — Юній Брутъ,
Сициній Велутъ — все по ихъ избранью,
Еще... не помню. Смерть и гибель! Прежде
Чернь раскидала бѣ Римъ до основанья,
Чѣмъ отъ меня добыть такой законъ!
Пройдутъ года — плоды его созрѣютъ
На горе государству!

МЕНЕНИЙ

Странно! странно!

Входитъ Вѣстникъ.

ВѢСТИКЪ.

Здѣсь Каїй Марцій?

МАРЦІЙ.

Здѣсь. Что тамъ случилось?

ВѢСТИКЪ.

Есть новости — опять поднялись вольски!

МАРЦІЙ.

Я очень радъ—теперь мы скоро сбудемъ
Изытое скверный. (2) Вотъ идутъ вожди.

*Входяты Коминій, Титъ Ларцій и другие сенаторы,
Юній Брутъ и Сициній Велутъ.*

1-Й СЕНАТОРЪ.

Сбылось, что предсказалъ ты, честный Марцій:
Вооружились вольски.

МАРЦІЙ.

Есть у нихъ

Великій полководецъ, Туллъ Авфидій.
Съ нимъ будутъ хлопоты. Я сознаюсь,
Завидна лишь его неустрешимость,
И если не собой, то имъ, конечно,
Хотѣлъ бы быть я.

КОМИНИЙ.

Ты сражался съ нимъ.

МАРЦІЙ.

Когда бъ весь міръ распался на два войска
И Туллъ со мною шелъ, я бъ поднялъ бунтъ,
Чтобъ биться съ нимъ: такого льва какъ онъ
Не скоро встрѣтишь.

1-Й СЕНАТОРЪ.

Благородный Марцій!

Ты и Коминій—выбраны вождями

КОМИНИЙ.

Ты самъ того желалъ.

МАРЦІЙ.

Я и теперь

Не откажусь. Титъ Ларцій, снова намъ
Лицомъ къ лицу придется Тулла встрѣтить!
Состарѣлся ты? Остаешься?

ТИТЪ ЛАРЦІЙ.

Нѣтъ,

Хоть мнѣ придется драться костылемъ
И на костыль опершись—не останусь
Я сзади васъ.

МЕНЕНИЙ.

Мой благородный Ларцій!

1-й СЕНАТОРЪ.

Идемъ же въ Капитолій—тамъ, я знаю,
Друзья собрались наши.

ТИТЪ ЛАРЦІЙ.

Хорошо,

Идите же—мы за тобой, Коминій,
Какъ за вождемъ достойнымъ.

КОМИНИЙ.

Честный Ларцій!

1-й СЕНАТОРЪ

(гражданамъ).

Ступайте жъ по домамъ.

МАРЦІЙ.

Нѣтъ, пусть за нами

Идутъ они. У вольсковъ много хлѣба—
Мы пустимъ этихъ крысъ на ихъ запасы.

(Народу). Вы, сорванцы почтенные, за нами!
Вы очень храбры—намъ до васъ есть дѣло!

(Уходятъ).

Остаются Сициній и Брутъ.

Сициній.

Бывали ли когда на свѣтѣ люди
Надменнѣй Марція?

Брутъ.

Нѣтъ, никогда!

Сициній.

Затѣмъ ли настъ избралъ народъ въ трибуны...

Брутъ.

Смотрѣлъ ли ты хоть на глаза его,
На губы?...

Сициній.

Нѣтъ, но я довольно слушалъ.

Брутъ.

Взбѣсившись, онъ боговъ не пощадить!

Сициній.

Надъ скромною луной онъ посмѣется!

Брутъ.

Война его погубитъ. Слишкомъ гордъ
Онъ для того, чтобы честно биться.

Сициній.

Полонъ

Онъ дерзостью и презираетъ насъ
Какъ тѣнь полдневную. Дивлюсь, однако,

23060

Какъ согласился онъ принять въ вожди
Коминія.
БРУТЬ.

Ему всего дороже
То, чѣмъ богатъ онъ—слава. Чтобъ вѣрнѣе
Ее сберечь, второе мѣсто въ войскѣ
Удобнѣй перваго. При неудачахъ,
Хотя бѣ Коминій былъ людей всѣхъ выше,
Онъ будетъ обвиненъ, какъ полководецъ,
И станутъ дураки кричать: «О, если бѣ
Нашъ Марцій велъ дѣла!»

СИЦИНІЙ.

А при побѣдѣ
Народный голосъ, ласковый къ нему,
Съ Коминія часть славы сниметъ.

БРУТЬ.

Правда,
Чужой заслугой завладѣетъ онъ.
Ошибки же чужія увеличить
Его заслуги.

СИЦИНІЙ.

Такъ; пойдемъ же слушать
Рѣшеніе сената—и узнать,
Какимъ порядкомъ Марцій поведетъ
Свои дѣла.

БРУТЬ.

Идемъ, идемъ скорѣе (Уходятъ).

СЦЕНА II.

Сенатъ въ Коріоли.

Входятъ Туллъ Авфидій и сенаторы.

1-й СЕНАТОРЪ.

И такъ, вполнѣ увѣренъ ты, Авфидій,
Что римляне проникли нашу тайну
И знаютъ все?

А В Ф И Д И Й.

И самъ ты это знаешь.

Задумывали ль здѣсь какое дѣло
Тайкомъ отъ Рима? Вотъ, со мной письмо.
Четыре дня тому, какъ мнѣ его
Доставили (*Читаетъ*): «Ужъ собраны войска,
Хоть назначенья ихъ никто не знаетъ.
Хлѣбъ въ Римѣ] дорогъ, чернь въ большомъ
волненыи,
И слухи ходятъ, что Коминій, Марцій,
Твой старый врагъ, такъ ненавистный черни,
И храбрый римлянинъ, стариkъ Титъ Ларцій,
Всѣ троe поведутъ дружины Рима.
Куда?—не знаю. Можетъ быть, что къ вамъ.
Готовьтесь же».

1-й СЕНАТОРЪ.

Ужъ мы давно готовы.

Не сомнѣвались мы, что силы Рима
Идутъ на насъ.

А В Ф И Д И Й.

Ты самъ тому причиной!

Ты говорилъ, что не къ чему скрывать

Приготовленій нашихъ. Чѣдѣ вышло?
Извѣстно въ Римѣ все, что мы рѣшили,
И цѣль ушла отъ насъ, и не успѣемъ
Мы захватить хоть нѣсколькихъ селеній
Браспложъ, до появленья римской силы!

2-Й СЕНАТОРЪ.

Скорѣй же въ путь, Авфидій благородный!
Прими войска, а насъ оставь однихъ,
Чтобъ охранять Коріоли. Быть можетъ,
Врагъ подойдетъ сюда,—тогда на помощь
Ты къ намъ придешь; но думается мнѣ,
Что не готовы римляне.

А В Ф И Д І Й.

Я знаю,

Что римляне готовы. Знаю я,
Что часть ихъ войскъ уже давно въ походѣ
И прямо къ намъ идетъ. Отцы, прощайте.
Мы поклялись съ Марціемъ—при встрѣчѣ
Сойтись на безпощадный бой.

ВСЪ СЕНАТОРЫ.

Пусть боги
Тебѣ помогутъ!

А В Ф И Д І Й.

И хранять всѣхъ васъ.

1-Й СЕНАТОРЪ.

Счастливый путь тебѣ.

2-Й СЕНАТОРЪ.

Прощай, Авфидій!

ВСЁ.

Прощай, Авфидій! (уходитъ).

СЦЕНА III.

Римъ. Комната въ домѣ Марція.

Волумнія и Виргилія шлютъ, сидя на низенькихъ стульяхъ.

Волумнія.

Прошу тебя, дочь, или пой, или будь повеселѣе. Если бъ Марцій былъ мнѣ мужемъ, мнѣ радостнѣе казалось бы его славное отсутствіе, нежели самые жаркіе брачные поцѣлуи. Онъ у меня одинъ, — а въ то время, когда тѣло его было еще нѣжно, когда его дѣтская красота плѣняла постороннихъ — въ ту пору, когда мать, изъ-за цѣлаго дня царской просьбы, не рѣшится на одинъ часъ отпустить сына съ своихъ глазъ, — я радостно послала его искать опасности и съ ней славы. Я понимала, что такому сыну нуженъ людской почетъ, что, не отзывааясь на призывъ чести, сынъ мой былъ бы не человѣкомъ, а картиной для украшенія стѣнъ! На тяжкую войну я его послала и онъ вернулся ко мнѣ съ дубовымъ вѣнкомъ за заслуги. И повѣрь, дочь моя, меныше радовалась я, услыхавъ, что дала жизнь мальчику, — меныше радовалась я тогда, нежели въ тотъ часъ, когда увидала его послѣ похода, увидала истиннымъ мужемъ.

ВИРГИЛІЯ.

А если бъ онъ погибъ на войнѣ? Чѣмъ сказала бы ты тогда?

В О Л У М Н И Я.

Память о немъ стала бы мнѣ за сына: въ его славѣ нашла бы я себѣ потомство! По совѣсти говорю тебѣ: будь у меня двѣнадцать сыновей, равно любимыхъ, любимыхъ такъ, какъ любимъ нами нашъ добрый Марцій, я бы легче перенесла погибель одиннадцати изъ нихъ за отечество, нежели трусливую и праздную жизнь двѣнадцатаго.

Входитъ Прислужница.

ПРИСЛУЖНИЦА (*Волумнію*).

Благородная Валерія желаетъ васъ видѣть.

*Виргилія (*Волумнію*).*

Позволь мнѣ уйти отсюда.

В О Л У М Н И Я.

Зачѣмъ уйти!

Мнѣ кажется—я слышу барабаны,
Отсюда вижу Марція, какъ онъ,
Въ честномъ бою, Авфидія хватаетъ
За волосы и въ прахѣ передъ войскомъ
Его влечетъ. Какъ дѣти отъ медвѣдя,
Бѣгутъ враги отъ Марція. Гляди,
Какъ онъ впередъ идетъ, какъ возбуждается
Свои войска: «Вы трусы, дѣти Рима,
Рожденные для робости позорной!»
Вотъ онъ! рукой, закованною въ сталь,
Онъ кровь съ лица отеръ, и снова въ сѣчу
Идетъ онъ, будто жнецъ, который взялся
Обжать все поле!

ВИРГИЛІЯ.

Нѣтъ, клянуся Зевсомъ,
Не надо крови на лицѣ!

ВОЛУМНІЯ!

Ребенокъ!

Не знаешь ты, что эта кровь для мужа
Прекраснѣе, чѣмъ золото въ трофеахъ!
Когда Гекуба Гектора-младенца
Кормила грудью — красота ея
Равнялась ли съ красой чела троянца,
Когда оно своей пятнало кровью
Мечи ахейскіе? (3) (*Кличница*). Проси сюда
Почтенную Валерію (*Прислужница уходитъ*).

ВИРГИЛІЯ.

Пусть боги
Спасутъ его отъ бѣшенаго Тулла!

ВОЛУМНІЯ.

Ему на горло ступитъ храбрый Марцій
И голову его колѣномъ сдавить!

Входитъ Валерія съ проводникомъ и прислужницей.

ВАЛЕРІЯ.

Добрый день, благородныя хозяйки!

ВОЛУМНІЯ.

Милая Валерія!

ВИРГИЛІЯ.

Я рада тебя видѣть.

ВАЛЕРІЯ.

Здоровы ли вы? Васъ нигдѣ не видно; вы вѣчно

дома за дѣломъ. Что это вы шьете? (*Виргилий*)
Что дѣлаетъ твой мальчишка?

ВИРГИЛИЯ.

Благодарю тебя, онъ здоровъ.

ВОЛУМНІЯ.

Не любить онъ только учиться—ему бы все мечи
да барабаны.

ВАЛЕРІЯ.

Весь въ отца — милый ребенокъ! Я съ полчаса
глядѣла на него въ прошлую среду: въ лицѣ у не-
го что-то такое смѣлое. Онъ бѣгалъ за красивой
бабочкой, ловилъ ее и пускалъ на волю: поймаетъ,
пустить, потомъ побѣжитъ и опять поймаетъ. Тутъ
онъ какъ-то упалъ, разсердился, да какъ стиснетъ
зубы... и разорвалъ бабочку. Надо было видѣть,
какъ онъ въ нее вѣшился!

ВОЛУМНІЯ.

Вспылилъ—по отцовски.

ВАЛЕРІЯ.

Да, да, славный мальчишка!

ВИРГИЛИЯ.

Шаловливъ очень.

ВАЛЕРІЯ.

Кстати, перестань шить, полѣнись немного—я
пришла за тобою.

ВИРГИЛИЯ.

Нѣтъ, милая Валерія, я не пойду изъ дома.

ВАЛЕРИЯ

Не пойдешь изъ дома?

ВОЛУМНІЯ.

Пойдетъ, пойдетъ.

ВИРГІЛІЯ.

Нѣтъ, нѣтъ, какъ хотите. Покуда мужъ не вернется, я не переступлю нашего порога.

ВАЛЕРИЯ.

Полно, вѣдь это безуміе! Пойдемъ навѣстить больную сосѣдку.

ВИРГІЛІЯ.

Я помолюсь за нее. Я желаю ей скорѣе поправиться,—а идти къ ней не могу.

ВОЛУМНІЯ.

Да почему же, скажи намъ?

ВИРГІЛІЯ.

Не по лѣности и не по холодности.

ВОЛУМНІЯ.

Ты хочешь быть Пенелопой (⁴). Она все ткала, дожидаясь мужа: за то и развела моли на весь островъ. Жаль, что твоё полотно не чувствуетъ боли: ты бы перестала, хоть изъ жалости, колоть его своей иголкой. Ну, пойдемъ же съ нами!

ВИРГІЛІЯ.

Прости меня, милая Валерія—я не пойду.

ВАЛЕРИЯ.

Нѣтъ, пойдешь. Я расскажу тебѣ хорошія вѣсти про Марція.

ВИРГИЛІЯ.

Добрая Валерія, еще некогда придти въстяմъ
отъ мужа.

ВАЛЕРІЯ.

Я не шучу. Ночью получено извѣстіе.

ВИРГИЛІЯ.

Неужели?

ВАЛЕРІЯ.

Въ самомъ дѣлѣ—одинъ сенаторъ при мнѣ сказы-
валъ. Вольски вышли въ поле; противъ нихъ пошелъ
Коминій, а Ларцій съ твоимъ мужемъ осадили
Коріоли. Всѣ говорили, что война скоро кончится
со славой. Даю тебѣ мое слово—все это правда.
Ну, пойдемъ же съ нами.

ВИРГИЛІЯ.

Прости меня, Валерія! въ другой разъ, послѣ.

ВОЛУМНІЯ.

Оставь ее, Валерія! она и на насть скучу нагонитъ.

ВАЛЕРІЯ.

Да, и я тоже думаю. Прощайте. Пойдемъ же, доб-
рая Волумнія. Полно, Виргилія,—прогони свою
заботу, пойдемъ вмѣстѣ.

ВИРГИЛІЯ.

Еще разъ навсегда я говорю тебѣ, что не могу.
Прощайте и веселитесь.

ВАЛЕРІЯ.

Прощай, Виргилія (Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Передъ Короли.

Входяще, съ барабанами и знаменами, Марцій, Титъ
Ларцій, свита, войско. Къ нимъ идетъ Вѣстнико.

МАРЦІЙ.

Есть новости, побьемся объ закладъ:
Сраженье было.

ТИТЪ ЛАРЦІЙ.

Нѣтъ. Коня я ставлю.

МАРЦІЙ.

И я.

ТИТЪ ЛАРЦІЙ.

Согласенъ.

(Вѣстникъ подходитъ; Ларцій вѣстнику).
Что? дралися наши?

ВѢСТИКЪ.

Войска сошлись, но не было сраженья.

ТИТЪ ЛАРЦІЙ.

Конь мой.

МАРЦІЙ

Я выкуплю его.

ТИТЪ ЛАРЦІЙ

Не надо

Мнѣ выкупа, а можеъ взять его
Себѣ на время—лѣтъ на пятьдесятъ.

МАРЦІЙ (вѣстнику).

Войска далеко?

ВѢСТИКЪ.

Миляхъ въ двухъ отъ насъ.

МАРЦІЙ.

Нашъ бранный крикъ дойдетъ до ихъ ушей,
А ихъ—до нашихъ. Марсъ непобѣдимый,
Дай быстроту намъ: пусть въ кровавыхъ латахъ
Поспѣемъ мы къ друзьямъ своимъ на помощь,
Покончивъ здѣсь. Эй, трубы! дайте знакъ!

Трубы. На стѣны выходятъ Сенаторы и войско.

МАРЦІЙ

Здѣсь Туллъ Авфидій—съ вами онъ?

1-І СЕНАТОРЪ.

Здѣсь нѣтъ
Авфидія, какъ нѣтъ здѣсь человѣка,
Который васъ боялся бѣ.

(Слышна музыка за сценой).

Эти трубы
На бой зовутъ все юношество наше.
Намъ стѣнъ не нужно—въ городѣ ворота
Не заперты, а тростникомъ закрыты.
Мы выйдемъ къ вамъ на встрѣчу.

(Музыка въ другой сторонѣ).

Слышишь ты?

Авфидія то трубы! Разметалъ онъ
Дрянное войско ваше!

МАРЦІЙ.

Такъ, тамъ бьются!

ТИТЪ ЛАРЦІЙ.

Чего жъ намъ ждать? Эй, лѣстницъ! Всѣ впередъ!

Вольски выходятъ на сцену.

МАРЦІЙ.

Насъ не боятся вольски! Врагъ нашъ смѣеть
Идти на встрѣчу римлянамъ! Друзья,
Щиты на грудь! пусть сердце въ каждой груди
Забьется, твердое какъ щитъ. Впередъ!
Впередъ, Титъ Ларцій! Можно лѣ было думать,
Что мы врагу не страшны! Я въ поту
Отъ бѣшенства. Товарищи, впередъ!
Кто шагъ отступитъ, я того приму
За вольска—и убью его тотчасъ же!

Сраженіе. Римлянѣ прогнаны назадъ. Опять входитъ
Марцій.

МАРЦІЙ (воинамъ).

Пусть южная чума на васъ нагрянетъ!
Вы—Рима стыдъ! вы стадо! Пусть задавить
Васъ туча цѣлая недуговъ скверныхъ,
Пусть язвы васъ покроютъ, пусть другъ друга
Вы заражаете, пусть смрадъ и вонь
Идутъ отъ васъ по вѣтру! Чѣдѣ бѣжите,
Вы—гуси въ человѣческомъ уборѣ?
Чего боитесь вы? И обезьяны
Съ такимъ врагомъ управятся! Проклятье!
На спинахъ кровь у васъ, на лицахъ ужасъ
И блѣдность смертная. Стой! Всѣ впередъ!
Скорѣй впередъ! Клянусь огнемъ небеснымъ,
Я брошу вольсковъ и начну рубить

Я въсъ самихъ, смотрите. Такъ впередъ!
Мы ихъ загонимъ къ женамъ ихъ, отплатимъ
Мы имъ за бѣгство наше.

Опять битва. Вольски бѣгутъ къ воротамъ, Марцій
стѣмъ идти алеи за ними.

МАРЦІЙ.

Хорошо!

Ворота настежь! Не для бѣглецовъ—
Для побѣдителей ворота настежь!
Смѣлый теперь! Въ ворота! Всъ за мною!

(*Вѣргаетъ въ ворота, ихъ тотчасъ запираютъ.*)

1-й воинъ.

Онъ лѣзетъ, какъ безумный! не пойду я.

2-й воинъ.

Я тоже не пойду.

1-й воинъ.

Гляди, ворота

Замкнулись ужъ.

всъ.

Теперь совсѣмъ прошаль онъ.

(*Шумъ боя продолжается.*)

Входитъ Титъ Ларцій.

ТИТЪ ЛАРЦІЙ.

Гдѣ Марцій нашъ?

воины.

Убить, въ томъ нѣтъ сомнѣнья.

1-й воинъ.

За бѣглецами онъ ворвался въ городъ,

Ворота заперлись—одинъ онъ тамъ
Противу всѣхъ.

ТИТЪ ЛАРЦІЙ.

О, воинъ благородный!

Хвала тебѣ, ты тверже бранной стали.

Мечъ гнется—ты не гнешься! Брошенъ ты,
Утраченъ драгоцѣнныи камень Рима!

Въ мечтахъ своихъ Катонъ не создавалъ
Такого воина ⁽⁵⁾. Въ минуты боя,

Не силой рукъ одной ты грозенъ былъ,

Но взоромъ страшнымъ, голосомъ громовыми
Враговъ ты въ страхъ кидалъ, и имъ казалось,
Что подъ ногами ихъ земля дрожитъ!

Входитъ Марцій, весь въ крови, пресмыдаемый вольсками.

1-й воинъ.

Смотри! Смотри!

ТИТЪ ЛАРЦІЙ.

Онъ живъ! за мною всѣ!

Спасемте Марція иль съ нимъ погибнемъ!

(Дерутся—и всѣ выходятъ въ городъ).

СЦЕНА V.

Улица въ Коріоли.

Вѣняютъ Римляне съ добычей.

1-й римлянинъ.

Вотъ это я отнесу въ Римъ.

2-й римлянинъ.

А я это.

3-й римлянинъ.

Какой дряни я нахваталъ! Это не серебро.

Г.Б.Ч.

(Вдали трубы и шумъ боя).

Входяще Титъ Ларцій и Марцій съ трубачемъ.
Марцій.

Взгляни на этихъ уdalцовъ—какъ славно
Они ведутъ себя! Не конченъ бой,
А ужъ они хватаютъ,—кто подушку,
Кто ложку оловянную, кто тряпки,
Какихъ палачъ съ преступника не снялъ бы.
Прочь, подлецы! Стой! Слушай! Шумъ не
смолкнулъ
Въ той сторонѣ, гдѣ нашъ Коминій! Надо
Скакатъ къ нему. Тамъ врагъ мой—тамъ Авфидій.
Тѣснить онъ римлянъ... Ларцій, ты возьми
Часть воинства и городъ береги,
Я жъ поведу надежнѣйшихъ бойцовъ
Коминію на помошь.

ТИТЪ ЛАРЦІЙ.

Ты въ крови,
Мой храбрый воинъ. Изнуренный боемъ,
Какъ въ бой пойдешь ты?

МАРЦІЙ.

Не хвали меня:
Еще не разгорѣлся я. Прощай же!
Я радъ, что кровь течетъ: гораздо легче
Мнѣ отъ потери крови. Пусть Авфидій
Меня въ крови увидитъ передъ боемъ!

ТИТЪ ЛАРЦІЙ.

Пускай Фортуна, свѣтлая богиня,
Тебя полюбить, и своею силой

Отклонить мечъ противниковъ твоихъ.
Будь счастливъ, честный вождь!

МАРЦІЙ.

Прощай, мой Ларцій!

ТИТЪ ЛАРЦІЙ.

О, воинъ истинный!

(Трубачу) Иди па площадь,
Тамъ затруби и собери во мнѣ
Всѣхъ городскихъ начальниковъ — мы имъ
Объявимъ волю нашу. Ну, ступай же!

(Уходятъ).

СЦЕНА VI.

У лагеря Коминія.

Коминій и его войска (отступаютъ).

КОМИНІЙ.

Друзья, переведите духъ — вы бились
Какъ римляне: безъ дерзости безумной,
Безъ трусости при отступленьи. Вѣрьте,
Не конченъ бой. Во время жаркой сѣчи,
Къ намъ вѣтеръ доносилъ отъ вашихъ братьевъ
Военный кликъ. Пускай же боги Рима
И насть, и ихъ ведутъ къ одной побѣдѣ!
Пусть оба войска радостно сойдутся
На жертву благодарственную!

Входитъ Вѣстникъ.

коминій.

Эй,

Что новаго?

вѣстникъ.

На вылазки враги

Пошли изъ города. Сраженье было,
Когда сюда я ѿхалъ, нашихъ гнали
Къ самимъ валамъ.

коминій.

Хоть говоришь ты правду,
Мнѣ рѣчь твоя не нравится. Давно ли
Ты видѣлъ бой?

вѣстникъ.

Тому не больше часа.

коминій.

Вблизи, недавно, слышали мы трубы,
Не дальше какъ за милю. Почему
Такъ долго ѿхалъ ты?

вѣстникъ.

За мною гнались;

Я длинный поворотъ былъ долженъ сдѣлать
И съ вѣстью опоздалъ я.

Входитъ Марцій.

коминій.

Что за воинъ

Пришелъ къ намъ, весь въ крови? Благіе боги!

На Марція похожъ онъ. Мнѣ случалось
Его видать въ крови.

МАРЦІЙ.

Что? Опоздалъ я?
КОМИНІЙ.

Скорѣй пастухъ не распознаетъ грома
Отъ звуковъ бубна, чѣмъ не отличу
Я голосъ Марція межъ голосами
Другихъ людей. Ты Марцій!

МАРЦІЙ.

Опоздалъ я?
КОМИНІЙ.

Да, если ты покрыть своею кровью,
Не вражеской.

МАРЦІЙ.

Дай мнѣ обнять тебя
Такъ крѣпко, какъ жену я обнимаю:
Мнѣ весело, какъ на вѣнчальномъ пирѣ!

КОМИНІЙ.

Скажи мнѣ, цвѣтъ вождей, гдѣ нашъ Титъ
Ларцій?

МАРЦІЙ.

Нарядомъ въ городѣ теперь онъ занятъ:
Однихъ казнить, другихъ онъ шлетъ въ
изгнанье,
Прощаетъ третьихъ, назначаетъ выкупъ.
Въ Коріоли онъ правитъ римской властью,
И горожанъ онъ держитъ, словно свору
Послушныхъ псовъ.

КОМИНІЙ.

Гдѣ рабъ, который мнѣ
Осмѣлился сказать, что васъ прогнали
Къ самимъ валаамъ? Послать его!

МАРЦІЙ.

Не нужно:

Онъ правъ. Одни патриціи дрались.
Плебеи жъ — (и трибуновъ имъ!) — постыдно
Бѣжали такъ отъ подлой вольской рати,
Какъ мышь отъ кошки бѣгать не привыкла!

КОМИНІЙ.

Но какъ же одолѣли вы?

МАРЦІЙ.

Не время

Теперь болтать. Мнѣ кажется... Гдѣ вольски?
Ты побѣдилъ ли? Если нѣтъ — зачѣмъ
Вы перестали драться?

КОМИНІЙ.

Храбрый Марцій,
Не побѣдили мы, — но отступаемъ
Съ хорошей цѣлью.

МАРЦІЙ.

Боевой порядокъ
Какой у нихъ? Съ которой стороны
У нихъ полки отборные?

КОМИНІЙ.

Дружина
Передовая вся изъ анціатовъ,

Бойцовъ надежнѣйшихъ; Авфидій съ ними,
Ихъ лучшая надежда.

МАРЦІЙ.

Заклинаю

Тебя во имя дружескихъ обѣтовъ,
Во имя битвъ, гдѣ кровь мы лили вмѣстѣ,
Дай мнѣ сейчасъ идти на анціатовъ,
На ихъ вождя. Не пропускай минуты,
Пусть засверкаютъ въ воздухѣ сейчасъ же
Мечи и копья.

КОМИНІЙ.

Лучше бѣ я желалъ
Тебя свести туда, гдѣ теплой влагой
Твои обмоютъ раны,—но не смѣю
Противорѣчить я. Бери полки,
Какіе пожелаешь.

МАРЦІЙ.

Я желаю

Съ собой взять тѣхъ, кто самъ того желаетъ.

(Къ войску).

Когда здѣсь есть—и преступленьемъ было бѣ
Въ томъ сомнѣваться—храбрые бойцы,
Привѣтливо глядѣвшіе на кровь,
Которой я раскрашенъ; если здѣсь
Есть воины, которымъ слава Рима
Себя дороже, для кого безславье
Страшнѣе смерти, для кого милѣй
Кончина честная, чѣмъ жизнь въ позорѣ,

Пусть тотъ, и всѣ, кто съ нимъ согласны будутъ,
Подымутъ руки—и идутъ на бой
За Марціемъ (*Поднимаетъ руку*).

(*Крики. Воины бросаютъ копья и подхватываютъ Марциевъ руки*).

Пустите! я не мечъ—
Зачѣмъ хватать меня? Когда вы точно
Таѣтъ рветесь въ бой, то четверыхъ враговъ
Здѣсь каждый воинъ стоять. Вамъ не страшенъ
Авфидій самъ: съ могучимъ полководцемъ,
Щитомъ къ щиту, изъ васъ достоинъ всякой
На бой сойтись. Благодарю васъ всѣхъ,
Но выберу немногихъ: свой чередъ
Придетъ и остальнымъ въ другое время!
Впередъ, друзья, скорѣе въ путь! Изъ васъ
Я четверымъ вождямъ велю избрать
Охотниковъ.

компаний.

Впередъ, впередъ, друзья!
Скорѣе оправдайте ожиданье,—
И наградимъ мы васъ за подвигъ вашъ.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА VII.

Площадь у воротъ въ Коріоли.

Титъ Ларцій (оставивъ отрядъ для защиты горо
выходитъ съ военной музыкой на помощь къ Коминію и
Марцію. При немъ вожди, воины и проводники).

Ларцій (офицеру).

Замкнуть ворота, — и не забывать
Моихъ приказовъ. Избранныя сотни
Прислать ко мнѣ, едва я вѣсть подамъ,
А съ остальными защитиши ты городъ
На краткій срокъ. Сраженье потерявши,
Его не удержать намъ.

ОФИЦЕРЪ.

На меня

Ты можешь положиться.

ЛАРЦІЙ.

Прочь. За нами

Замкни ворота. Проводникъ, иди,
Веди настъ въ римскій лагерь.

(Уходятъ).

СЦЕНА VIII.

Поле сраженія между лагеремъ римлянъ и вольсковъ.

Боевые крики. Входятъ съ противоположныхъ сторонъ
Марцій и Авфидій.

МАРЦІЙ.

Съ тобой однимъ я бьюсь. Клятвопреступникъ
Мнѣ ненавистенъ менѣе чѣмъ ты!

А В Ф И Д І Й.

По ненависти оба мы равны.

Ты мнъ гнуснѣй, чѣмъ африканскій гадъ,
Съ твою злобой и съ твою славой.

Готовься къ бою.

М А Р Ц І Й.

Кто отступитъ первый,
Пусть навсегда идетъ въ рабы къ другому
И небесами проклятъ будетъ.

А В Ф И Д І Й.

Марцій,

Когда я отступлю, кричи мнъ вслѣдъ,
Какъ зайцамъ вслѣдъ кричатъ.

М А Р Ц І Й.

Я три часа

Одинъ, въ стѣнахъ Коріоли, сегодня
Сражался досыта. Ты видишь, кровью
Я весь покрытъ, — то кровь твоихъ друзей!
Готовься мстить — сбери свои всѣ силы!

А В Ф И Д І Й.

Хотя бъ ты Гекторъ быль, которымъ въ Римѣ
Такъ хвалятся, ты не уйдешь теперь.

(Сражаются; вспыхаютъ вольски на помощь Авфидію).

Не кстати мнъ теперь услуга ваша.

Мнъ стыдно за себя! впередъ! впередъ!

(Уходятъ).

СЦЕНА IX.

Римскій лагерь.

Трубные звуки. Съ одной стороны входят **Коминій** и римляне, съ другой **Марцій** (рука у него подвязана) и его свита.

коминій (*Марцию*).

Когда бъ про все, что сдѣлалъ ты сегодня,
Я рассказалъ тебѣ—своимъ дѣламъ
Ты не повѣрилъ бы; но я храню
Для Рима мой разсказъ. Отцы сената,
Съ улыбкою сквозь слезы, будутъ слушать;
И славные патриціи, внимая
Мнѣ съ трепетомъ, придутъ во изумленье!
И жены задрожать въ испугѣ сладкомъ,
И жалкіе завистники-трибуны
Воскликнутъ поневолѣ: «Слава небу
За то, что въ Римѣ есть такой воитель!»

Возвращается **Титъ Ларцій** и войско, преслѣдовавшее
непріятеля.

коминій (*Титу Ларцию*).

Едва засталъ ты наше торжество.
Пиръ собственный свершалъ ты.

титъ ларцій.

(указывая на *Марция, Коминію*).

Полководецъ,
Вотъ бранный конь — нашъ Марцій. Мы
съ тобой—
Одинъ убить его. Когда бъ ты видѣлъ...

МАРЦІЙ.

Друзья, довольно. Тешно слушать мнѣ
И матери моей хвалы, хотя она
Свое дитя хвалить имѣеть право.
Я сдѣлалъ то, что сдѣлали вы всѣ,
Чтѣ могъ я сдѣлать. Родинѣ своей
Равно мы служимъ; тотъ меня славиѣе,
Кто послужилъ ей такъ, какъ бы желалъ.

КОМИНІЙ.

Мы не дадимъ тебѣ твои заслуги
Въ молчаньи погребсти. Узнаетъ Римъ,
Какія дѣти у него. Кто смѣеть
Отъ родины скрывать такую славу,
Тотъ воръ и сокровенный клеветникъ!
И потому — безъ мысли о наградахъ,
Но какъ свидѣтельства заслугъ твоихъ,
Тебя прошу я передъ нашимъ войскомъ
То выслушать, что я скажу тебѣ.

МАРЦІЙ.

Израненъ я, и если воспоминаютъ
О ранахъ тѣхъ, болятъ онѣ.

КОМИНІЙ.

Намъ должно
О нихъ твердить — одна неблагодарность
Ихъ можетъ растрявить смертельный ядомъ!
И такъ, изъ боевой добычи нашей,
Изъ всѣхъ коней (а ихъ добыто много),
Изъ городскихъ сокровищъ, мы даемъ
Тебѣ одну десятую. На выборъ

Бери ее предъ дѣлежомъ добычи,
Какъ знаешь самъ.

МАРЦІЙ.

Спасибо, полководецъ!

Но не привыкъ я платы принимать
За дѣло брани. Не возьму я дара.
Пусть мнѣ дадутъ ту часть, что всѣмъ дается
Изъ боевыхъ товарищай.

(Трубы и музыка въ честь Марція. Всѣ кричатъ: «Марцій! Марцій!» и кидаютъ шапки, поднимаютъ копья. Титъ Ларцій и Коминій скидываютъ шлемы).

МАРЦІЙ.

Пусть эти трубы бранныя на вѣкъ
Останутся безъ звука! Осрамили
Вы голосъ ихъ: не позволяйте трубамъ
И барабанамъ льстить на полъ чести.
Пусть въ городахъ и при дворахъ живутъ
Одни лгуны изнѣженные: тамъ,
Гдѣ сталь мягка, какъ шелкъ на паразитѣ,
Для боя не годна она. Довольно,
Прошу я васъ, молчите. Не за то ль,
Что не успѣлъ я носъ обмыть отъ крови,
Что нѣсколькихъ я слабыхъ бѣдняковъ
Убилъ въ бою, какъ всякий можетъ сдѣлать,—
Вы мнѣ привѣтъ напыщенный кричите,
Какъ будто безъ похвалъ не вспомню я
Своихъ заслугъ неважныхъ?

КОМИНИЙ.

Скроменъ ты,

Жестокъ ты къ славѣ собственной, не цѣнишь
Своихъ правдивыхъ читателей. Нѣтъ нужды!
Мы не допустимъ, чтобъ ты самъ себѣ
Теперь вредилъ. Тебѣ мы руки свяжемъ
И станемъ говорить съ тобой потомъ.
Пусть знаютъ люди, здѣсь и въ цѣломъ свѣтѣ,
Что Каій Марцій въ настоящей бранї
Вѣнокъ побѣдный честно заслужилъ!
Въ залогъ того, изъ всѣхъ моихъ коней
Я лучшаго, извѣстнаго всей рати,
Ему дарю, со всей богатой сбруей!
За подвиги жъ великие воїдя,
Передъ Коріоли и въ разныхъ битвахъ,
Пускай впередъ зовется онъ отъ насъ,
При шумныхъ и хвалебныхъ крикахъ войска:
Каіемъ Марціемъ Коріоланомъ!
Привѣтъ ему! И пусть отнынѣ онъ
Прозваніе свое со славой носить!

(Громкая музыка; трубы, крики).

В С Ф.

Каій Марцій Коріоланъ!

МАРЦІЙ.

Пойду, умоюсь я,—а тамъ глядите,
Я покраснѣлъ иль нѣтъ. Спасибо всѣмъ!
Я стану ъздить на конѣ, а также
Стараться, чтобъ привѣтное прозванье
Съ достоинствомъ носить.

КОМИНИЙ.

Пойдемъ теперь

Въ палатку нашу. Тамъ, не отыхая,
Я напишу письмо съ хорошей вѣстью
И въ Римъ пошлю. Титъ Ларцій, воротись
Скорѣй въ Коріоли, и въ Римъ оттуда
Пришли гражданъ надежныхъ, чтобы условия
Постановить на пользу всѣмъ.

ТИТЪ ЛАРЦІЙ.

Сейчасъ же

Туда я ўду.

КОРИОЛАНЪ.

Боги надо мною
Хотятъ шутить. Сейчасъ я отказался
Отъ царственныхъ даровъ, а подхожу
Къ тебѣ я съ просьбою.

КОМИНИЙ.

На все согласенъ!

Въ чёмъ просьба?

КОРИОЛАНЪ.

Я въ Коріоли не разъ
Имѣлъ почлегъ въ дому у бѣдняка
Изъ гражданъ города. Всегда онъ былъ
Со мною ласковъ. Онъ теперь въ плѣну;
Онъ звалъ меня,—но я, въ минуты боя,
Гонялся за Авфидіемъ, отъ гнѣва
Забывши жалость. Я прошу тебя:
Освободи его.

КОМИНИЙ.

Святая просьба!

Хотя бъ убилъ онъ сына моего,
Остался бъ онъ вольнѣе вѣтра. Ларцій,
Освободить его.

ЛАРЦІЙ.

Какое имя

У пленника?

МАРЦІЙ.

Клянусь Зевесомъ, вспомнить
Не въ силахъ я. Усталъ я и какъ будто
Лишился памяти. Здѣсь есть вино?

КОМИНИЙ.

Идемъ въ палатку. На твоемъ лицѣ
Кровь запеклась,—давно пора подумать
О перевязкахъ. Ну, идемте всѣ.

(Уходятъ).

СЦЕНА X.

Лагерь Вольсковъ.

*Крики, музыка. Входитъ Туллъ Авфидій, весь въ
крови, и нѣсколько воиновъ.*

АВФИДІЙ.

Нашъ городъ взятъ!

1 Й ВОИНЪ.

Его намъ возвратять

На выгодныхъ условіяхъ.

АВФИДІЙ.

Зачѣмъ я

Не римлянинъ! Условіяхъ! Зачѣмъ я

Родился здѣсь! Условія! Какихъ
Условій ждать тотъ можетъ, кто во власти
У побѣдителей? Пять разъ я, Марцій,
Съ тобой сражался, побѣженъ пять разъ
Я былъ тобой, и побѣждать ты будешь,
Хотя бъ съ тобой встрѣчались мы такъ часто,
Какъ хлѣбъ єдимъ. Стихіями клянусь!
Пусть разъ еще сойдуся я съ тобою
Лицомъ къ лицу—одинъ изъ насть не встанетъ!
До этихъ поръ мы честно бились оба,
Теперь не то: я вижу, что тебя
Мнѣ не сломить въ простомъ единоборствѣ.
Не силой, такъ коварствомъ я добуду
Себѣ побѣду надъ моимъ врагомъ!

1-й воинъ.

Онъ сущій дьяволъ!

А В Ф И Д І Й.

Онъ смѣлѣе бѣса,
Но не хитрѣй. Онъ запятналъ мнѣ славу.
Не дорожу я ею. Пусть онъ спитъ,
Пусть въ храмѣ онъ, пусть онъ лежитъ больной,
Пусть безъ меча идетъ онъ въ Капитолій,—
Меня не остановятъ ни молитвы,
Ни жертвы часъ, ни торжества жрецовъ;
Чтобъ утолить вражду—пойду я смѣло
Противъ гнилыхъ законовъ и привычекъ
За мщеніемъ. Гдѣ ни найду его я,
Хотя въ моей семье, хоть подъ защитой

У брата кровнаго, на зло преданьямъ,
На зло гостепріимству, я руками
Изъ груди сердце вырву у него!
Ступай скорѣе въ городъ,—тамъ узнаешьъ,
Что новаго и кто изъ гражданъ посланъ
Заложниками въ Римъ.

1-й воинъ.

А ты не съ нами?

А Фидій.

Нѣтъ, ждутъ меня здѣсь, въ кипарисной рощѣ,
У мельницы—туда мнѣ дай извѣстье,
Тамъ я рѣшу, что дѣлать мнѣ.

1-й воинъ.

Я ѿду.

(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Римъ. Народная Площадь.

Входятъ Мененій, Сициній и Брутъ.

М Е Н Е Н І Й.

Къ вечеру будутъ вѣсти. Авгуръ⁽⁶⁾ сказалъ это.

Б Р У ТЪ.

Добрыя? Худыя?

М Е Н Е Н І Й.

По крайней мѣрѣ, не по народному вкусу, коли народъ не любить Марція.

С И Ц И Н І Й.

И звѣрь различаетъ того, кто съ нимъ ласковъ.

М Е Н Е Н І Й.

А скажи-ка мнѣ—бого, напримѣръ, волкъ любить?

С И Ц И Н І Й.

Ягненка.

М Е Н Е Н Й.

Да, чтобъ его съѣсть,—такъ и наши плебеи хотѣли бы съѣсть Марція.

Б Р У ТЪ.

Хорошъ ягненокъ! Зачѣмъ онъ только блѣетъ по медвѣжьему?

М Е Н Е Н Й.

Можетъ быть, онъ и медвѣдь, да живетъ по овечьи.
Оба вы пожилые люди, такъ отвѣчайте мнѣ теперь на одинъ вопросъ.

О Б А Т Р И Б У Н А.

Что же, спрашивай?

М Е Н Е Н Й.

Скажите мнѣ, есть ли хоть одинъ грѣхъ, въ которомъ Марцій не казался бы бѣднякомъ передъ вами?

Б Р У ТЪ.

Нѣтъ ни одного грѣха, въ которомъ онъ бѣденъ; всѣми богатъ онъ по горло.

С И Ц И Н Й.

А пуще всего гордостью.

Б Р У ТЪ.

Хвастливостью—еще болѣе.

М Е Н Е Н Й.

Странное дѣло! А знаете ли, въ чемъ мы, старшіе люди въ городѣ, упрекаемъ вашу братью? Не знаете?

О БА ТРИБУНА.

Ну, ну, въ чёмъ нась упрекаютъ?

М Е Н Е Н И Й.

Да вѣдь вы, пожалуй, разсердитесь; сейчасъ лишь рѣчь шла про гордость.

О БА ТРИБУНА.

Ничего, ничего, говори себѣ.

М Е Н Е Н И Й.

Да и въ самомъ дѣлѣ, теряйте себѣ терпѣніе, бѣситесь въ волю, закусывайте удила, злитесь сколько угодно, разумѣйтесь, если вамъ угодно злиться. Вы браните Марція за гордость?

Б Р У ТЪ.

Не одни мы, добрый господинъ.

М Е Н Е Н И Й.

Знаю, знаю, что одни вы не много значите. Помощниковъ у васъ много: безъ нихъ то чего бы и ждать отъ васъ, ребятишекъ, кромѣ однихъ глупостей! Вы толкуете про гордость — а кабы умудрились заглянуть въ свои мѣшки за спинами!⁽⁷⁾ Если бы на себя вамъ поглядѣть хорошенъко!

Б Р У ТЪ.

Ну, что жъ бы тогда?...

М Е Н Е Н И Й.

Тогда разглядѣли бы вы оба пару безумнѣйшихъ, гордыхъ, дерзкихъ, безтолковыхъ трибуновъ, такихъ трибуновъ — или такихъ дураковъ — какихъ и въ Римѣ немнogo.

СИЦИНИЙ.

Ну, ну, мы тебя вѣдь хорошо знаемъ, Мененій.
МЕНЕНИЙ.

Меня всѣ знаютъ. Меня знаютъ за весельчака-
патриція, за охотника до чаши вина, въ которую
не подольетъ онъ и капли воды изъ Тибра. Гово-
рять, что я таю отъ первой жалобы, загораюсь
какъ трутъ отъ малой искры, что я сплю утромъ,
а гуляю ночью. Я говорю то, что думаю, а въ серд-
цахъ молчать не умѣю. Встрѣчу я такихъ государ-
ственныхъ людей, какъ вы оба—не хватитъ у меня
духа провозгласить васъ Ликургами. Коли ваше
питье мнѣ не по нраву, я морщусь, не таясь. Не
могу жъ я сказать, что ваша ослиная рѣчь отчет-
лива; когда другие люди называютъ васъ достой-
ными мужами, я не возражаю, но не могу же я не
назвать лгуномъ того, кто восхищается красотой
лицъ вашихъ. Все это вы про меня знаете, да изъ
того не слѣдуетъ, чтобъ меня самого вы хорошо
знали!

БРУТЬ.

Довольно, довольно! Все-таки мы тебя знаемъ.
МЕНЕНИЙ.

Не знаете вы ни меня, ни себя, — да и просто
ничего не знаете. Вы любите, чтобъ разные голяки
вамъ кланялись; вы рады тратить цѣлое утро, рѣ-
шая споръ какихъ нибудь дрянныхъ торгащей между
собою. Схватить у васъ животъ во время этихъ

споровъ — и все терпѣніе ваше пойдетъ прахомъ, и дѣло запутается пуще прежняго. И правый, и виноватый у васъ мошенники: это, по вашему, значитъ решать споры. Оба вы порядочные чудаки, надо признаться!

БРУТЪ.

Ну, ну; какъ будто и мы тебя не знаемъ? За столомъ ты радъ болтать безъ умолку, въ Капитоліѣ — другое дѣло.

МЕНЕНИЙ.

Сами жрецы ваши выучатся хохотать, часто встрѣчая вашу братью! И въ лучшей рѣчи вашей смысла меньше, чѣмъ въ покачиваніи бородъ вашихъ; а что до этихъ бородъ, такъ лучше бы идти имъ въ пабивку ослиныхъ сѣдель. Да, по вашему, Марцій гордъ, очень гордъ; да, онъ, и по скупой одѣнкѣ, дороже всѣхъ вашихъ предковъ, съ Девкалиона, хоть иные изъ нихъ и были потомственными палачами. Прощайте же, достойные пастухи плебейского стада: голова закружится отъ болтовни съ вами. Осмѣливаюсь вамъ откланяться.

(Брутъ и Сициній отходятъ въ глубину сцены).

Входятъ Волумнія, Еиргилія и Валерія.

МЕНЕНИЙ.

Что съ вами, мои прекрасныя и честныя дамы? Куда это вы спѣшите, соперницы луны непорочной? Куда вы глядите съ такимъ нетерпѣніемъ?

В О Л У М Н И Я.

Почтенный Мененій, мы встрѣчаемъ моего сына
Марція. Идемте же ради Юноны!

М Е Н Е Н И Й.

Какъ? Марцій вступаетъ въ городъ?

В О Л У М Н И Я.

Да, достойный Мененій, и съ великою славою!

М Е Н Е Н И Й (*кидаетъ шапку вверхъ*).

Вотъ тебѣ моя шапка и мой привѣтъ, великий
Юпитеръ! Марцій вернулся къ намъ?

В О Л У М Н И Я И В И Р Г И Л I Я.

Да, да, это вѣрно.

В О Л У М Н И Я.

Смотри, вотъ его письмо ко мнѣ. Въ сенатѣ по-
лучено другое, его женѣ пришло третье, а одно
уже къ тебѣ послано.

М Е Н Е Н И Й.

Весь мой домъ сегодня запляшетъ отъ радости!
Письмо ко мнѣ?

В И Р Г И Л I Я.

Я его сама видѣла.

М Е Н Е Н И Й.

Письмо ко мнѣ? Оно принесетъ мнѣ на семь
лѣтъ здоровья. Чѣмъ мнѣ въ лекаряхъ? Какое ихъ
пойло сравнится съ такимъ лекарствомъ? Раненъ
Марцій? Онъ всегда приходилъ домой раненымъ.

В И Р Г И Л I Я.

О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

В О Л У М Н І Я.

Да, онъ раненъ: хвала богамъ за это!
МЕНЕНИЙ.

Хвала богамъ! Лишь бы раны не были сильны.
Раны идутъ къ нему. И побѣду принесъ онъ въ
карманъ?

В О Л У М Н І Я.

На челъ, Мененій. Третій разъ вступаетъ онъ
съ дубовымъ вѣнкомъ въ городъ.

МЕНЕНИЙ.

Хорошо проучилъ онъ Авфидія?

В О Л У М Н І Я.

Титъ Ларцій пишеть, что они бились между со-
бою. Авфидій бѣжалъ отъ сына.

МЕНЕНИЙ.

И хорошо сдѣлалъ—даю мое слово! Быть на его
мѣстѣ не захотѣлъ бы я за все золото въ Коріоли.
Сенатъ обо всемъ уже знаетъ?

В О Л У М Н І Я.

Валерія, Виргилія — идемте же! Да, да, да, се-
нату писано все—ему писано, что мой сынъ пре-
взошелъ всѣ свои прежнія дѣла, что за нимъ
останется вся слава цѣлаго похода.

В А Л Е Р І Я.

Про него рассказываютъ чудеса.

МЕНЕНИЙ.

И правду говорять — даю мое слово.

ВИРГИЛІЯ.

Боги — пусть все это будетъ правда!

ВОЛУМНІЯ.

Правда? еще бы!

МЕНЕНИЙ.

Правда? Ручаюсь, все правда! (*Трибуналъ, которые приближаются*). Привѣтъ вамъ, почтенные мужи! Марцій вступаетъ въ городъ, — теперь-то онъ загордится пуще прежняго. (*Волумній*). Куда онъ раненъ?

ВОЛУМНІЯ.

Въ плечо — въ лѣвую руку. Ему будетъ что показать народу при случаѣ. Семь разъ былъ онъ раненъ, когда отбивались отъ Тарквинія.

МЕНЕНИЙ.

Одна рана на шеѣ, двѣ на ногѣ — всего девять мнѣ известныхъ.

ВОЛУМНІЯ.

На немъ было двадцать пять ранъ передъ этимъ походомъ.

МЕНЕНИЙ.

Теперь ихъ двадцать семь — каждая была гибелью для супостата. (*Трубы*). Слышите, трубятъ!

ВОЛУМНІЯ.

Такъ, это вѣсть о Марціѣ! Предъ нимъ Народъ ликуетъ. Вопли побѣжденныхъ

За нимъ несутся. Черной смерти духъ
Живеть во взмахѣ рукъ его могучихъ!

Трубы. Входяты Герольдъ, Коминій и Титъ Ларцій, между двумя посыдними Коріоланъ въ дубовомъ вѣнкѣ, за ними воєди, воины.

ГЕРОЛЬДЪ.

Пусть знаетъ Римъ, что средь столицы вражьей
Одинъ сражался Марцій, что съ побѣдою
Себѣ онъ добылъ къ прежнимъ именамъ
Прозванье славное Коріолана!
Привѣтъ тебѣ отъ Рима, побѣдитель,
Привѣтъ тебѣ, Коріоланъ нашъ славный!

ВЕСЬ НАРОДЪ.

Привѣтъ тебѣ, Коріоланъ нашъ славный!

КОРІОЛАНЪ.

Прошу васъ, перестаньте. Сердцу больно.
Довольно съ васъ.

КОМИНИЙ.

Смотри, здѣсь мать твоя.

КОРІОЛАНЪ (*матери, становясь на колѣни*).

О, знаю я—ты всѣхъ боговъ молила
Послать мнѣ счастья!

ВОЛУМНІЯ.

Встань, мой добрый воинъ,
Мой милый Марцій, храбрый Каій—встань!
Какое имя новое со славой

Ты добылъ!... Встань же, мой Коріоланъ!
Вотъ и жена твоя!

КОРІОЛАНЪ.

Привѣтъ тебѣ,
Моя смиренница! Уже-ли бѣ стала
Смѣяться ты, меня встрѣчая мертвымъ,
Когда теперь, при славной этой встрѣчѣ,
Ты вся въ слезахъ? О, милая моя,
Въ Коріоли такъ плачутъ вдовы падшихъ
И матери бездѣтныя.

МЕНЕНИЙ.

Пусть боги
Тебя теперь вѣнчаютъ!

КОРІОЛАНЪ.

Мой старикъ,
Ты живъ еще!
(*Валеріи.*) Ты здѣсь? прости меня,
Валерія прекрасная!

ВОЛУМНІЯ.

Не знаю,
Куда и повернуться! Всѣхъ съ возвратомъ
Привѣтствую! Привѣтъ тебѣ отъ насъ,
Нашъ полководецъ! Всѣмъ вамъ мой привѣтъ

МЕНЕНИЙ.

Сто тысячи вамъ привѣтовъ! Я готовъ
И плакать, и смѣяться. Мнѣ легко
И вмѣстѣ тяжело. Привѣтъ мой всѣмъ!

Пусть будетъ проклятъ тотъ, кто не умѣеть
Порадоваться на тебя. Васъ трехъ
Весь Римъ лелѣять долженъ, хоть, признаться
Здѣсь есть глупцы, къ которымъ не привьешь
Расположенія къ вамъ. Вожди, здорово!
Крапивой мы привыкли звать крапиву
И глупостью—глупцовъ дѣла.

КОМИНИЙ.

Ты правъ.

КОРИОЛАНЪ.

Все прежній ты Мененій.

ГЕРОЛЬДЪ.

Прочь съ дороги!

Впередъ, впередъ!

Коріоланъ (*матери и женъ*).

Давайте руки ваши!

Предъ отдыхомъ въ родномъ дому, я долженъ
Привѣтствовать патриціевъ почтенныхъ
За ласку ихъ и почесть.

ВОЛУМНІЯ.

Дожила я

До исполненія всѣхъ моихъ мечтаній,
Всѣхъ помысловъ моихъ! Одно желанье
Еще осталось мнѣ—и нѣть сомнѣнья,
Что Римъ его исполнить.

КОРИОЛАНЪ.

Нѣть, родная,

Пусть лучше римлянамъ служить я буду

По моему, чѣмъ править ихъ дѣлами
По ихнему.

КОМИНИЙ.

Впередъ же—въ Капитолій!

(Трубы. Прежнее торжественное шествіе. Уходятъ
всѣ, кромѣ двухъ трибуновъ).

БРУТЬ.

Все говорить о немъ: слѣпые люди,
Чтобъ на него взглянуть, очки надѣли.
Забывъ дѣтей, ревущихъ изступленно,
Глаза таращать нянки на него;
Прикрывши шею лучшою тряпицей,
На стѣну лѣзутъ грязныя кухарки
И жадно смотрятъ. Окна и ворота
Запружены толпою; по заборамъ
Верхомъ сидятъ зѣваки; все слилось
Въ одномъ желаньи жадномъ. И жрецы,
Которыхъ рѣдко видимъ мы въ пародѣ,
Толкаются въ толпѣ, и жены сами,
Забывши покрывала, предаютъ
Лобзаньямъ Феба нѣжный свой румянецъ! (8)
Подумаешь, что богъ какой нибудь
Его привелъ и слился вмѣстѣ съ нимъ,
Чтобы придать ему очарованье!

СИЦИНІЙ.

Ручаюсь я—сейчасъ ему дадутъ
Санть консула.

Б Р У Т Ъ.

И наша власть уснетъ
При консулѣ такомъ.

С И Ц И Н И Й.

Нѣтъ, не способенъ
Онъ перенестъ спокойно эту почесть
И кончить такъ, какъ началъ. Потеряетъ
Онъ все, что добылъ.

Б Р У Т Ъ.

Это хоть отрадно!

С И Ц И Н И Й.

Вѣрь мнѣ — народъ, съ которымъ заодно мы,
Народъ, недавно такъ ему враждебный,
При первомъ поводѣ, легко забудетъ
Всю эту славу новую. Ручаюсь —
За поводомъ не будетъ остановки,
При гордости его.

Б Р У Т Ъ.

При мнѣ онъ клялся,
Что онъ не будетъ консульства искать,
Такъ какъ другіе: не пойдетъ на площадь,
Не станетъ надѣвать передъ народомъ
Смиренія одѣжду, и на раны
Показывая, не попросить онъ
Согласія у смрадныхъ ротозѣевъ!

С И Ц И Н И Й

Вотъ это хорошо.

Б Р У Т Т.

Такъ онъ сказалъ!

Онъ не захочетъ консульства такого,
А лучше будетъ консуломъ, помимо
Народной воли и по просьбѣ знати.

С И Ц И Н І Й.

Пусть будетъ такъ, пускай онъ все исполнитъ,
Какъ ты сказалъ.

Р У Т Т.

И онъ исполнить это.

С И Ц И Н І Й.

И тутъ-то онъ, какъ мы того желаемъ,
Погибнетъ самъ.

Б Р У Т Т.

Одно изъ двухъ теперь:

Онъ—или сила наша. Поспѣшимъ же
Народу то припомнить, какъ всегда
Онъ презиралъ народъ, какъ онъ старался
Плебеевъ обращать въ ословъ презрѣнныхъ,
Какъ зажималъ онъ рты друзьямъ народа,
Какъ ополчался противъ нашихъ правъ,
Считая чернь—по свойствамъ и душѣ—
Не выше тѣхъ верблюдовъ, что при войскѣ
Везутъ припасы, получая кормъ
За тяжкую работу, и которыхъ
Жестоко бьютъ, когда они подъ ношей
Повалятся.

СИЦИНИЙ.

Все то, что ты сказалъ,
Народу мы разскажемъ, пусть лишь только
Онъ дерзостью своею образумитъ
Слѣпую чернь—а это будетъ скоро:
Мы подстрекнемъ его, какъ подстрекаютъ
Собаку на барановъ—а тогда
Плебеи вспыхнутъ, словно тощій хворостъ,
И закоптятъ его навѣкъ.

Входитъ ВѢСТИНИКЪ.

СИЦИНИЙ.

Что скажешь?

ВѢСТИНИКЪ.

Васъ въ Капитолій требуютъ. Ужъ слышно,
Что Марцій будетъ консуломъ. Я видѣлъ—
Слѣпцы толкались, чтобъ его послушать,
Глухіе, чтобъ взглянуть ему въ лицо;
Когда онъ шелъ, свои платки, повязки
Ему кидали женщины и дѣвы;
Патриціи склонялись передъ нимъ,
Какъ предъ кумиромъ Зевса; изъ толпы же
Дождемъ летѣли шапки, и привѣты
Неслись какъ громъ. Нѣтъ, никогда не видѣлъ
Я ничего подобнаго.

БРУТЬ.

Скорѣй,

Идемъ же въ Капитолій. Будемъ слушать

И видѣть то, что дѣлается нынче,
Въ сердцахъ готовясь на другое время.
Сициній.

Идемъ же!

СЦЕНА II.

Капитолій.

Входятъ два Служителя съ подушками для скамеекъ
1-й служитель.

Иди, иди, сейчасъ они будутъ. А сколько всѣхъ—
кто ищетъ консульства?

2-й служитель.

Тroe, какъ слышно, да едва ли кто пересилитъ
Коріолана.

1-й служитель.

Храбрецъ онъ — нечего сказать—только гордъ,
да и въ народу ужъ очень неласковъ.

2-й служитель.

Эхъ! Да сколько сильныхъ людей лъстили наро-
ду — и понапрасну, а другихъ народъ любилъ, и
сами они не знаютъ, за что: такъ стало быть, ко-
ли чернь умѣеть любить безъ толку, то и нена-
видитъ она безъ причины! А Коріоланъ это знаетъ:
онъ не заботится ни о любви, ни о ненависти чер-
ни, да по своей откровенности и не скрываетъ этого.

1-й служитель.

Коли бы ему было все равно, любъ онъ или не
любъ народу,—не сталъ бы онъ дѣлать ни зла,
ни добра черни. Нѣтъ, онъ словно ищетъ нена-

висти народной; поминутно силится выказать себя открытымъ противникомъ плебеевъ. А напрашиваться на вражду черни также худо, какъ и льстить ей, какъ ухаживать за толпою.

2-й служитель.

Онъ честно служилъ отечеству. Онъ прославился не пустяками, не поклонами народу; онъ умѣль сдѣлать то, что молчать о его славѣ, не цѣнить заслугъ его—есть и неблагодарность, и преступление. Кто унижаетъ его, тотъ лжетъ и самъ готовитъ себѣ наказаніе.

1-й служитель.

Довольно, довольно—онъ славный человѣкъ. Прочь съ дороги—сюда идутъ.

Трубы. Входятъ, имья ликторовъ впереди, консулъ Коминій, Мененій, Коріоланъ, сенаторы, Сициній и Брутъ. Сенаторы занимаютъ свои места, трибуны садятся на свои.

МЕНЕНІЙ.

Такъ какъ ужъ мы за Ларціемъ послали
И съ вольсками рѣшили всѣ дѣла,
То остается намъ—(и это дѣль,
Съ которою мы всѣ сюда собрались)—
Вознаградить великия заслуги
Того, кто такъ за родину стоялъ.
И потому я предложить осмѣлюсь
Вамъ, честные и мудрые отцы,
Сидящаго здѣсь консула и вмѣстѣ

Начальника въ минувшей славной брани
Просить о томъ, чтобъ передалъ онъ намъ
Хоть часть одну великихъ дѣлъ, совершенныхъ
Каiemъ Марціемъ Коріоланомъ,
Съ которымъ здѣсь мы встрѣтились, желая
Благодарить его и честью должной
Ему воздать.

1-й СЕНАТОРЪ.

Коминій благородный,
Рѣчъ за тобой. Не сокращай разсказа—
Пусть усомнимся мы не въ нашей волѣ,
Но въ средствахъ государства для награды.

(Трибуналъ).

У васъ теперь, избранники народа,
Вниманія мы просимъ, а затѣмъ
Предстательства и дружественной рѣчи
О томъ, чтобъ мы рѣшимъ.

СИЦИНИЙ.

Отрадна намъ
Собранья цѣль, и мы душой готовы
Почтить Коріолана по заслугамъ.

БРУТЬ.

И радостнѣй намъ было бъ дѣло это,
Когда бъ онъ самъ цѣнилъ народъ побольше,
Чѣмъ до сихъ поръ.

МЕНЕНИЙ.

Не кстати рѣчъ твоя.
Молчаль бы лучше ты. Желаешь слушать
Коминія?

БРУТЪ.

Желаю, и, однако,
Скажу тебѣ, что рѣчъ моя была
Умѣстнѣй, чѣмъ твое опроверженіе.

МЕНЕНИЙ.

Оставь его—онъ любитъ вашъ народъ:
Не требуй же, чтобы онъ въ одной постели
Съ нимъ вмѣстѣ спалъ. Коминій благородный,
Ты можешь говорить (*Коріоланъ хочетъ уйти*).

Куда же ты?

Останься.

1-І СЕНАТОРЪ.

Садись, Коріоланъ. О славномъ дѣлѣ
Разсказовъ не стыдятся.

КОРИОЛАНЪ.

Нѣтъ, отцы,
Отъ ранъ моихъ пріятнѣе лечиться,
Чѣмъ вспоминать про нихъ.

БРУТЪ.

Надѣюсь я,
Что не мои слова тебѣ мѣшаютъ
Остаться здѣсь.

КОРИОЛАНЪ.

Конечно, не твои,
Хотя отъ словъ я бѣгалъ чаще, чѣмъ
Отъ вражескихъ ударовъ. Ты не льстишь
И, стало быть, меня не оскорбляешь.

А твой народъ люблю я такъ, какъ онъ
Того достоинъ.
МЕНЕНИЙ.

Ну, садись, садись же.

КОРИОЛАНЪ.

Нѣтъ, ни за что. Скорѣе въ часъ тревоги
Безъ дѣла стану я сидѣть на солнцѣ
И голову почесывать, чѣмъ слушать
Дѣламъ моимъ ничтожнымъ похвалу!

(Уходитъ).

МЕНЕНИЙ.

Смотрите, представители народа!
Сойдется ль онъ съ болтающей и вздорной
Толпою вашей, если онъ не въ силахъ
Разсказа слушать о своихъ побѣдахъ?
Коминій, говори.

КОМИНИЙ.

Для этой рѣчи

Мой голосъ слабъ: къ дѣламъ Коріолана
Онъ не подходитъ. Если вѣримъ мы,
Что мужество—вѣнецъ людскихъ достоинствъ,
Что храбрый вождь достоинъ высшей славы,
То воинъ, о которомъ рѣчь идетъ,
Себѣ подобныхъ не имѣеть въ мірѣ!
Когда на Римъ войною шелъ Тарквиній,
Онъ, юношой въ шестнадцать лѣтъ, сражался
Храбрѣе взрослыхъ. Нашъ диктаторъ славный
Самъ видѣлъ, какъ брадатые бойцы

Бѣжали предъ ребенкомъ безбородымъ.
Въ глазахъ вождя онъ подоспѣлъ на помощь
Поверженному воину и тутъ же
Троихъ враговъ убилъ, потомъ пошелъ
Тарквинію на встречу и въ сраженіи
Его свалилъ онъ съ ногъ. Въ тотъ славный день,
Когда съ лица онъ могъ играть на сценѣ
Роль женщины, (9) за мужество въ бою
Его вѣнкомъ дубовымъ увѣнчали.
Такъ началъ онъ — и росъ, подобно морю,
Въ честномъ пылу семнадцати сраженій,
Награды всѣхъ лишая. (10) А теперь,
Чтобъ передать всѣ подвиги его,
Въ Коріоли въ битвахъ этой браны, Н
Не въ силахъ я придумать словъ достойныхъ.
Онъ бѣглецовъ остановилъ, онъ трусамъ
Своимъ примѣромъ мужество внушилъ,
Онъ шелъ впередъ такъ, какъ летить по морю
Корабль подъ парусами, и предъ нимъ
И падали, и разступались люди,
Какъ бы трава морская. Весь въ крови,
Поднявши мечъ и съя съ каждымъ взмахомъ
Смерть на враговъ, одинъ ворвался онъ
Въ Коріоли открытыя ворота.
Тамъ бился онъ одинъ и безъ подмоги
Оттуда вышелъ, собралъ силу нашу
И снова налетѣлъ на вражій городъ,
Такъ какъ звѣзда летить съ небесъ, и съ боя
Онъ городъ взялъ. Все кончено, но вотъ

Средь тишины онъ слышитъ чуткимъ ухомъ
Звукъ дальней битвы и идетъ опять,
Забывъ усталость, кровь свою и раны,
На помощь къ намъ, и снова въ жаркой сѣчѣ
Ниспровергаетъ вражескую рать.
И цѣлый день, покуда не рѣшилась
И гѣода, и битвы той судьба,
Ни разу онъ не далъ себѣ мгновенія,
Чтобъ духъ перевести.

М Е Н Е Н Й.

Достойный мужъ!

1-й СЕНАТОРЪ.

И почесть та, что приметъ онъ отъ насть,
Къ нему пристанеть.

КОМИНИЙ.

Бранную добычу
Онъ оттолкнулъ: на цѣнныя награды
Глядѣлъ онъ, какъ на грязь: онъ меныше взялъ,
Чѣмъ могъ бы дать ему послѣдній скряга,
А лучшую себѣ онъ видѣтъ плату
Въ самихъ дѣлахъ.

М Е Н Е Н Й.

Да, благороденъ онъ.
Позвать его!

1-й СЕНАТОРЪ.

Призвать Корiolана!

1-й служитель.

Онъ ужъ идетъ сюда.

Коріоланъ возвращается.

Мененій.

Коріоланъ!

По волѣ благороднаго сената,
Санъ консула вручается тебѣ.

Коріоланъ.

Въ его рукахъ и жизнь моя, и служба.

Мененій.

Теперь одно осталось: долженъ ты
Держать съ народомъ рѣчь.

Коріоланъ.

Позвольте мнѣ

Обычай этотъ миновать: не въ силахъ
Я стать полунагимъ передъ толпою,
Указывать ей раны и за нихъ
Униженно просить избранья. Нѣтъ!
Такой обрядъ тяжелъ мнѣ.

Сициній.

И, однако,

Народъ имѣетъ голосъ: уклоненій
Отъ древняго обряда онъ не стерпить.

Мененій (*Коріолану*).

Не раздражай его. Прошу тебя,
Смирись передъ обычаемъ народнымъ
И санъ добудь себѣ, какъ добывали
Его издревле консулы.

КОРИОЛАНЪ.

Мнѣ стыдно

Такую роль играть, и я хотѣлъ бы
Не повторять ея передъ народомъ.

БРУТЬ (*Сицинию*).

Ты слышишь ли?

КОРИОЛАНЪ.

Могу ли я хвалиться,
Себя хвалить—показывать тѣ раны,
Чтоб зажили и скрыты быть должны!—
Какъ будто получилъ я ихъ, желая
Народу угодить!

МЕНЕНИЙ.

Оставь упрямство!

Трибуны, поручаемъ вамъ теперь
Народу передать рѣшенье наше,
Затѣмъ отъ всѣхъ отъ насъ Коріолану
Передаемъ мы всякихъ благъ желанье.

СЕНАТОРЪ.

Желаемъ мы всѣхъ благъ Коріолану!

(*Трубы. Сенаторы расходятся*).

БРУТЬ.

Ты видишь, какъ намѣренъ обращаться
Съ народомъ онъ?

СИЦИНІЙ.

Когда бы догадались

О томъ плебеи!

ИШИ МЫ ОТ БРУТЬЯ.

ПЛОД ОТРУБАМУДРАЯ.
Мы передадимъ

О томъ, что было здѣсь—идемъ скорѣе.

Я знаю, настъ ужъ ждутъ на площади.

(Уходя).

СЦЕНА III.

Тамъ же. Площадь.

Входитъ Толпа Гражданъ.

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Нечего толковать: коли онъ попроситъ голосовъ нашихъ, ему не будетъ отказа.

2-й ГРАЖДАНИНЪ.

Будетъ, коли мы захотимъ.

3-й ГРАЖДАНИНЪ.

Конечно, мы имѣемъ на то право, да вправѣ ли мы теперь имѣть это право? Если онъ разскажетъ намъ свои дѣла и покажетъ свои раны, чей языкъ повернется противъ этихъ ранъ на худое дѣло? Неблагодарность—чудовища и неблагодарный народъ—чудовище, а кто изъ настъ захочетъ быть частью чудовища?

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Да и теперь ужъ мы почти что чудовище. Помнишь, какъ мы возстали изъ-за хлѣба, онъ же настъ прозвалъ многоголовой толпою.

3-й ГРАЖДАНИНЪ.

Многіе такъ настъ прозывали. И не за то, что у настъ головы у иныхъ черны, у иныхъ бѣлобры-

сы, у иныхъ плѣшивы, а за то, что умы наши
черезъ-чуръ разноцвѣтны. Я самъ думаю, что если
бъ нашимъ умамъ пришлось выбраться изъ черепа,
они разомъ разлетѣлись бы по всѣмъ точкамъ
компаса.

2-й ГРАЖДАНИНЬ.

Вотъ какъ? Ну, а мой умъ куда бы полетѣлъ?
Въ какую сторону?

3-й ГРАЖДАНИНЬ.

Да еще есть ли онъ у тебя? Онъ забить такъ
далеко, что, пожалуй, и не вылетитъ.

2-й ГРАЖДАНИНЬ.

Однако, куда именно?

3-й ГРАЖДАНИНЬ.

На югъ, ⁽¹¹⁾ гдѣ туману побольше.

2-й ГРАЖДАНИНЬ.

Вѣчно отпускаетъ шутки!

3-й ГРАЖДАНИНЬ (*толп*).

Ну, что же съ голосами? Хотите дать ему ваши?
А впрочемъ, большинство рѣшить, какъ знаетъ.
Все-таки я скажу—люби онъ народъ побольше, не
было бы въ свѣтѣ такого хорошаго консула.

Входятъ Корiolанъ и Мененій.

3-й ГРАЖДАНИНЬ.

Вотъ и онъ самъ, въ нарядѣ смиренія⁽¹²⁾—смотрите же, какъ онъ будетъ себя вести. Кстати однако:
не надо намъ стоять всѣмъ вмѣстѣ, станемъ под-

ходить къ нему вдвоемъ, втроемъ, поодиночкѣ. Пусть онъ проситъ каждого особо—тогда каждый дастъ свой голосъ своимъ языкомъ, съ каждой честью. Идите же всѣ за мною, я разскажу, какъ надо будетъ подходить.

В С Ъ.

Хорошо, хорошо. (Уходятъ).

М Е Н Е Н И Й.

Нѣтъ, ты не правъ. Достойнѣйше люди
Всегда обычай этотъ соблюдали.

К О Р I О Л А Н Ъ.

Чтобъ жъ говорить мнѣ надо? «Мужъ почтенный,
Прошу тебя.» Проклятье! Не умѣю
На этотъ ладъ я свой языкъ настроить!
«Взгляни, достойный мужъ, на эти раны,
«Я добылъ ихъ въ бою, въ тотъ самый часъ,
«Когда иные изъ твоихъ собратій
«Бѣжали съ ревомъ...»

М Е Н Е Н И Й.

Боги! Нѣтъ, не надо
Имъ говорить про это! Ты проси ихъ,
Чтобъ вспомнили тебя.

К О Р I О Л А Н Ъ.

Меня? Чтобъ имъ
Здѣсь удавиться! Пусть они забудутъ
Меня совсѣмъ, какъ честность позабыли
Ту, что жрецы совѣтуютъ!

Я вижу,
Ты все погубишь. Ну, прощай покуда.
Еще прошу тебя—будь ласковъ съ ними.
Не забывай же (Уходитъ).

КОРИОЛАНЪ.

Прежде ты скажи,
Чтобы они свои умыли рожи,
Да вычистили зубы. А, идуть!
(Входятъ Два Гражданина).
Вотъ цѣлыхъ двое.
(Входитъ 3-й Гражданинъ).

Доблестные мужи,
Вы знаете, зачѣмъ стою я здѣсь?
3-й ГРАЖДАНИНЪ.
Мы знаемъ. Для чего жъ стоишь ты здѣсь?

КОРИОЛАНЪ.

Изъ-за моихъ заслугъ.

2-й ГРАЖДАНИНЪ.

Твоихъ заслугъ?

КОРИОЛАНЪ.

Конечно, не по собственной охотѣ.

3-й ГРАЖДАНИНЪ.

Какъ, не по собственной?

КОРИОЛАНЪ.

Я не хотѣлъ бы
Моею просьбой бѣдняковъ смущать.

3-й ГРАЖДАНИЙ.

Не забывай однако, что если ты получишь что-нибудь отъ насъ, то, конечно, получишь не даромъ.

КОРИОЛАНЬ.

А, коли такъ, то объяви теперь же,
Чтобъ можетъ стоить консульство?

1-й ГРАЖДАНИЙ.

Одной

Радушной просьбы.

КОРИОЛАНЬ.

Просьбы? Хорошо.

Такъ дай же мнѣ его. На мнѣ есть раны,
Я покажу тебѣ ихъ, если хочешь,
Когда-нибудь наединѣ.

(2-му гражданину). И ты,
Почтенный мужъ, дай мнѣ свой голосъ. Чтобъ же
Ты скажешь мнѣ?

2-й ГРАЖДАНИЙ.

Онъ твой, достойный воинъ!

КОРИОЛАНЬ.

Ну, сторговались мы. Какъ жалкій нищій,
Я выпросилъ два голоса. Спасибо
За подаяніе. Теперь прощайте.

3-й ГРАЖДАНИЙ.

А странно что-то!

2-й ГРАЖДАНИЙ.

Еслибъ снова... Ну!

Что сдѣлано, того не перемѣнишь.
(Уходятъ. Входятъ еще Два Гражданина).

КОРИОЛАНЪ.

Прошу васъ—коли оно согласно съ расположе-
ніемъ вашимъ—вашихъ голосовъ на мое консуль-
ство. Видите, я въ обычномъ нарядѣ. (13)

4-Й ГРАЖДАНИНЪ.

Ты честно служилъ и не служилъ отечеству.

КОРИОЛАНЪ.

То есть?

3-Й ГРАЖДАНИНЪ.

Ты былъ бичемъ для враговъ и плетью для друзей
родины: никогда не любилъ ты простаго народа.

КОРИОЛАНЪ.

Лучше бы тебѣ цѣнить меня за то, что я не
расточалъ моей любви спроста всякому. Впрочемъ,
достойный мужъ, теперь я намѣренъ угождать на-
роду. Я стану ему льстить, гоняться за его пріязнью;
если онъ любить мои поклоны больше, чѣмъ мою
душу, — что же! я выучусь и кланяться. Я буду
лицемѣрить, стану поддѣлываться подъ привычки
друзей черни,—я услужу всякому по его желанію.
А потому, испрашиваю вашего согласія на консуль-
ство.

5-Й ГРАЖДАНИНЪ.

Мы надѣемся на твою пріязнь и охотно даемъ
тебѣ голоса наши.

4-Й ГРАЖДАНИЙ.

Ты получилъ много ранъ за отечество!

КОРИОЛАНЪ.

Такъ зачѣмъ ихъ и показывать, если ты про нихъ знаешь? Я слишкомъ цѣню ваши голоса, а потому не намѣренъ беспокоить васъ дольше.

ОВА ГРАЖДАНИНА.

Пусть же боги пошлютъ тебѣ счастія.

(Уходятъ).

КОРИОЛАНЪ.

Сладки мнѣ эти голоса!

Нѣтъ! лучше умереть голодной смертью,
Чѣмъ нами жь заслуженную награду
Выпрашивать! Зачѣмъ стою я здѣсь
Въ одѣждѣ жалкой и у Дика съ Гобомъ⁽¹⁴⁾
Я голосовъ прошу? Таковъ обычай!
Но если бы обычаю во всемъ
Повиновались мы, никто не смѣлъ бы
Пыль старины сметать, а правдѣ вѣкъ
Сидѣть бы за горами заблужденій!
Зачѣмъ себя позорю я? Не лучше ль
Другому предоставить честь и мѣсто?
Нѣтъ, я ужъ много вытерпѣлъ, осталось
Стерпѣть и остальную часть. Идутъ.

(Еще Три Гражданина входятъ).

Другіе голоса... Граждане Рима,
Прошу я голосовъ: Для нихъ я бился,
Для вашихъ голосовъ ночей не спалъ,
Для вашихъ голосовъ ношу на тѣлѣ

Ранъ боевыхъ двѣ дюжины. Я видѣлъ
И слышалъ восемнадцать битвъ тяжелыхъ,
Для вашихъ голосовъ свершилъ я много
И важныхъ, и не очень важныхъ дѣлъ.
Давайте голоса: я въ самомъ дѣлѣ
Хочу быть консуломъ.

6-й ГРАЖДАНИНЪ.

Онъ свершилъ много подвиговъ, никто не откажеть ему въ честномъ голосѣ.

7-й ГРАЖДАНИНЪ.

Конечно, пускай будетъ онъ консуломъ. Да благословятъ его боги и пусть дадутъ они ему любовь къ народу.

ВСѢ.

Да, да, да! Да здравствуетъ благородный консулъ!

(Уходятъ).

КОРИОЛАНЪ.

Почетные голоса!

Входятъ Мененій съ Брутомъ и Сципионемъ.

МЕНЕНИЙ.

Прошелъ часъ испытанья: ужъ несутъ
Тебѣ трибуны голоса плебеевъ;
Теперь, въ одѣждѣ консульской, ты долженъ
Въ сенатъ явиться.

КОРИОЛАНЪ.

Кончено ли дѣло?

СИЦИНІЙ.

Ты выполнилъ прошенія обрядъ,
Народъ согласенъ, и теперь осталось
Избранье утвердить.

КОРІОЛАНЪ.

Въ сенатъ?

СИЦИНІЙ.

Да.

КОРІОЛАНЪ.

Такъ я могу одежду эту сбросить?

СИЦИНІЙ.

Конечно, можешь.

КОРІОЛАНЪ.

Я переодѣнусь

И, сдѣлавшись опять самимъ собой,
Явлюсь въ сенатъ.

МЕНЕНИЙ.

И я пойду съ тобою.

А вы?

БРУТЬ.

Мы скажемъ слова два народу.

СИЦИНІЙ.

Прощайте же.

(Уходятъ Коріоланъ и Мененій).

Такъ! Добился онъ до цѣли;
Глаза его восторгомъ такъ и блещутъ!

Б Р У Т Ъ.

Какъ гордо онъ въ смиренія одѣждѣ
Сейчасъ стоялъ! Что? Распустить народъ?

Входяты Толпы Гражданъ.

сициній (народу).

Ну, что, друзья? Онъ выбранъ?

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Голоса

Ему мы дали.

Б Р У Т Ъ.

Молимъ мы боговъ,
Чтобъ оправдалъ довѣріе онъ ваше!

2-й ГРАЖДАНИНЪ.

Такъ, такъ. А все жъ спроста мнѣ показалось,
Что онъ просилъ народныхъ голосовъ
Какъ будто на смѣхъ.

3-й ГРАЖДАНИНЪ.

Я замѣтилъ тоже:
Онъ просто издѣвался надъ народомъ.

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Нѣтъ, не смѣялся онъ: ужъ онъ всегда
Такъ говоритъ.

2-й ГРАЖДАНИНЪ.

Одинъ ты такъ болтаешь,
Мы, всѣ безъ исключенія, догадались,
Что презираетъ насъ онъ. Показалъ ли
Онъ намъ слѣды заслугъ, на тѣлѣ раны?

СИЦИНИЙ.

Конечно, показалъ онъ ихъ.

ВСЪ ГРАЖДАНЕ.

Нѣтъ, нѣтъ,

Никто ихъ не видалъ.

З-Й ГРАЖДАНИНЪ.

Сказалъ онъ намъ,

Что раны есть, что ихъ онъ намъ покажеть
Когда нибудь наединѣ, и гордо

Помахивая папкой, онъ прибавилъ:

«Мнѣ хочется быть консуломъ: обычай
«Старинный требуетъ отъ васъ согласья,
«А потому мнѣ нужны голоса».

Когда жъ мы согласились: «спасибо

«За ваши голоса», сказалъ онъ намъ:

«Почгеннѣйшіе голоса, теперь

«Покончили мы съ вами — такъ прощайте».

Ужъ это не насмѣшка ль?

СИЦИНИЙ.

Какже вы,

Глупцы, того не поняли тотчасъ же,

И, какъ толпа безмозглыхъ ребятишекъ,

Разстались съ голосами?

БРУТЬ.

Для чего

Не говорили съ нимъ вы такъ, какъ васъ
Тому учили? Для чего ему

Вы не сказали, что во время службы,
Безъ власти въ государственныхъ дѣлахъ,
Онъ постоянно былъ врагомъ народа?
Что противъ вашихъ правъ онъ возставалъ,
Что противъ всякой льготы для плебеевъ
Онъ рѣчъ держалъ? Что ежели при власти
Онъ не смягчить своей вражды къ народу,
То ваши голоса на васъ самихъ
Бѣду обрушать? Такъ вамъ должно было
Сказать ему, что если по заслугамъ
Достоинъ онъ санъ консульскій принять,
То все-таки любить онъ долженъ васъ
И, въ благодарность за народный выборъ,
Свою вражду на дружество смѣнить,
Радѣть о васъ, быть другомъ вашимъ!

СИЦИНЪ.

Если бъ

Вы рѣчъ держали такъ, какъ васъ учили,
То онъ разгорячился бы и прямо
Себя вамъ высказалъ. Одно изъ двухъ:
Иль обѣщалъ бы онъ плебеямъ льготы,
И вы могли, при случаѣ, ему
Напоминать объ этихъ обѣщаньяхъ,
Иль, что вѣрнѣе, духъ его строптивый,
Уступокъ и обѣтовъ вѣчный врагъ,
Прорвался бы съ запальчивостью рьяной,
И вы тогда имѣли бъ основанье
Его не выбрать.

Б Р У Т Ъ.

Видѣли вы сами,

Что онъ, нуждася въ пріязни вашей,
Васъ презиралъ открыто: что же будетъ
Тогда, какъ онъ къ презрѣнію прибавитъ
Возможность васъ давить и сокрушать?
Что натворили вы? Иль сердца нѣту
У васъ въ груди? Или языкъ вамъ данъ
Затѣмъ лишь, чтобъ вонить противъ разсудка?

С И Ц И Н Й.

На то ли вамъ случалось отвергать
Чужія просьбы, чтобъ теперь, безъ нужды
Безъ просьбы, голоса давать тому,
Кто смѣло издѣвается надъ ними?

3-й ГРАЖДАНИНЪ.

Еще не утвержденъ онъ—можно будетъ
Его отвергнуть.

2-й ГРАЖДАНИНЪ.

Мы его отвергнемъ!

Я голосовъ пятьсотъ сейчасъ добуду.

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Я тысячу и больше.

Б Р У Т Ъ.

Такъ сейчасъ же

Идите всѣ къ друзьямъ своимъ: скажите
Вы имъ, что консулъ ими выбранъ славный,
Что онъ лишить ихъ всякихъ льготъ и станетъ

Держать ихъ, какъ собакъ, которыхъ бьютъ,
Когда онъ и лаютъ, и не лаютъ!

СИЦИНИЙ.

Сберитесь всѣ и уничтожьте тутъ же
Свой безразсудный выборъ; не забудьте
Припомнить гордость Марція, а также
Старинную его вражду къ плебеямъ.
Скажите всѣмъ, съ какимъ презрѣніемъ онъ
Стоялъ средь васъ въ смиренія одѣждѣ,
Съ какой насмѣшкой голосовъ искалъ,
Признайтесь всѣмъ, что лишь одинъ почетъ
Къ его недавнимъ подвигамъ не далъ вамъ
Замѣтить сразу оскорблений этихъ,
Ему внушенныхъ ненавистью къ намъ!

БРУТЬ.

Сложите всю вину на насть, трибуновъ,
Скажите всѣмъ, что мы, наперекоръ
Народнымъ опасеніямъ, всѣхъ склонали
На пользу Марція.

СИЦИНИЙ.

Что онъ и выбранъ
По нашимъ настояньямъ, что, повѣривъ
Вы убѣжденьямъ нашимъ, неохотно,
Противъ желанья, подали свой голосъ
За Марція. Пусть мы всему причиной.

БРУТЬ.

Да, не щадите насть. Скажите всѣмъ,
Что мы трубили про его побѣду,

Про то, какъ рано онъ пошелъ на службу,
Какъ долго онъ отечству служилъ,
Какъ доблестенъ родъ Марціевъ, откуда
Произошли: Гостилія наследники,
Анкъ Марцій, римскій царь и Нуны внукъ,
Квинтъ съ Публіемъ, которые въ нашъ Римъ
Впервые провели водопроводы,
И Цензоринусъ, дорогой плебеямъ,
Такъ названный за то, что дважды былъ
Здѣсь цензоромъ.

СИЦИНИЙ.

Что мы одни твердили
Про родъ его высокій и про доблесть,
Прославившую Марція, что мы
Ввели въ заблужденье этой рѣчью;
Но что теперь, все обсудивши здраво,
Припомнівъ прежнее и оцѣнивъ
Его гордыню, въ немъ вы признаёте
Врага закоренѣлаго и разомъ
Свой выборъ отмѣняете.

БРУТЬ.

Сильнѣе

На то вы упираите, что трибуны
Виной ошибки въ выборѣ, а тамъ,
Собравши голоса, скорѣй идите
Всѣ въ Капитолій.

ВСТЬ.

Такъ, пойдемъ! Ужъ всѣ
Раскаялися въ выборѣ! (Уходяятъ).

Пускай
Идутъ себѣ. Намъ выгодный теперь же
Возстанье изготовить, чѣмъ другаго,
Страшнѣйшаго возстанья ожидать.
Намъ надо ждать (а Марція мы знаемъ),
Что ихъ отказъ разг҃ибаетъ его,
И мы тогда запальчивостью этой
Воспользуемся.

сициній.

Надо намъ идти
Теперь же въ Капитолій, чтобы въ тотъ часъ,
Когда туда потокъ народа хлынетъ,
Никто не могъ про насъ съ тобой подумать,
Что мы его къ волненію подстрекнули.

(Уходяще).

Бѣгъ
Сѣдѧ
Бѣгъ
Сѣдѧ
Бѣгъ
Сѣдѧ
Бѣгъ
Сѣдѧ

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА 1.

Улица въ Римѣ.

Трубы. Входятъ Коріоланъ, Мененій, Коминій,
Титъ Ларцій, сенаторы и патриции.

КОРІОЛАНЪ.

И такъ, Авфидій все не укротился?

ТИТЪ ЛАРЦІЙ.

Нѣть, все грозить онъ, потому и миромъ
Мы поспѣшили.

КОРІОЛАНЪ.

Стало быть, и вольски
По прежнему минуты выжидаютъ,
Чтобы на насъ нагрянуть?

КОМИНИЙ.

Честный консулъ,
Изнурены они, и намъ едва ли
Въ нашъ вѣкъ придется снова увидать
Знамена вольсковъ.

КОРИОЛАНЬ.

Гдѣ жъ теперь Авфидій?
Его видаль ты?

ЛАРЦІЙ.

Онъ ко мнѣ являлся
И проклиналъ согражданъ, сдавшихъ городъ.
Теперь онъ удалился къ анціатамъ.

КОРИОЛАНЬ.

Онъ про меня не говорилъ ли?

ЛАРЦІЙ.

Да.

КОРИОЛАНЬ.

Что жъ говорилъ онъ?

ЛАРЦІЙ.

То, что въ цѣломъ мірѣ
Ему нѣть человѣка ненавистнѣй;
Онъ говорилъ про то, какъ часто вы
Встрѣчалися съ мечемъ на полѣ брані,
Что онъ отдалъ бы весь достатокъ свой
За то, чтобъ одолѣть тебя.

КОРИОЛАНЬ.

Теперь

Онъ въ Анціумѣ?

ЛАРЦІЙ.

Въ Анціумѣ.

КОРИОЛАНЬ.

Да,

Хотѣлъ бы я съ нимъ снова повстрѣчаться
На новую борьбу!

(Ларцію) Тебя съ возвратомъ
Я поздравляю.

Входятъ Сициній и Брутъ.

КОРИОЛАНЪ.

Вонъ идутъ трибуны,
Дрянные языки народной пасти.
Они противны мнѣ: нѣтъ силъ сносить
Ихъ болтовни кичливой! (Хочетъ идти).

СИЦИНІЙ.

Стой! — Не смѣй
Ходить на площадь!

КОРИОЛАНЪ.

Что?

БРУТЪ.

Не смѣй — опасно
На площади!

КОРИОЛАНЪ.

Какъ?

МЕНЕНГІЙ.

Что за перемѣна?

КОМИНГІЙ.

Онъ избранъ и сенатомъ, и народомъ!

БРУТЪ.

Нѣтъ, онъ не избранъ.

КОРИОЛАНЬ.

Развѣ отъ мальчишектъ
Я добылъ голоса?

СЕНАТОРЫ.

Трибуны, прочь —
Дорогу консулу.

БРУТЬ.

Народъ взволнованъ
Противъ него.

СИЦИНИЙ.

Не двигайтесь — не то
Не миновать возстанья.

КОРИОЛАНЬ.

Вотъ стадо ваше! Вотъ къ чему ведутъ
Права на голосъ, даннныя тому,
Кто самъ готовъ отъ словъ своихъ отречься!

(Трибунамъ)

Чтѣ же глядите вы? Уста народа
Съ его зубами справиться не въ силахъ? (15)
Иль сами вы...

МЕНЕНИЙ.

Ну, полно, — успокойся.

КОРИОЛАНЬ.

Здѣсь заговоръ — здѣсь явное желанье
Пдти противъ патриціевъ и власти!
Чтѣ же? Уступите! Поживите вмѣсть
Съ народомъ, неспособнымъ управлять,

А надъ собой властей не признающимъ!

Б Р У ТЪ.

Нѣтъ, то не заговоръ. Народъ кричитъ,
Что ты надъ ними смеялся, что недавно,
Во время даровой раздачи хлѣба,
Ты охуждалъ ее, что ты открыто
Зашитниковъ народа поносилъ,
Звалъ ихъ врагами власти и льстецами!

К О Р I О Л A Н Ъ.

Всѣ это прежде знали.

Б Р У ТЪ.

Нѣтъ, не всѣ.

К О Р I О Л A Н Ъ.

Такъ ты теперь и разгласишь?

Б Р У ТЪ.

Кто, я?

К O M I N I Й.

Способенъ ты на это.

Б Р У ТЪ.

Также мало,
Какъ и хвалить тебя.

К О Р I О Л A Н Ъ.

А, въ самомъ дѣлѣ,
Къ чemu мнѣ консульство? Клянусь Зевесомъ,
Мнѣ выгодно унизиться. (*Брутu*) А ты
Возьми меня въ товарищи-трибуны.

С I Ц И Н I Й.

Вотъ и теперь ты высказалъ вполнѣ

То, чѣмъ народъ взволнованъ. Если хочешь
Достигнуть цѣли—спрашивай учитивѣй
О томъ пути, съ котораго ты сбылся.
Безъ этого ни консуломъ не будешь,
Да и трибуномъ также.

М Е Н Е П И Й.

Тише,тише,
Прошу я васъ.

К О М И Н И Й.

Обманутъ нашъ народъ;
Всѣ эти споры недостойны Рима,
И нашъ Коріоланъ не заслужилъ
Такой преграды подлой и обидной
На славномъ поприщѣ.

К О Р I О Л A N T H.

Напомнить смѣютъ
Они про хлѣбъ! Я говорилъ тогда
То, что скажу и нынче.

М Е Н Е П И Й.

Послѣ, послѣ.
1-Й СЕНАТОРЪ.

Нѣтъ, не теперь: взволнованъ ты.

К О Р I O L A N T H.

Такъ что же?

Теперь, клянусь въ томъ жизнью. Вы, друзья,
Меня простите въ томъ;
А что до черни, смрадной и беспутной,
Я льстить не въ силахъ ей, и пусть она
Въ моихъ рѣчахъ любуется собою.

Я повторю при всѣхъ, что, угождая
Плебейской волѣ, сѣемъ сами мы
Посѣвы буйства, дерзости и бунта,
Что сами мы для нихъ вспахали землю,
Что сами мы взrostили сѣмя злое,
Позволивши съ собой смѣшаться черни,
Пустивъ ее въ нашъ благородный сонмъ
И власти часть отдавши этимъ нищимъ!

М Е Н Е Н І Й.

Довольно же.

С Е Н А Т О Р Ы.

Довольно, перестань!

К О Р I О Л А Н Т .

Какъ, перестать? Я, не страшась враговъ,
За родину лилъ кровь на полѣ брани,
Такъ побоюсь ли я изъ груди этой
Выковывать слова на обличенье
Той гнусной и противной намъ заразы,
Къ которой мы идемъ на встрѣчу?

Б Р У ТЪ.

Стой!

Ты смѣешь говорить противъ народа,
Какъ богъ-каратель — не какъ человѣкъ,
По слабости съ нимъ равный.

С И Ц И Н І Й.

Должно будетъ
Плебеямъ это передать.

М Е Н Е Н І Й.

Ты станешь

Переносить слова, что онъ сказалъ
Въ минуту гнѣва?

КОРИОЛАНЪ.

Гнѣва? Никогда!

Будь я цокойнѣе, чѣмъ сонъ полночный,
Клянусь Зевесомъ, я сказалъ бы то же!

СИЦИНИЙ.

Такъ пусть рѣчь эта одному тебѣ
Стравой будетъ.

КОРИОЛАНЪ.

Будетъ! Каково?

Каковъ тритонъ снѣтковъ и мелкихъ рыбокъ!
Какъ повелительно онъ произнесъ
Намъ слово—будетъ!

КОМИНИЙ.

Нѣтъ въ томъ ничего
Противнаго законамъ.

КОРИОЛАНЪ.

Будетъ! будетъ
О, добрые и слабые отцы,
Сенатъ почтенный, но недальновидны!
Затѣмъ ли вы народной гидрѣ дали
Трубу и голосъ въ этихъ болтунахъ,
Чтобы они съ своимъ строптивымъ «будетъ»
Открыто собиралися направить
Въ болото вашъ властительный потокъ!
Когда у нихъ на то хватаетъ силы,
Склоняйтесь же, безумцы, передъ ними!
А если нѣтъ—опомнитесь и сбросьте

Вы гибельную слабость. Мудры вы,—
Такъ не сходитесь съ глупыми, но если
Вы сами глупы, то сажайте ихъ
Съ собою рядомъ! Если вы плебеи,
Они сенаторы—слышнѣй ихъ голосъ,
Чѣмъ ваши голоса. Избрала чернь
Себѣ сановника, и онъ теперь
Кидаетъ слово дерзостное «будетъ»
Въ глаза собранью доблестныхъ мужей,
Какаго и у грековъ не бывало.
Клянусь Зевесомъ! Консульская власть
Унижена, и сердцу больно видѣть,
Какъ между двухъ разрозненныхъ властей
Тѣснятся смуты, и одну изъ нихъ
Другою ломятъ!

КОМИНИЙ.

Полно, всѣ на площадь!

КОРИОЛАНЪ.

Тотъ, кто совѣтъ вамъ даль—запасы хлѣба
Безъ платы раздавать, какъ иногда
Оно у грековъ дѣлалось...

МЕНЕНИЙ.

Довольно!

КОРИОЛАНЪ.

Хоть тамъ народъ имѣлъ и больше власти,
Совѣтомъ тѣмъ—я говорю открыто—
Вскормилъ онъ своевольство и бѣду
Для родины.

БРУТЬ.

Какъ? И народъ свой голосъ
Отдастъ тому, кто это говоритъ?

КОРИОЛАНЪ.

Дослушай дѣло—поважнѣй оно,
Чѣмъ голосъ черни! Знаютъ всѣ плебеи,
Что не въ награду данъ имъ этотъ хлѣбъ.
Чѣмъ былъ заслуженъ даръ? Когда стояли
Враги на сердцѣ родины—народъ
За ворота отказывался выйти!
За подвиги такие не даютъ
Безплатно хлѣба. А подъ знаменами
Чѣмъ удальство свое онъ показалъ?
Одними бунтами! Противъ сената
Кто обвиненъ вздорныя придумали?
Вѣдь не за нихъ же щедро раздаютъ
Награды хлѣбомъ. Я спрошу теперь,
Какъ понята угодливость сената
Желудкомъ черни? Всѣ дѣла плебеевъ
Намъ говорятъ яснѣе словъ: «Насъ больше!
Мы захотѣли хлѣба и отъ страху
Они намъ дали хлѣбъ». И святость власти
Унижена, и снисхожденье наше
Зовется трусостью, и близко время,
Когда спадутъ замки съ воротъ сената,
А галки налетятъ клевать орловъ!

МЕНЕНИЙ.

Довольно же.

БРУТЬ.

Довольно, и съ излишкомъ.

КОРИОЛАНЪ.

Нѣтъ, стой, бери еще! Конецъ дослушай,
А въ истинѣ его я покланусь
И небомъ, и землею. Эта власть,
Распавшаяся на двое—заставитъ
Забыть про благо родины и Римъ
Сведетъ къ ничтожеству. Тамъ, гдѣ одни
Правители другихъ бранятъ безумно,
Гдѣ имъ за дерзость платятъ справедливымъ
Презрѣніемъ, гдѣ родъ, и санъ, и мудрость
Бессильны предъ крикливымъ большинствомъ,—
Тамъ нѣтъ дорогъ разумному правленью,
Тамъ нѣтъ порядка! Потому теперь
Я заклинаю всѣхъ, кто дорожитъ
Законами родной земли, кто кротокъ,
Но безъ боязни вдали глядѣть умѣетъ,
Кто любитъ славу больше долгой жизни—
Рѣшайтесь на опасное леченье,
Не бойтесь потрясти больное тѣло,—
И безъ того въ немъ смерть! Рѣшитесь разомъ,
Многоголосный вырвите языкъ,
Чтобъ онъ не смѣль питаться сладкимъ ядомъ!
Опомнитесь! Вашъ собственный позоръ
Лишаеть власть единства и свободы:
Вы на добро бессильны—нѣту хода
Ему отъ зла, опутавшаго васъ!

Б Р У Т Ъ.

Онъ высказался весь.

С И Ц И Н Й.

Какъ злой измѣнникъ

Онъ говорилъ и будетъ отвѣтъ,

Какъ всѣ измѣнники.

К О Р I О Л А Н Ъ.

Скорѣй, мерзавецъ,

Отъ бѣшенства ты лопнешь. Для чего

Народу эти лысые трибуны?

Чтобъ, опершись на нихъ, пытался онъ

Тягаться съ высшей властью? Ихъ избрали

При бунтѣ, въ смутный часъ, когда была

Закономъ сила; нынче часъ другой —

Пусть право будетъ правомъ, сбросьте въ прахъ

Вы эту власть.

Б Р У Т Ъ.

Открытая измѣна!

С И Ц И Н Й.

И это консулъ? Никогда!

Б Р У Т Ъ.

Эдилы!

Сюда! Схватить его!

Входитъ Эдиль.

С И Ц И Н Й.

Созвать народъ!

(Эдиль уходитъ. Корiolану).

Отъ имени народа, обвиняю
Тебя, какъ нарушителя законовъ,
Какъ общаго врага. Иди за мной,
Иди къ отвѣту...

КОРИОЛАНЪ.

Прочь, сѣдой козель!

СЕНАТОРЫ.

Мы за него въ отвѣтъ.

КОМИНІЙ (*Сицинію*).

Старикъ!

(*Сициній* хочетъ схватить *Мариція*).

КОРИОЛАНЪ (*Сицинію*).

Прочь, гниль негодная! Не то,
Изъ этихъ тряпокъ вытрясу я кости!
СИЦИНІЙ.

На помощь, граждане!

Входятъ Эдилы и толпа Гражданъ.

МЕНЕНІЙ (*Коріолану* и *Сицинію*).

Опомнитесь! Приличіе!

СИЦИНІЙ.

Народъ!

Вотъ человѣкъ, который власть твою
Отнять намѣренъ.

ВРУТЬ.

Взять его подъ стражу.

Эдилы!

ГРАЖДАНЕ.

Смерть! Убить его сейчас же! (*Весь кричатъ*).

СЕНаторы.

Оружія сюда! (*Толпятся вокругъ Коріолана*).

Трибуны! Стойте!

Эй, граждане! патриці! Сициній!

Коріоланъ! Брутъ! Граждане!

ГРАЖДАНЕ.

Въ чемъ дѣло?

Остановитесь! Стойте!

МЕНЕНИЙ.

Быть бѣдѣ!

Я задыхаюсь—говорить нѣтъ силы!

Трибуны, говорите. Успокойся,

Коріоланъ! Ну что же, говори,

Сициній добрый!

СИЦИНІЙ.

Граждане, сюда!

Молчать и слушать рѣчь мою.

ГРАЖДАНЕ.

Молчите!

Послушаемъ трибуна. Говори же!

СИЦИНІЙ.

Намъ всѣмъ грозитъ утрата нашихъ правъ!

Ихъ отнимаетъ Марцій, вашъ избранникъ

Въ санѣ консула.

МЕНЕНИЙ.

Оломнись,—это значитъ
Не усмирять, а бунтовать!

1-й СЕНАТОРЪ.

И городъ

Сравнить съ землей.

СИЦИНИЙ.

А что такое городъ?

Народъ есть городъ.

ГРАЖДАНЕ.

Дѣльно! правда, правда!

Народъ есть городъ!

БРУТЬ.

Съ общаго согласья,

Мы саномъ представителей народа

.Облечены.

ГРАЖДАНЕ.

И мы довольны вами.

МЕНЕНИЙ.

Вашъ санъ при васъ останется.

КОРИОЛАНЪ.

При нихъ?

За тѣмъ, чтобъ городъ палъ, чтобъ кровли башень
Свалились въ прахъ и сила государства
Подъ грудою развалинъ погреблась!

СИЦИНИЙ.

Рѣчь эта стоитъ казни.

Б Р У ТЪ.

Время намъ
За нашу власть вступиться, иль навѣки
Разстаться съ ней. Отъ имени народа,
Народа, нась избравшаго, теперь же
Мы осуждаемъ Марція на смерть—
Немедленную смерть!

С И ЦИ НІЙ.

Взвести его
На верхъ скалы Тарпейской и низвергнуть
Его оттуда.(¹⁶)

Б Р У ТЪ.

Взять его, эдилы!

Г Р А Ж ДАНЕ.

Сдавайся, Марцій!

М Е Н Е Н І Й.

Слушайте, трибуны!

Одно лишь слово!

Э ДИЛЫ.

Тише! Тише! Тише!

М Е Н Е Н І Й (*трибуналъ*).

Опомнитесь, коль вы друзья народа,
Откиньте гнѣвъ, поразсудите прежде
О дѣлѣ всемъ.

Б Р У ТЪ.

При гибельномъ недугѣ
Холодная медлительность вреднѣе,

Чѣмъ смертный ядъ. Скорѣй схватить его —
И на утесъ!

КОРИОЛАНЪ. (обнажаетъ мечъ).

Я лучше здѣсь умру!
Изъ васъ иные ужъ меня видали
Передъ врагомъ, теперь вы на себѣ
Извѣдайте, каковъ я.

МЕНЕНИЙ.

Стой! Трибуны!
Назадъ, назадъ! — Вложи свой мечъ!
БРУТЬ.
Скорѣе!

Схватить его!

МЕНЕНИЙ.

Патриціи! сюда!
Спасайте Марція! Всѣ, всѣ сюда!

ГРАЖДАНЕ.

Смерть, смерть ему!
(Происходитъ схватка.— Трибуны, народъ и эдилы
отбиты прочь).

МЕНЕНИЙ.

Иди въ свой домъ! Скорѣй, иль все погибнетъ.

2-й СЕНАТОРЪ.

Иди домой!

КОРИОЛАНЪ.

Сомнѣмся — силы ровны,
У насъ друзей довольно.

МЕНЕНИЙ.

Неужели

До этого дойдетъ?

1-Й СЕНАТОРЬ.

Избави небо!

Прошу тебя, нашъ благородный другъ,
Иди къ себѣ — мы все устроимъ.

МЕНЕНИЙ.

Да.

Вѣдь это язва общая — безъ насъ
Тебѣ не сладить съ ней. Иди скорѣе
Домой.

КОРИОЛАНЬ.

Зачѣмъ не варвары они,
А римляне, на срамъ родной земли
Рожденные у входа въ Капитолій!

МЕНЕНИЙ.

Иди домой — не медли же. Въ молчанья
Смири свой правый гнѣвъ; пора отплаты
Придеть сама.

КОРИОЛАНЬ.

Полсотни этихъ тварей
Я положилъ бы въ чистомъ полѣ.

МЕНЕНИЙ.

Самъ

Убрать бы могъ я лучшихъ двухъ — пожалуй
Хоть и трибуновъ.

КОМИНИЙ.

Здѣсь нельзя бороться;
Одни безумцы силятся на плечахъ
Поддерживать валающееся зданье.
Иди къ себѣ, пока не ворвалась
Сюда толпа, какъ бѣшеный потокъ,
Прорвавшій всѣ плотины.

МЕНЕНИЙ.

Такъ, иди.

Я жъ попытаю, что мой старый умъ
Придумать можетъ для людей безумныхъ.
Пора какой нибудь заплатой пестрой
Бѣду поправить.

КОМИНИЙ (*Корiolану*).

Я съ тобой. Пойдемъ!

(*Уходитъ съ Корiolаномъ и ильсколькими сенаторами*).

1-й ПАТРИЦІЙ.

Самъ погубилъ онъ счастіе свое!

МЕНЕНИЙ.

Онъ слишкомъ чистъ и прямъ душой для міра:

Онъ не польстить Нептуну за трезубецъ,

Юпитеру — за право громъ метать! (17)

Его душа на языкѣ, онъ смѣло

Всѣмъ говоритъ, что въ сердцѣ родилось,

А въ гнѣвѣ забываетъ онъ, что слышалъ

Когда-то слово: смерть. (*Шумъ за сценой*).

Ну, будутъ хлопоты!

2-й ПАТРИЦІЙ.

О, лучше бъ спали
Они теперь!

Пускай хоть въ самомъ Тибръ!
Что стоило ему держать къ нимъ рѣчъ
Поласковѣ!

Входятъ Брутъ и Сициній, съ толпой народа.

СИЦИНІЙ.

Гдѣ ехидна эта, ставои аж R
Гдѣ тотъ, кто хочетъ городъ обезлюdzić
И самъ быть всѣмъ? мененій.

Почтенные трибуны...

СИЦИНІЙ.

Онъ будетъ сброшенъ со скалы Тарпейской:
Онъ сталъ противъ закона, — а законъ
Безъ розысканій предаетъ его
Во власть имъ оскорбленнаго народа!

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Да, пусть пойметъ онъ, что уста гражданъ
Въ трибунахъ нашихъ, мы же — руки ихъ.

ВСЪ ГРАЖДАНЕ.

Да, это онъ узнаетъ.

МЕНЕНІЙ.

Выслушайте меня...

СИЦИНИЙ.

Молчи!

МЕНЕНИЙ.

Зачемъ бѣснуетесь вы, если можно

Безъ шума все покончить?

СИЦИНИЙ.

Отчего

Ему помогъ ты вырваться отъ насъ?

МЕНЕНИЙ.

Послушайте, я знаю хорошо

Заслуги консула и знаю также,

Въ чемъ грѣшенъ онъ.

СИЦИНИЙ.

Про консула какаго

Ты говоришь?

МЕНЕНИЙ.

Про консула Корiolана.

БРУТЬ.

Чтѣ,

Онъ консулъ?

ГРАЖДАНЕ

Нѣть! Не консулъ онъ! Нѣть! нѣть!

МЕНЕНИЙ.

Когда народъ нашъ добрый и трибуны

На то согласны, — я бъ желалъ сказать

Имъ слова два. Потеря въ томъ какая?

Немного времени...

сициній.

Такъ говори,

Да покороче — надо намъ скорѣй
Покончить съ той змѣй. Изгнать его
Опасно будетъ: здѣсь его оставилъ,
Мы сами пропадемъ, а потому
Сегодня жъ онъ умретъ.

мененій.

Благие боги

Допустятъ ли, чтобъ нашъ великий Римъ,
Котораго признательность и память
О доблести своихъ великихъ гражданъ
Занесены въ Юпитерову книгу,
Какъ звѣрь безчувственный, свое дитя
Пожралъ бы самъ!

сициній.

А развѣ язву злую

Не вырѣзаемъ мы?

мененій.

Нѣтъ, онъ не язва,

Онъ членъ болѣй, способный къ исцѣленью.
Ты отсѣки тотъ членъ — и все пропало!
Чѣмъ провинился онъ передъ отчизной,
Чѣмъ заслужилъ онъ смерть? Тѣмъ, что разилъ
Онъ родины враговъ? Тѣмъ, что за Римъ
Онъ пролилъ больше крови, чѣмъ теперь
Въ его осталось жилахъ? Если вы
Прольете тотъ остатокъ, срамъ великий
И вѣчный насть покроетъ.

сициній.

Пустяки!

БРУТЬ.

И вздоръ одинъ. Когда онъ Римъ любилъ,
Его мы чтили.

мененій.

Забывать должно ли

О томъ, что омертвѣвшая нога
Служила прежде намъ?

БРУТЬ.

Чего тутъ слушать!

Идите въ домъ къ нему, скорѣй возьмите
Его оттуда, чтобы зараза эта
Не разошлась и на другихъ.

мененій.

Одно —

Одно лишь слово. Съ быстротою тигра
Спѣшишь вашъ гнѣвъ, — смотрите жъ, чтобы
потомъ

И слишкомъ поздно не пришлось вамъ
Оплакивать ту скорость. По закону
Начните судъ. Вѣдь онъ друзей имѣть,
Пойдетъ борьба, и нашъ великий Римъ
Погибнетъ черезъ римлянъ.

БРУТЬ.

Если такъ...

сициній.

Чтобъ ты болтаешь — или не видали

Мы, какъ онъ повинуется закону?
Кто руку поднялъ на эдиловъ? Кто
Трибуналъ воспротивился? (*Народу*). Идемъ же!
мененій.

Подумайте, — онъ вскормленъ былъ войной
Съ тѣхъ поръ, какъ мечъ поднять въ немъ
стало силы;
Гдѣ могъ рѣчамъ онъ краснымъ научиться?
Вотъ почему теперь онъ безъ разбора
Мыкину и муку заразъ намъ сыплетъ.
Позвольте мнѣ сходить къ нему: быть можетъ,
Къ законному суду онъ самъ придетъ
Съ покорностью.

1-й СЕНАТОРЪ.

Почтенные трибуны,
Такъ лучше будетъ, иначе безъ крови
Не обойдется дѣло, и, какъ знать,
Чѣмъ кончится оно.

СИЦИНИЙ.

Ну, хорошо,
Мененій добрый, мы съ тобой согласны.
Такъ поступай отъ имени народа,
Какъ знаешь. (*Народу*). Эй, оружіе сложить!

БРУТЬ (*народу*).

Не расходиться!

СИЦИНИЙ.

Мы на площади

Сойдемся всѣ. Туда ты приведешь
Къ намъ Марція; не то мы все покончимъ,
Какъ думали сейчасъ.

МЕНЕНИЙ.

Придемъ мы оба.

(Сенаторамъ).

Пойдемте всѣ къ нему. Идти онъ долженъ,
Иль все пропало.

СЕНАТОРЫ.

Такъ, идемъ къ нему (Уходитъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната въ домѣ Корiolана.

Входитъ Корiolанъ и Патриціи.

КОРИОЛАНЪ.

Пускай грозятся растоптать меня
Копытами коней, пусть обѣщаютъ
Мнѣ смерть на колесѣ, пусть взгромоздятъ
Утесовъ десять на утесъ Тарпейскій,
Пусть до небесъ его они поднимутъ —
Я тотъ же съ ними буду.

Входитъ Волумнія.

1-й ПАТРИЦІЙ.

Благородно

Ты говоришь.

КОРИОЛАНЪ.

Дивлюсь я одному:

Какъ мать моя, ихъ знавшая всегда
Презрѣнными рабами, торгашами,
Безумными зѣваками въ собраньяхъ,
Гдѣ о войнѣ и мирѣ говорятъ
Достойнѣйшиe люди,—какъ она
Теперь мои поступки осуждаетъ!

(Увидѣвъ Волумнію).

Рѣчь про тебя идетъ. Зачѣмъ ты хочешь,
Чтобъ уступилъ я имъ? Неужто я
Тебѣ въ угодность долженъ измѣнить
Своей природѣ? Лучше я останусь
Тѣмъ, чѣмъ я созданъ—такъ ли?

ВОЛУМНІЯ.

Сынъ мой, сынъ мой!

Ты прежде облекись во власть, а тамъ ужъ
Изнашивай ее.

КОРІОЛАНЪ.

Пускай она

Износится!

ВОЛУМНІЯ.

И безъ тревогъ всѣхъ этихъ
Ты могъ всегда остатся тѣмъ, чѣмъ созданъ.
Зачѣмъ, не выждавши своей минуты.
Ты высказался весь передъ врагомъ?

КОРІОЛАНЪ.

Пускай ихъ перевѣшаютъ!

ВОЛУМНІЯ.

И даже

Сожгутъ потомъ!

Входитъ Мененій.

МЕНЕНИЙ (*Корiolану*),

Ну, ну, признайся намъ,
Что ты былъ жостокъ, даже грубъ отчасти.
Пойдемъ на площадь и поправимъ дѣло.

1-І СЕНАТОРЪ.

Иначе нѣтъ спасенья—смуты вспыхнутъ
Въ родной землѣ и пропадетъ нашъ городъ!

ВОЛУМНІЯ.

Прошу тебя, послушай ихъ совѣта:
Я по душѣ строптивѣе, чѣмъ ты,
Но знаю я, что должно вспышки гнѣва
Вліяніямъ разсудка подчинять.

МЕНЕНИЙ.

Волумнія, ты правду намъ сказала:
Когда бъ не польза общая, когда бъ
Не тягостный недугъ временъ тяжелыхъ—
Не сталъ бы я къ услугамъ подлой черни
Его склонять, а лучше бъ, черезъ силу,
Тяжелые доспѣхи самъ надѣлъ. (18)

КОРИОЛАНЪ.

Что долженъ сдѣлать я?

МЕНЕНИЙ.

Со мной вернуться

Къ трибунамъ.

КОРИОЛАНЪ.

Хорошо! А послѣ—послѣ?

М Е Н Е Н Й.

Въ своихъ рѣчахъ предъ ними повиниться.

КО РІО ЛАНЪ.

Я этого передъ лицомъ богоў
Свершить не въ силахъ: какже передъ ними
Я повинуюсь?

В О Л У М Н І Я.

Въ упорствѣ безполезномъ
Нѣтъ благородства. Гордость тамъ вредна,
Гдѣ крайность говоритъ. Не отъ тебя ль
Слыхала я, что мужество и хитрость—
Подруги неразлучныя—вдвоемъ
Взросли на полѣ брані? Если такъ,
То для чего ты розниши ихъ при мирѣ?

КО РІО ЛАНЪ.

Молчи, молчи!

М Е Н Е Н Й.

Разуменъ твой вопросъ.

В О Л У М Н І Я.

Коль на войнѣ скрывать не стыдно намъ
Намѣренья свои отъ супостата,
Коль на войнѣ обманывать врага
Полезно и спасительно, зачѣмъ же
И безъ войны, въ опасный часъ и трудный,
Передъ врагомъ хитрить не можешьъ ты?

КО РІО ЛАНЪ.

Къ чemu вся рѣчь твоя?

ВОЛУМНИЯ.

Къ тому, чтобъ ты
Теперь рѣшился говорить съ народомъ
Не такъ, какъ самъ бы ты хотѣлъ того,
Не такъ, какъ сердце гнѣвное стремится,
Но чуждыми душъ твоей словами
И незаконнымъ, ложнымъ языкомъ.
Повѣрь мнѣ—не унизишь ты себя
Такою рѣчью. Вражескую крѣость
Взять выгоднѣе кроткимъ увѣщањемъ,
Чѣмъ на удачу тяжкій бой поднять.
Наперекоръ природѣ, я сама
Безъ ропота готова притворяться,
Коль надобно друзей своихъ спасать
И будущность свою. Тебя мы всѣ—
Твоя жена, твой сынъ, отцы сената—
О томъ же просимъ; но тебѣ милѣй
Упрямо хмуриться передъ толпою,
Чѣмъ, приласкавъ ее, добыть себѣ
Привязанность народа, безъ которой
Мы всѣ погибли.

МЕНЕНИЙ.

Дивная жена!

(Корiolану).

Идемъ же вмѣстѣ. Ласкою избѣгнешь
Ты отъ опасности и возвратишь,
Чтѣмъ кажется потеряннымъ.

ВОЛУМНИЯ.

Мой сынъ,

Иди, прошу тебя. Передъ народомъ
Смиренно, съ непокрытой головою,
Съ ужимками униженными стань.
Коль нужно то, склони свои колѣни—
(Движенія краснорѣчивѣй слова,
Глаза невѣждѣ смышенѣй, чѣмъ ихъ уши),
Смири свой гордый духъ, твори поклоны
И сердце пусть смягчится у тебя,
Какъ спѣлый плодъ. Иди, скажи плебеямъ,
Что ты ихъ воинъ, что въ бояхъ ты взростъ
И кротостью не могъ обогатиться,
Что этимъ недостаткомъ ты теперь
Народу неугоденъ показался,
Но что, любя народъ, намѣренъ ты
Перемѣнить себя и стать такимъ,
Какъ граждане желаютъ справедливо.

М Е Н Е Н Й.

И если ты все выполнишь—народъ
Тебѣ отдастъ сердца свои. Вѣдь чернь
И на прощенье также таровата,
Какъ на слова пустыя.

В О Л У М Н І Я.

Умоляю,

Послушайся! Сама я знаю: слаше
Тебѣ сойтись на бой съ врагомъ своимъ
Въ пучинѣ огненной, чѣмъ льстить ему
Между цвѣтовъ. (19) Идетъ сюда Коминій.

Входитъ Коминій.

коминий (*Корiolану*).

Я былъ на площади. Или готовься
Ты силой силу встрѣтить, иль смирись,
Или бѣги изъ Рима. Все возстало!

мененій.

Одна бы рѣчъ покорная...

коминий.

Конечно

Она поможетъ, если онъ согласенъ
Сказать ее.

в о л у м н і я .

Онъ долженъ—стало быть,
Ее онъ скажетъ. (*Сыну*). Ну, скажи жъ:
«согласенъ»
И выходи.

короланъ.

Неужли долженъ я

Предъ ними стать съ открытой головою,
И рабскимъ языкомъ, и ложью подлой
Позорить сердце доблестное? Ну,
Я уступаю вамъ, но знайте всѣ—
Когда бы чернь грозила только мнѣ,
Я бы скорѣй позволилъ истереть
Себя во прахъ и разбросать по вѣтру!
Идемъ на площадь! Дали вы задачу,
Съ которой мнѣ не сладить.

коминий.

Мы готовы

Помочь тебѣ.

ВОЛУМНІЯ.

Мой милый сынъ! Когда-то
Ты говорилъ, что похвалы моя
Въ тебя вдохнули воинскую доблестъ;
Коль хочешь новыхъ, сдѣлай то, чего
Еще не дѣлалъ ты.

КОРІОЛАНЪ.

Такъ, рѣшено!

Прочь гордость честная, пусть поселится
Въ меня душа развратная! Пусть голосъ,
Когда-то покрывавшій звуки трубъ,
Поспорить съ рѣчью мальчика пискливой
Иль съ колыбельной пѣсенкой дѣвчонки!
Зову себѣ холопскую улыбку
Я на уста, и пусть изъ глазъ моихъ
Польются слезы школьниковъ! Добуду
Себѣ языкъ у нищаго; какъ нищій
Я стану гнуть колѣна, тѣ колѣна,
Которыя лишь гнулись въ стременахъ...
Все сдѣлаю... Нѣтъ, не могу, не въ силахъ
Я предъ собою лгать. Подобнымъ дѣломъ
Себя пріучишь къ подлости на вѣкъ!

ВОЛУМНІЯ.

Какъ хочешь, сынъ. Моленьями моими
Я болѣе унизилась сама,
Чѣмъ могъ ты унижаться передъ чернью.
Пусть гибнетъ все! И матери твоей

Отъ гордости сыновней гибнуть легче,
Чѣмъ ждать въ тоскѣ, чѣмъ кончится твое
Безумное упрямство. Какъ и ты,
Я не страшуся смерти. Поступай
Какъ знаешь самъ. Безстрашіе свое
Ты отъ меня всосалъ, но гордость эту
Ты добылъ самъ себѣ.

КОРИОЛАНЪ.

Идемъ на площадь!

Мать, не кори меня, я повинуюсь—
Я вымолю привязанность отъ нихъ,
Я буду льстить и ворочусь домой
Любимцемъ римской черни. Погляди,
Я ужъ иду. Женѣ моей привѣтъ
Ты передай. Я консуломъ вернуся,
А если нѣтъ, то пусть не довѣряютъ
Впередъ моимъ способностямъ на лесть.

ВОЛУМНІЯ.

Какъ хочешь, такъ и поступай (*Уходитъ*).

КОМИНІЙ.

Идемъ же!

Трибуны ждутъ. Вооружись въ отвѣтахъ
Великой кротостью; враги, какъ слышно,
Собрали обвиненія, важнѣй
Всѣхъ прежнихъ обвиненій.

КОРИОЛАНЪ.

Хорошо,

Пусть взводятъ на меня, чтобъ имъ угодно,

Я честно имъ отвѣчу.

МЕНЕНИЙ.

Да, и кротко.

КОРИОЛАНЪ.

Да, кротко. Такъ, я имъ отвѣчу кротко.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Тамъ же. Форумъ.

Входяты Сициній и Брутъ.

БРУТЪ.

Всего сильнѣе нападай на то,
Что онъ хотѣлъ похитить власть, а если
Онъ въ этомъ оправдается, припомні
Его вражду всегдашнюю къ плебеямъ.
Да намекни, что бранная добыча,
Отъ авціатовъ взятая, досель
Еще не роздана.

Входитъ Эдилъ.

БРУТЪ.

Ну, что, идетъ онъ?

ЭДИЛЬ.

Идетъ.

БРУТЪ.

Кто съ нимъ еще?

ЭДИЛЬ.

Мененій старый

И нѣсколько сенаторовъ, всегдашихъ
Его друзей.

Сициній.

Ты взялъ съ собою списокъ
Народныхъ голосамъ?

Эдиль.

Онъ у меня.

Сициній.

Помѣтилъ ихъ по трибамъ? (20)

Эдиль.

Да, помѣтилъ.

Сициній.

Сбери жъ народъ скорѣй. Внущи ему,
Что чуть скажу я: «въ силу нашей власти
И правъ народныхъ будетъ то и то»,
Чтѣ бѣ ни сказалъ я—пеню, смерть, изгнанье,
Народу надо тотчасъ крикъ поднять:
Коль я скажу про смерть, то—«смерть ему!»
Коль пеню—«пеню! пеню!» опираясь
На дѣло правое и власть плебеевъ.

Эдиль.

Все будетъ сдѣлано.

Брутъ.

И крикъ поднявши,
Пускай орутъ безъ умолку, пока
Тѣмъ шумомъ не заставимъ мы исполнить
Свой приговоръ.

ЭДИЛЪ.

Исполю.

СИЦИНИЙ.

Да еще

Скажи имъ, что теперь зѣвать не надо!
Пускай глядять на насъ и знака ждутъ.

БРУТЬ.

Ступай.

(Эдилъ уходитъ).

А ты старайся съ первыхъ словъ
Его взбѣсить. Къ побѣдамъ онъ привыкъ
И къ первенству при спорахъ. Стойте только
Его поджечь, и тутъ ужъ осторожность
Забудетъ онъ, и выскажетъ намъ все,
Что на душѣ, а тамъ грѣховъ довольно
На то, чтобы шею онъ себѣ сломалъ.

Входятъ Коріоланъ, Мененій, Коминій, Сенаторы и Патриціи.

СИЦИНИЙ.

А, вотъ и онъ.

МЕНЕНИЙ.

Веди жъ себя спокойней.

КОРИОЛАНЪ.

Да, какъ холопъ, котораго за гроши
Бездѣльникомъ ругаетъ всякий въ волю!
Пусть боги славные хранять нашъ Римъ!
Пускай въ судахъ сидятъ благіе мужи,

Чтобъ мы въ соглась жили, чтобъ у насъ
По улицамъ не кровь текла, но въ храмахъ
Толпы народа миръ торжествовали!

1-й СЕНАТОРЪ.

Пусть будетъ такъ.

МЕНЕНИЙ.

Почтѣнная молитва!

Входяще ЭДИЛЫ и ГРАЖДАНЕ.

СИЦИНИЙ.

Приближьтесь, граждане.

ЭДИЛЫ.

Эй! тише, слушать
Своихъ трибуновъ!

КОРГОЛАНЪ.

Прежде мнѣ позвольте
Держать къ вамъ рѣчъ.

ОБА ТРИБУНА.

Ты можешь говорить.

(Къ народу).

Молчать и слушать!

КОРГОЛАНЪ.

Здѣсь ли долженъ я
Рѣшеній ждать и здѣсь ли я узнаю
Въ чемъ обвиненъ?

СИЦИНИЙ.

Дай мнѣ отвѣтъ теперь же:
Покорствуешь ли ты народной волѣ,

Сановниковъ народа признаешь ли,
А главное, готовъ ли подчиняться
Ты приговору нашему, когда
Законъ того потребуетъ?

КОРИОЛАНЪ.

Готовъ я.

МЕНЕНИЙ.

Вотъ граждане—вы слышите—готовъ онъ.
Припомните жъ теперь его заслуги,
Подумайте, что у него на тѣлѣ
Ранъ боевыхъ не меньше, чѣмъ могиль
На кладбищѣ святомъ.

КОРИОЛАНЪ.

Рубцы пустые,

Ничтожныя царапины!

МЕНЕНИЙ.

Про то

Подумайте, что если не всегда онъ—
Такъ говоритъ, какъ должно гражданину,
За то бойца вы въ немъ всегда найдете.
Вы злобой не считайте жосткой рѣчи:
Онъ къ ней привыкъ какъ воинъ, не какъ врагъ
Народныхъ правъ.

КОМИНИЙ.

Довольно же обѣ этомъ.

КОРИОЛАНЪ (*народу*).

Скажите жъ мнѣ, чѣмъ могъ я заслужить,

Что вы, избравъ меня единодушно
Въ санъ консула, безчестите теперь
Немедленной отмѣною избранья?

Сициній.

Ты долженъ прежде намъ отвѣтить.

Коріоланъ.

Правда.

Я слушаю—и отвѣтить готовъ.

Сициній.

И такъ—тебя мы обвиняемъ въ томъ,
Что умышлялъ ты уничтожить разомъ
Всѣ мудрыя постановленья Рима
И власть себѣ верховную присвоить.
За это ты провозглашенъ отъ насъ
Измѣнникомъ отечеству.

Коріоланъ.

Какъ—!

Я, я—измѣнникъ!

Мененій.

Вспомни обѣщанье—

Умѣренность!

Коріоланъ.

Пусть васъ и вашъ народъ
Спалять огни изъ преисподней ада!
Меня назвать измѣнникомъ! Мерзавецъ,
Трибуунъ-ругатель! Если бъ у тебя
Въ глазахъ сидѣли тысячи смертей,
Въ твоихъ рукахъ—еще по миллиону

И столько жъ на поганомъ языкѣ—
Я и тогда сказалъ бы, что ты лжешь,
Сказалъ бы такъ спокойно и свободно,
Какъ я богамъ молюсь!

Сициній.

Народъ, ты слышишь?

ГРАЖДАНИНЪ.

Такъ! На скалу его—скорѣй!

Сициній (народу).

Вниманье!

Къ чему искать намъ обвиненій новыхъ?
Вы видѣли, какъ онъ ведетъ себя
И слышали, какъ говоритъ онъ съ вами;
Онъ васъ ругалъ, онъ билъ эдиловъ вашихъ,
Ударами онъ отвѣчалъ закону
И вызовы кидаетъ онъ теперь
Своимъ судьямъ. За преступленья эти
Онъ стбить злѣйшей казни...

БРУТЬ.

Но припомнивъ

Его заслуги Риму...

КОРІОЛАНЪ.

Смѣешь ты,
Болтунъ, припомнить мои заслуги!

БРУТЬ.

Я говорю про то, что знаю.

КОРІОЛАНЪ.

Ты

Ихъ знаешь!

мененій (Коріолану).
Матери своей
Чтò обещалъ ты?

коминій.

Выслушай, прошу я!

КОРІОЛАНЪ.

Нѣтъ, не хочу—довольно слушалъ я!
Пускай меня столкнутъ съ тарпейской кручи,
Пускай сдираютъ кожу, пусть скитаться
Пошлютъ меня въ изгнаніе, посадятъ
Въ темницу и даютъ на пропитанье
Одно зерно на сутки,—не скажу
Имъ одного привѣтливаго слова;
Я не склонюсь предъ ними, не куплю
Пощады я отъ нихъ, хоть для того
Мнѣ стоило бъ сказать мерзавцамъ этимъ:
«День добрый».

сициній.

За то, что онъ, по мѣрѣ средствъ и силъ,
Открыто шелъ всегда противъ народа,
За то, что онъ вредилъ правамъ плебеевъ,
И наконецъ за то, что въ грозный часъ
Суда надъnimъ осмѣлился нанести
Удары исполнителямъ закона —
Мы, именемъ народа, въ силу данной
Трибуналъ власти, здѣсь, безъ промедленья,
Ему велимъ оставить городъ нашъ
И не входить вовѣкъ въ ворота Рима

Подъ страхомъ низверженія съ утеса
Тарпейскаго. Отъ имени народа —
Да будетъ такъ!

ГРАЖДАНЕ.

Да, да! Да будетъ такъ!
Долой его — изгнать его!

КОМИНИЙ.

Друзья —
Послушайте.

СИЦИНІЙ.

Ужъ сказанъ приговоръ,
И слушать нечего!

КОМИНИЙ.

Прошу я слова.

Я самъ былъ консуломъ, и я на тѣлѣ
Ношу слѣды отъ вражескихъ ударовъ.
Я родину люблю не меныше васъ,
Я чту ее и больше, и святѣе,
Чѣмъ собственную жизнь, чѣмъ честь жены,
Чѣмъ нашего союза плодъ — моихъ младенцевъ,
И потому я вправѣ здѣсь сказать...

СИЦИНІЙ.

Мы знаемъ, что ты скажешь. Говори же.

БРУТЬ.

Зачѣмъ намъ эти рѣчи? Изгнанъ онъ,
Какъ врагъ народа и роднаго края.
Да будетъ такъ!

Н А Р О Д Ъ.

Да, да! Пусть будетъ такъ!

К О Р И О Л А Н Ъ.

Вы—стая подлыхъ сукъ! Дыханье ваше
Противнѣй мнѣ, чѣмъ вонь гнилыхъ болотъ;
Любовью вашей дорожу я столько жъ,
Какъ смрадными, раскиданными въ полѣ
Остатками враговъ непогребенныхъ!
Я изгоняю васъ! Живите здѣсь
Съ безумiemъ и малодушьемъ вашимъ!
Пусть тѣнъ бѣды васъ въ дрожь и страхъ
кидаеть!

Пускай враги, встражнувши гривой шлемовъ,
Шлютъ бурей вамъ отчаянье въ сердца!
Храните дольше вашу власть и право—
Въ изгнанье слать защитниковъ своихъ,
Покуда, наконецъ, глупцы, придется
Вамъ на себѣ извѣдать, слишкомъ поздно,
Что врагъ вашъ—сами вы. И пусть тогда
Чужой народъ придетъ на васъ, безумцевъ,
И въ рабство васъ, рабовъ, возьметъ безъ боя!
Я презираю васъ и городъ вашъ!
Я прочь иду—есть міръ и кромѣ Рима!

(Уходятъ Коріоланъ, Мененій, Коминій и патриціи).

Э Д И Л Ы.

Ушелъ, ушелъ врагъ народа!

Н А Р О Д Ъ.

Нашъ врагъ изгнанъ! Ушелъ, ушелъ! у! у! у!

(Кричатъ и кидаютъ шапки).

СИЦИНИЙ.

Скорѣй за нимъ идите до воротъ.

Ругайтесь надъ нимъ, какъ онъ ругался

Надъ нами всѣми. Эти оскорбленья

Самъ заслужилъ онъ. Стража, черезъ городъ

Иди за нами.

ПАРОДЪ.

Ну, пойдемъ, пойдемъ! —

Проводимъ до воротъ его. Скорѣй!

Да здравствуютъ трибуны! Ну — идеи же!

(Уходя).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Римъ. Предъ городскими воротами.

Входяты Коріоланъ, Волумнія, Мененій, Коміній и множество молодыхъ патриціевъ.

К о р і о л а нъ.

Ну, полно плакать. Сократимъ прощанье.
Я вытолкнутъ изъ города скотомъ
Многоголовымъ. Мать, не надо плакать:
Гдѣ мужество твое? Не отъ тебя ли
Слыхали мы, что духъ нашъ крѣпнетъ въ горѣ,
Что мелкимъ людямъ мелкая бѣда
Подъ силу лишь, что на морѣ спокойномъ
Всѣ корабли равно умѣютъ плавать,
Но что душѣ геройской лишь дается
Судьбы удары съ мужествомъ сносить.
Твои я помню рѣчи,—вѣрю я,
Что сердце, ими вскормленное, можетъ

Несокрушимымъ бытъ.

ВИРГИЛІЯ.

О небо! небо!

КОРІОЛАНЪ.

Жена, прошу тебя!...

ВОЛУМНІЯ.

Пусть отъ чумы

Ремесленники Рима передохнутъ!

КОРІОЛАНЪ.

Къ чему? Къ чему? Разставши со мной,

Они меня оцѣнятъ. Мать, не плачь;

Припомни, какъ ты говорила прежде,

Что если бы супругой Геркулеса

Звалася ты,—то шесть его трудовъ

Окончила бъ, герою помогая (⁽²¹⁾).

Коминій, не тужи! Прощай! Прощайте.

Жена и мать! Я стану жить нехудо.

Не плачь, Мененій, вѣрный мой стариkъ:

Твоимъ глазамъ соленая вода

Вредна какъ ядъ. (Коминію.) Мой бывшій

полководецъ,

Всегда умѣль глядѣть ты твердымъ взглядомъ

На душу леденящія картины,

Такъ объясни жъ ты этимъ бѣднымъ женамъ,

Что стоны при бѣдѣ неотразимой

Безплодны, какъ и смѣхъ. Послушай, мать!

Ты утѣшалась доблестью мою:

Вѣрь мнѣ, что и теперь твой сынъ, въ изгнанье,

Одинъ—подобно лютому дракону,
Что съетъ страхъ кругомъ своей пещеры—
Иль удивить весь міръ, или погибнетъ
Не безъ борьбы, отъ хитрости одной!

В О Л У М Н И Й.

Куда жъ пойдешь ты, мой безцѣнныи сынъ?
Ты доброго Коминія съ собой
Возьми на время: вы вдвоемъ скорѣй
Придумаете что-нибудь, а въ гнѣвѣ
Случайностямъ себя ты не ввѣряй.

КО РІОЛАНЪ.

О боги!

КОМИНИЙ.

Я иду съ тобою, и мѣсяцъ
Мы вмѣстѣ проведемъ, а тамъ увидимъ,
Гдѣ жить тебѣ и какъ съ тобою вѣстями
Пересылаться, чтобъ, когда отмѣна
Изгнанью будетъ, не пришлось намъ,
Теряя случай и удобный мигъ,
Искать тебя по всей землѣ широкой.

КО РІОЛАНЪ.

Прощай, мой вождь! Годовъ и бранныхъ буръ
Усталость тяготѣеть надъ тобою.
Не тронуть ими я, и вмѣстѣ намъ
Не странствовать. Съ тобою за воротами
Прощуся я. Ты, нѣжная супруга,
Мать милая и вы, друзья мои,

Идемте же. За воротами вы
Скажите мнъ «прощай»—и улыбнитесь.
Идемте же, прошу васъ. Отъ меня,
Пока еще хожу я по землѣ,
Вамъ вѣсти будутъ. Вѣрьте, прежній Марцій
Останется такимъ же, какъ и встарь.

МЕНЕНИЙ.

Для всѣхъ ушай такая рѣчъ отрадна.
Не надо плакать. Если бы лѣтъ семь
Съ моихъ костей я могъ стряхнуть—теперь же,
Клянусь богами, всюду за тобою
Побрелъ бы я!

КОРИОЛАНЪ.

Дай руку. Ну, пойдемте.

СЦЕНА II.

Тамъ же. Улица неподалеку отъ воротъ.

Входяятъ Сициній, Брутъ и Эдилъ.

СИЦИНІЙ (эдилу).

Гони ихъ по домамъ. Онъ удалился,
И намъ пора притихнуть. Ужъ косятся
На насъ патриціи, его друзья.

БРУТЪ.

Мы показали нашу власть, и надо
Теперь себя вести поосторожнѣй.

СИЦИНІЙ.

Пускай расходятся. Скажи имъ всѣмъ:

«Вашъ врагъ ушель, и возстановлено
Старинное могущество плебеевъ».

Б Р У ТЪ.

Ступай же, распусти ихъ. (Эдилъ уходитъ).
Входяты Волумнія, Виртилія и Мененій.

Б Р У ТЪ.

Погляди,

Проходитъ мать его.

СИЦІНІЙ.

Свернемъ съ дороги.

Б Р У ТЪ.

Зачѣмъ же?

СИЦІНІЙ.

Говорятъ, она совсѣмъ
Сошла съ ума.

Б Р У ТЪ.

Теперь нельзя уйти—

Она настъ видить.

В О Л У М Н І Я.

Здравствуйте, я рада,
Что вижу васъ. Пусть божескія кары
На васъ нагрянутъ!

М Е Н Е Н І Й.

Тише— успокойся.

В О Л У М Н І Я.

Когда бъ не слезы эти, я могла бъ
Сказать вамъ кое-что. И я скажу.

(Бруту). Не уходи!

виргилія (*Сицинію*).

И ты останься здѣсь!

О, если бъ такъ я Марція могла
Остановить!

сициній (*Волумній*).

Иди своей дорогой,
Безумная!
волумнія.

Ну что жъ, что я безумна?
Ты такъ уменъ! Ты показалъ свой разумъ,
Изгнавъ вождя, который супостатамъ
Нанесъ ударовъ болѣе, чѣмъ словъ
Ты выболталъ съ тѣхъ поръ, какъ въ свѣтъ
родился.

сициній.

О боги!

волумнія.

И ударовъ славныхъ больше,
Чѣмъ умныхъ словъ сказалъ ты. И для Рима
Онъ былся такъ! Ступай же! Нѣтъ, постой—
Еще скажу я что-то. Я бъ хотѣла,
Чтобъ сынъ мой здѣсь стоялъ, съ мечомъ въ
рукѣ.

сициній.

Чтобъ жъ дальше?

волумнія.

То, что онъ бы разомъ кончилъ
Съ тобою.

ВИРГИЛІЯ.

И съ родней твоей презрѣнной
О, сколько ранъ онъ получилъ за Римъ!

МЕНЕНИЙ.

Ну, полно же.

СИЦИНІЙ.

И самъ желалъ бы я,
Чтобъ Риму онъ остался также вѣренъ,
Какъ прежде былъ, и нить заслугъ своихъ
Не разрывалъ.

БРУТЬ.

И я бъ желалъ того же.

ВОЛУМНІЯ.

«И я бъ желалъ!» А кто же на него
Поднялъ народъ? Не вы ли, кошки злые,
Животныя, способныя судить
Его заслуги столько жъ, сколько я
Судить могу о скрытыхъ тайнахъ неба!

БРУТЬ.

Пойдемъ, Сициній.

ВОЛУМНІЯ.

Доблестные мужи,
Сама я вѣсъ прошу — идите прочь!
Вы славно поступили. На прощанье
Скажу одно: на сколько Капитолій
Перевышаетъ римскія лачуги,
На столько сынъ мой, и супругъ вотъ этой,
Вотъ этой женщины, что передъ вами —

На столько онъ, изгнаникъ, выше васъ!

БРУТЬ.

Ну, хорошо, прощай.

СИЦИНИЙ.

Не стойте слушать

Нападки отъ безумной. (*Трибуны уходятъ*).

ВОЛУМНІЯ.

Такъ возьми же

Съ собой мои молитвы! Я бъ желала,
Чтобъ боги всѣ одно имѣли дѣло —
Мои проклятья исполнять на нихъ!
О, если бъ я могла встрѣчаться съ ними
Хоть въ день по разу, я бы имъ кидала
Всю тягость съ сердца.

МЕНЕНИЙ.

Ты была права

И правду имъ всю высказала. Будемъ
Мы вмѣстѣ ужинать?

ВОЛУМНІЯ.

Нѣтъ. Кромѣ гнѣва,

Мнѣ пищи нѣтъ другой.

(*Virgiliu*). Ну, будетъ плакать!
Не надо слезъ, а сѣтуй такъ, какъ я,
Какъ сѣтовала гнѣвная Юнона!
Идемте же.

МЕНЕНИЙ.

Ну, полно, полно, полно!

(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Дорога между Римомъ и Анциумомъ.

*Входятъ Римлянинъ и Вольскъ, на встречу
одинъ другому.*

Римлянинъ.

Мы съ тобой знакомы. Кажется, тебя зовутъ Адриа-
номъ.

Вольскъ.

Адрианомъ; только тебя-то я не могу припом-
нить.

Римлянинъ.

Я римлянинъ, только теперь, какъ и ты, служу
противъ Рима.—Что?—Вспомнилъ?

Вольскъ.

Никаноръ? Нѣтъ?

Римлянинъ.

Онъ и есть! въ немъ ощущаю твое

Вольскъ.

Когда мы видались въ послѣдній разъ, твоя бо-
рода была какъ будто больше, — впрочемъ, узнаю
тебя по голосу. Что у васъ новаго въ Римѣ? Я
посланъ, чтобы сыскать тебя; хорошо, что ты умень-
шилъ мой путь на половину.

Римлянинъ.

Въ Римѣ было большое возмущеніе. Народъ по-
шелъ противъ сената и патриціевъ.

Вольскъ.

Было? Значитъ и кончилось? А у насъ-то гото-
вятъ войска, чтобы нагрянуть при самой неурядицѣ.

РИМЛЯНИНЪ.

Главный-то пожаръ погасили, да онъ готовъ сно-
ва подняться отъ одной искры. Патриціи раздра-
жены за изгнаніе храбраго Коріолана. Они не
прочь бы отнять власть у народа, навсегда отдѣ-
латься отъ его трибуновъ. Все это тлѣетъ, тлѣетъ,
и почти готово вспыхнуть на славу.

ВОЛЬСКЪ.

Какъ! Коріоланъ изгнанъ?

РИМЛЯНИНЪ.

Конечно, изгнанъ.

ВОЛЬСКЪ.

За эту вѣсть, Никаноръ, у насъ тебя славно
встрѣтять!

РИМЛЯНИНЪ.

Конечно, лучшаго времени вашимъ и не до-
ждаться. Вашъ Авфидій славно поведетъ войну—те-
перь, когда Коріолана не будетъ въ римскомъ войскѣ.

ВОЛЬСКЪ.

Еще бы! Я радъ, что судьба нась здѣсь стол-
кнула. Дѣло мое кончено, вернемся же домой вмѣ-
стѣ, съ веселымъ духомъ.

РИМЛЯНИНЪ.

Дорогой, до ужина, я тебѣ поразскажу странныя
вѣсти изъ Рима. Лучше такихъ вѣстей для васъ и
не выдумать. Ты говоришь, что и войско у васъ
наготовѣ?

В О Л Ъ С К Ъ.

Да, и какое отличное! Центуріоны на мѣстахъ, сотни расписаны, жалованье выдается, всѣ готовы въ походъ по первому приказу.

Р И М Л Я Н И НЪ.

Очень радъ,—вотъ отъ моихъ вѣстей они и троются. Очень радъ и встрѣчъ, и тому, что отсюда идемъ мы вмѣстѣ.

В О Л Ъ С К Ъ.

Я только что хотѣлъ сказать тоже. Радъ, очень радъ встрѣчъ.

Р И М Л Я Н И НЪ.

Идемъ же вмѣстѣ. (Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Анціумъ. Передъ домомъ Авфидія.

Входитъ **Коріоланъ**, въ бѣдной одежды; онъ переодѣтъ и скрываетъ свое лицо.

КОРИОЛАНЪ.

Хорошій городъ Анціумъ! А я
Тебя наполнилъ вдовами. Со стономъ
Владѣльцы этихъ зданій величавыхъ
Передо мною падали въ бою!
Не узнавай меня,—не то сбѣгутся
Съ каменными и жены, и младенцы,
И умертвятъ меня въ борьбѣ безславной!

Входитъ **Гражданинъ**.

КОРИОЛАНЪ.
Здорово, другъ.

ГРАЖДАНИНЪ.

Здорово.

КОРИОЛАНЪ.

Научи,

Какъ отыскать мнѣ славнаго вождя

Авфидія. Онъ въ городѣ?

ГРАЖДАНИНЪ.

Сегодня

Даетъ онъ пиръ всѣмъ городскимъ

вельможамъ.

КОРИОЛАНЪ.

А гдѣ же домъ его?

ГРАЖДАНИНЪ.

Передъ тобой.

Вотъ домъ Авфидія.

КОРИОЛАНЪ.

Прощай! Спасибо.

(Гражданинъ уходитъ).

О свѣтъ, измѣнчивъ ты! Друзья по клятвамъ,

Съ однимъ и тѣмъ же сердцемъ въ каждой

груди,

Въ трапезѣ, снѣ, заботахъ и забавахъ

Бесѣдные товарищи другъ другу,

Друзья, которыхъ, словно близнецовъ,

Любовь сроднила, изъ причинъ ничтожныхъ

Въ единый часъ мѣняютъ дружбу эту

На горькую и кровную вражду!

И также—вдругъ заклятые враги,
Во снѣ своемъ не знавшіе покоя
Отъ бѣшенства и помысловъ враждебныхъ,
Черезъ ничтожный случай, вдругъ сойдутся,
И подружатся, и своихъ дѣтей
Перемѣшаютъ бракомъ. И со мною
Не тоже ли? Я Римъ возненавидѣлъ,
Я этотъ вражій городъ полюбилъ!
Ну что жъ? Войдемъ. Пусть онъ убьетъ меня,—
Онъ будетъ правъ; но если кротко приметъ,
Его землѣ я службу сослужу. (Уходитъ).

СЦЕНА V.

Тамъ же. Зала въ домѣ Авфидія. Внутри дома музыка.

Входитъ Слуга.

1-й слуга.

Вина! Вина! Вина! Что за порядокъ? Или всѣ
наши слуги уснули? (Уходитъ).

Входитъ Второй Слуга.

2-й слуга.

Гдѣ Котусъ? Господинъ зоветъ его. Котусъ!

(Уходитъ).

Входитъ Коріоланъ.

КОРІОЛАНЪ.

Хорошій домъ, и всюду пахнетъ пиромъ.

Лишь я пришелъ не гостемъ.

Входитъ снова Первый Слуга.

1-й слуга.

Чтобъ тебѣ нужно, пріятель? Откуда ты?

Здѣсь тебѣ не мѣсто! ступай-ка за двери.

КОРИОЛАНЪ. (*про себя*).

Коріолану лучшаго прієма

И ожидать не слѣдуетъ.

Входитъ сноva Второй Слуга.

2-й слуга (*Коріолану*).

Эй, ты!

Откуда тебя принесло? Видно, у сторожа глазъ во лбу нѣтъ—впускать сюда такую сволочь! Убрайся, пожалуйста.

КОРИОЛАНЪ.

Оставь меня.

2-й слуга.

Оставь меня! Ты оставь насть!

КОРИОЛАНЪ.

Прочь, ты надоѣль мнѣ.

2-й слуга.

Вотъ какой храбрецъ нашелся! Мы съ тобой долго болтать не станемъ.

Входитъ Третій Слуга.

3-й слуга.

Это что за человѣкъ?

1-й слуга.

Чудакъ, какаго я не видывалъ. Не могу выпроводить его отсюда. Пожалуйста, попроси сюда го-сподина.

3-й слуга (*Коріолану*).

Зачѣмъ ты сюда пришелъ, негодай! Убрайся, сдѣлай одолженіе.

КОРИОЛАНЬ.

Оставь меня здѣсь—развѣ я кого трогаю?

З-й слуга.

Да кто ты такой?

КОРИОЛАНЬ.

Дворянинъ.

З-й слуга.

Должно быть, дворянинъ то бѣдный.

КОРИОЛАНЬ.

Бѣдный, твоя правда.

З-й слуга.

Пожалуйста, бѣдный дворянинъ, поищи-ка себѣ другаго мѣста, здѣсь не до тебя. Ну, иди же, пошелъ прочь!

КОРИОЛАНЬ.

Знай свое дѣло. Пошелъ къ своимъ обѣдкамъ.
(Отталкиваетъ слугу).

З-й слуга.

Ты не хочешь идти? *(2-му слугѣ).* Поди, скажи господину, какой гость къ нему забрался.

2-й слуга.

Иду. *(Уходитъ).*

З-й слуга *(Корiolану).*

Гдѣ ты живешь?

КОРИОЛАНЬ.

Подъ небесами.

3-й СЛУГА.

Подъ небесами?

КОРИОЛАНЪ.

Да.

3-й СЛУГА.

Гдѣ же это подъ небесами?

КОРИОЛАНЪ.

Съ коршунами и воронами.

3-й СЛУГА.

Съ коршунами и воронами? Чѣо за оселъ! А съ глупыми сычами ты живешь тоже?

КОРИОЛАНЪ.

Развѣ я служу твоему господину?

3-й СЛУГА.

Что? Что? Чего ты вяжешься къ моему господину?

КОРИОЛАНЪ.

Ну, ну, довольно болтать, пошелъ къ своему дѣлу. Вонъ! (Выталкиваетъ его прочь).

Входитъ Авфидій и 2-й Слуга.

АВФИДІЙ.

Гдѣ этотъ человѣкъ?

2-й СЛУГА.

Вотъ онъ. Если бъ не гости въ домѣ—я бы избилъ его, какъ собаку.

АВФИДІЙ (*Коріолану*).

Откуда ты? чего тебѣ здѣсь надо?

Зачѣмъ молчишь ты? Отвѣчай же мнѣ,
Кто ты таковъ?

КОРИОЛАНЪ (открывая лицо).

Когда меня Авфидій
Не назоветъ и не узнаетъ самъ,
То не замедлю я предъ нимъ теперь же
Назвать себя.

АВФИДІЙ.

Скажи свое мнѣ имя.
(Слуги удаляются).

КОРИОЛАНЪ.

Не радостно звучить оно для вольсковъ
И тяжело оно ушамъ твоимъ.

АВФИДІЙ.

Что жъ? Говори. Сурово ты глядишь
И на лицо ты носишь власти признакъ;
Хоть паруса изорваны твои,
Но изъ подъ нихъ глядитъ корабль могучій.
Кто ты такой?

КОРИОЛАНЪ.

Готовъся вспыхнуть гнѣвомъ.
Не узнаешь меня?

АВФИДІЙ.

Не узнаю.

КОРИОЛАНЪ.

Я Кай Марцій, тотъ, что много золь
И тяжкихъ бѣдъ нанесъ твоей отчизнѣ,

Въ залогъ чего народъ прозвалъ меня
Коріоланомъ. Трудныя заслуги,
И смертныя опасности, и кровь,
Пролитая за Римъ неблагодарный,
Награждены однимъ прозваньемъ этимъ,
Залогомъ гнѣва и вражды твоей.
Оно одно при мнѣ—все остальное
Изъ зависти сожрала злая чернь,—
И предъ лицемъ патриціевъ трусливыхъ,
Безсмысленными криками рабовъ
Изъ Рима изгнанъ я. Вотъ почему
Я здѣсь теперь—предъ очагомъ твоимъ.
Когда бъ искалъ спасать я жизнь свою,
Я не пришелъ бы самъ подъ эту кровлю:
Я здѣсь для мщенія. Съ врагомъ моимъ
Я за изгнанье долженъ расплатиться.
Вотъ почему я предъ тобой. Когда
Ты хочешь смыть пятно съ твоей отчизны,
Когда ты хочешь Риму отплатить
Жестокой местью за свои обиды,
Рѣшайся разомъ—случай предъ тобою!
Передъ тобою мститель и сподвижникъ—
Бери меня,— а я готовъ сражаться,
Какъ лютый духъ изъ адской глубины,
Противъ моей отчизны зараженной!
Но если ты отвагой не богатъ
И утомился бранными трудами,
То говорить намъ нечего—я самъ
И утомленъ, и жизнью скучаю.

Убей меня, вотъ грудь моя—рази
Во имя прежней ненависти нашей!
Припомни, что врагомъ ожесточеннымъ
Тебѣ я былъ, что лилъ я рѣки крови
Тебѣ родной, что, пощадивъ меня,
Ты будешь глупъ, что жизнь моя должна
Тебѣ служить стыдомъ или подпорой!

А В Ф И Д І Й.

О Марцій, Марцій! Съ каждымъ этимъ словомъ
Ты исторгаешь изъ души моей
Всѣ корни злой вражды. Когда бъ Зевесь
Изъ облаковъ со мной заговорилъ
Про тайны неба и своею клятвой
Ихъ потверждалъ, — священному глаголу
Не вѣрилъ бы я больше, чѣмъ тебѣ,
Мой благородный Марцій! О, позволь
Обнять себя. Дай мнѣ обвить руками
Того, на комъ копье мое ломалось,
Обломками взлетая до луны!

(Обнимаетъ Марція).

Вотъ эта грудь, въ которую мой мечъ
Стучалъ такъ часто. Я ее сжимаю,
И сладко мнѣ въ любви съ тобою спорить,
Какъ спорили мы ревностно и жарко
Въ безстрашіи на нашихъ встрѣчахъ бранныхъ!
Послушай, Марцій: я любилъ когда-то
Святой любовью дѣвушку одну,—
Она—жена моя. Но въ самый часъ,

Когда моя избранница ступила
Чрезъ мой порогъ — не билось это сердце
Такъ радостно, какъ здѣсь, при нашей встрѣчѣ!
Мой богъ вождей! Ты долженъ знать, что мы
Собрали войско. Снова мнѣ хотѣлось
Щитомъ къ щиту съ тобой опять сойтиться
Для смерти иль побѣды. Въ браняхъ нашихъ
Двѣнадцать разъ я побѣженъ тобою,
И съ той поры не проходило ночи,
Чтобъ не видалъ во снѣ я нашихъ встрѣчъ.
Во снѣ, въ бою, съ тобой я на земь падалъ,
Срывалъ твой шлемъ, хваталъ тебя за горло,
Изнемогалъ — и просыпался вдругъ.
Теперь, мой храбрый Марцій, если бъ мы
И не готовились бороться съ Римомъ,
То за одно изгнаніе твое
Мы собрали бъ и отроковъ и старцевъ,
Чтобъ яростнымъ потокомъ налетѣть
Къ неблагодарнымъ римлянамъ въ предѣлы.
Иди жъ въ мой домъ — тамъ руку ты подашь
Моимъ друзьямъ сенаторамъ: сегодня
Я пиръ для нихъ даю, прощаюсь съ ними
Передъ походомъ въ римскіе предѣлы,
Хоть не на самый Римъ.

КОРИОЛАНЪ.

Благіе боги,
Меня благословили вы!
АВФИДІЙ.
Теперь

Ты здѣсь хозяинъ. Если хочешь ты
Распоряжаться самъ своей отплатой,
Сдаю тебѣ пол-власти я надѣ войскомъ.
Рѣшай, какъ знаешь: болѣе чѣмъ мы,
Знакомъ ты съ римской силой. Если надо
Нагрянуть прямо на ворота Рима,
Иль, предѣ ударомъ, въ областяхъ дальнихъ.
Разсѣять ужасъ и опустошенье,
Мы за тобою всѣ. Войди жъ ко мнѣ:
Я покажу тебя вельможамъ нашимъ,
И всѣ они согласиѣмъ отвѣтятъ
На замыслы твои. Привѣтъ тебѣ,
Мой бывшій врагъ и настоящій другъ!
А сильно враждовали мы, мой Марцій!
Дай руку — здравствуй — тысяча привѣтовъ!

(*Корiolанъ и Августий уходятъ*).

1-й слуга (*выходя впередъ*).

Вотъ ужъ превращеніе!

2-й слуга.

А я то собирался угостить его палкой, да сме-
кнулъ какъ-то, что нельзя вѣрить его наряду.

1-й слуга.

А рука-то у него какая! Онъ меня повернулъ
двумя пальцами, какъ кубарь какой нибудь.

2-й слуга.

Ужъ по лицу его я догадался, что тутъ что ни-
будь — у него лице-то, лице — не знаю, какъ и сказать.

1-й слуга.

Да, да, въ немъ что-то такое. Пусть меня по-

вѣсять, коли я не догадался сразу.

2-й слуга.

И я догадался. Такаго человѣка не часто встрѣтить.

1-й слуга.

И я такъ думаю. Впрочемъ, одного воина, еще получше — и ты знаешь.

2-й слуга.

Кого это? Нашего господина, что ли?

1-й слуга.

Да хоть бы и его.

2-й слуга.

Ну, онъ-то и шестерыхъ такихъ стойть.

1-й слуга.

Ужъ это слишкомъ много, хоть онъ и отличный воинъ.

2-й слуга.

Тутъ, видишь ты, рѣшать трудно. Коли надо оборонять города, нашъ господинъ большой мастеръ.

1-й слуга.

Да и братъ ихъ онъ умѣетъ.

Входитъ 3-й Слуга.

3-й слуга.

Ну, братцы, вотъ это таѣ новости!

1-й и 2-й слуга.

Говори, говори, что такое?

3 - й слуга.

Не хотѣлъ бы я теперь быть римляниномъ! Око
теперь хуже, чѣмъ имѣть петлю на шеѣ.

1 - й и 2 - й слуга.

Отчего же бы?

3 - й слуга.

Да оттого, что здѣсь теперь Каій Марцій, тотъ,
что колотилъ нашего господина.

1 - й слуга.

Какъ? Кто колотилъ господина?

3 - й слуга.

Я не говорю, чтобъ колотилъ, а такъ, въ бою,
былъ ему всегда подъ пару.

2 - й слуга.

Ну, чего тутъ скрывать, — вѣдь мы товарищи.
Онъ всегда одолѣвалъ нашего-то; самъ онъ при
мѣ признавался.

1 - й слуга.

Нечего таиться: что правда, то правда. Подъ Ко-
ріоли онъ избилъ господина, какъ говядину.

2 - й слуга.

Такъ, что только поджарить осталось.

1 - й слуга.

Ну, а еще что новаго?

3 - й слуга.

Наши-то теперь съ нимъ носятся, будто съ сы-
номъ и наследникомъ Марса. За столомъ отвели

ему первое мѣсто; кто изъ сенаторовъ заговоритъ съ нимъ, такъ прежде самъ съ мѣста встанетъ. А господинъ нашъ съ нимъ, словно съ любимымъ человѣкомъ: то слушаетъ его, выпуча глаза, то дотронется до руки его, да такъ учтиво! Да главная-то новость въ томъ, что теперь нашего вождя раздѣлили на двое—половина власти сдана Марцію, такъ за столомъ вся и рѣшили. Я, говоритъ Марцій, римскаго привратника за уши возьму, все передъ собой скопшу, гдѣ я ни пройду, говоритъ, все станетъ гладко.

2-й слуга.

И такъ все сдѣлается, какъ сказано — скорѣе, чѣмъ кто нибудь!

3-й слуга.

Сдѣлается—еще бы! Понимаешь ли: дома у него столько же друзей, сколько непріятелей, только друзья-то — возьми въ толкъ хорошенько — боятся показаться его друзьями, то есть, какъ говорится, трусятъ, до тѣхъ поръ, пока онъ, такъ сказать, у народа въ подозрительности.

1-й слуга.

Какъ это въ подозрительности?

3-й слуга.

А какъ увидятъ эти друзья, что онъ поднялъ голову, такъ и выползутъ изъ своихъ норъ и соберутся къ нему на подмогу.

1-й слуга.

А когда же походъ сказанъ?

3-й слуга.

Завтра, сегодня, сию минуту. Послѣ обѣда и забываютъ въ барабанъ. Встанутъ изъ за стола — и за дѣло!

2-й слуга.

Опять пойдетъ веселое время! Чѣмъ проку въ ми-
рѣ? Желѣзо ржавѣетъ, портные плодятся, стихо-
творцы разводятся!

1-й слуга.

И по мнѣ война лучше. Передъ миромъ, она
какъ день передъ ночью. Сколько жизни, хлопотъ,
слуховъ, разсказовъ! А миръ—будто сонъ или пар-
личъ какой нибудь: скуча, глухота, вялость...

2-й слуга.

Правда, правда.

1-й слуга.

Да и люди въ мирную пору другъ на друга больше
злятся.

3-й слуга.

Потому что никто не нуженъ другому! То ли
дѣло — война! Вотъ теперь и римляне будуть так-
же дешевы, какъ и вольски... Встаютъ, встаютъ изъ
за стола!

Всѣ.

Идемъ, идемъ скорѣе. (Уходятъ).

СЦЕНА VI.

Римъ. Народная Площадь.

Входят Сициний и Брутъ.

СИЦИНИЙ.

О немъ не слышимъ мы, да и не стбить
О немъ заботиться. Зачѣмъ онъ намъ?
Народъ, при немъ столь буйный и строптивый,
Теперь покоенъ,—миръ цвѣтетъ вездѣ,
Хоть оттого патриціи краснѣютъ,
Хоть имъ пріятнѣй было бы глядѣть
На скопища, на неустройства въ Римѣ!
Не весело имъ видѣть, что въ порядкѣ
Идутъ дѣла, что весело поютъ
Простолюдины, сидя за работой!

Входит Мененій.

БРУТЬ.

Да, въ пору постояли мы за дѣло.
А, и Мененій здѣсь?

СИЦИНИЙ.

Да, это онъ.
Поласковѣе сдѣлался онъ съ нами.
Привѣтъ тебѣ, почтенный мужъ!

МЕНЕНИЙ.

Спасибо.

И вамъ привѣтъ.

сициний.

А вѣдь нельзя сказать,
Чтобъ очень о твоемъ Корiolанѣ
Жалѣли всѣ, — республика стоитъ,
На зло ему, спокойнѣе, чѣмъ прежде.

мененій.

Все хорошо, и вдвое бѣ лучше было,
Когда бѣ онъ уступилъ.

сициний.

Ты не слыхалъ,

Гдѣ онъ теперь?

мененій.

Я ничего не знаю:
Ни матери своей онъ, ни женѣ
Не шлетъ извѣстій.

Входяще три или четыре Гражданина.

1-ї ГРАЖДАНИЙ.

Честные трибуны,
Пусть боги васъ хранять!

сициний.

А, добрый день,
Сосѣди добрые!

БРУТЬ.

Привѣтъ вамъ всѣмъ.

1-ї ГРАЖДАНИЙ.

Мы всѣ, съ дѣтьми и женами, должны,
Молить боговъ за васъ.

СИЦИНИЙ.

Живите въ мирѣ
И счастію!

БРУТЬ.

Сосѣди дорогіе,
Прощайте же. Когда бъ Коріоланъ
Любилъ васъ такъ, какъ мы.

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Прощай, пусть боги
Хранятъ обоихъ васъ!

ОБА ТРИБУНА.

Друзья, прощайте.

(Граждане уходятъ).

СИЦИНИЙ.

Вотъ эти дни покойнѣе тѣхъ дней,
Когда народъ шатался съ дикимъ крикомъ
По улицамъ.

БРУТЬ (Мененію).

Да, Каій Марцій твой
Хорошій вождь, но былъ онъ гордъ и дерзокъ,
Честолюбивъ превыше всякой мѣры,
Самолюбивъ...

СИЦИНИЙ.

Онъ жаждалъ высшей власти
Для одного себя.

МЕНЕНІЙ.

Едва ли такъ!

СИЦИНИЙ.

На горе намъ, мы бъ убѣдились въ этомъ,
Когда бъ остался консуломъ онъ въ Римъ.

БРУТЪ.

Но боги нась спасли — и безъ него
Покоенъ Римъ.

Входитъ Эдилъ.

ЭДИЛЬ.

Почтенные трибуны!

Какой-то рабъ, ужъ схваченный подъ стражу,
Болталъ, что вольски, въ двухъ большихъ от-
рядахъ,

Вломились въ наши земли, и со злобой
Все встрѣчное они и жгутъ, и грабятъ.

МЕНЕНИЙ.

Такъ, это Туллъ Авфидій. Донеслась
Къ нему молва о томъ, что Марцій изгнанъ, —
Онъ показалъ опять свои рога.
Онъ пряталъ ихъ при Марціѣ одномъ,
Такъ какъ улитка.

СИЦИНИЙ.

Чтò ты все толкуешь

Про Марція!

БРУТЪ (эдилу).

Чтобъ вѣстовщикъ сейчасъ
Былъ высѣченъ. Не можетъ быть, чтобъ вольски
Посмѣли миръ нарушить.

М Е Н Е Н И Й.

Какъ не можетъ?

Или тому примѣровъ не бывало?
Три раза на своемъ вѣку я видѣлъ
Подобное. Чѣмъ по напрасну бить
Того, кто вѣсть даетъ, и про опасность
Намъ сообщилъ,—вели спросить его,
Откуда вѣсть онъ добылъ.

С И Ц И Н И Й.

Пустяки!

Не можетъ быть, я знаю.

Б Р У ТЪ.

Невозможно!

Входитъ Вѣстникъ.

ВѢСТИНИКЪ.

Патриціи толпой бѣгутъ въ сенатъ.
Всѣ лица блѣдны. Бѣдственное что-то
Случилося.

С И Ц И Н И Й (эдилу).

Я знаю—это рабъ.

Сейчасъ его передъ народомъ выскажь!
Онъ поднялъ всѣхъ! Онъ слухи распустилъ!

ВѢСТИНИКЪ.

Достойный мужъ, тѣ слухи потвердились,
И новые, еще страшнѣе прежнихъ,
Ужъ носятся.

С И Ц И Н И Й.

Еще страшнѣе прежнихъ?

ВѢСТНИКЪ.

Всѣ говорятъ — и громко говорятъ,
Не знаю, правду-ли — что Каій Марцій
Съ Авфидіемъ ведеть войска на Римъ.
Что онъ поклялся отомстить намъ всѣмъ
Великой, безграничною отплатой.

СИЦИНІЙ.

Все это вздорный слухъ.

БРУТЬ.

И распустили

Его затѣмъ, чтобъ трусовъ побудить
Къ возврату Марція.

СИЦИНІЙ.

Вотъ вся разгадка.

МЕНЕНІЙ.

Я самъ не вѣрю. Марцій и Авфидій
Другъ съ другомъ не сойдутся никогда.

Входитъ другой ВѢСТНИКЪ.

ВѢСТНИКЪ.

Васъ требуютъ въ сенатъ. Въ огромныхъ силахъ
Войной ворвался врагъ въ предѣлы наши.
Съ Авфидіемъ соединился Марцій:
Онъ къ намъ идетъ, ломая всѣ преграды,
Пожаромъ и грозой опустошенья
Свой путь обозначая.

Входитъ КОМИНІЙ.

КОМИНІЙ (трибуналъ).

Ну, друзья,

Надѣлали вы дѣль!

М Е Н Е Н И Й.

Чтѣ, чтѣ случилось?

К о м и н і ю (*трибуна мѣ*).

То, что безчестить вашихъ дочерей

Придутъ враги, что въ пламени пожара

Растопленный свинецъ отъ римскихъ кровель

На голову самимъ вамъ литься станетъ!

То, что теперь позорить вашихъ женъ

У васъ предъ носомъ будутъ.

М Е Н Е Н И Й.

Боги! Боги!

Да чтѣ жъ случилось?

К о м и н і ю.

То, что храмы ваши

Сгорять до основанья, что права,

Такъ дорогія вашему народу,

Улягутся въ орѣховой скорлупкѣ. (22)

М Е Н Е Н И Й.

Да говори: въ чёмъ дѣло?

(*трибуна мѣ*). Мнѣ сдается,

Что вы бѣды надѣлали.

(*Коминію*). Ну, чтѣ же?

Неужли Марцій съ вольсками?

К о м и н і ю.

Неужли!—

Онъ богъ для нихъ: онъ носится предъ ними,

Какъ будто духъ, имъ посланный отъ неба,

Не созданный природой человѣкъ!

И вѣдь за нимъ, слѣпой отвагой полны,
Идутъ на насть, какъ лѣтомъ ребятишки
Бѣгутъ за бабочкой, какъ мясники
Идутъ бить мухъ.

М Е Н Е Н Й (трибуналъ).

Ну, заварили кашу
Вы съ вашими рабочими-друзьями!
Не понапрасну вы за чернь стояли,
Такъ чеснокомъ протухшую! (23)
к о м и н і ю .

Весь Римъ

Онъ разгромить—и все на васъ повалитъ!

М Е Н Е Н Й .

Какъ Геркулесъ, сбивая спѣлый плодъ. (24)
Надѣлали вы славныхъ дѣль!

Б Р У ТЪ .

Однако,

Все это правда ли?

к о м и н і ю .

Въ томъ нѣтъ сомнѣнья,
Какъ ни блѣднѣй ты. Радостно и быстро
Всѣ области ему передаются,
Надъ каждою попыткою борьбы
Смѣются всѣ, и гибнутъ храбрецы
Въ своей безумной вѣрности. И кто же
Противъ него пойдетъ? И другъ, и врагъ
Въ немъ признаетъ достоинствъ хоть немногого

М Е Н Е Н И Й

Мы все пропали, если храбрый вождь
Не дастъ пощады намъ.

коминий.

Да кто жъ пойдетъ
Просить пощады? Отъ стыда—трибуналъ
Идти нельзя. Народъ пощады стбить,
Какъ волкъ отъ пастуха,—а если мы,
Его друзья, и скажемъ про пощаду,
То оскорбимъ его и заодно
Съ его врагами станемъ.

М Е Н Е Н И Й

Правда, правда.

Когда бъ, при мнѣ, онъ поджигалъ мой домъ,
Я не имѣлъ бы права заступиться
И вымолвить: «оставь меня въ покой».

(Трибуналъ).

Да, нечего сказать, вы съ вашей чернью
Трудолюбивой потрудились славно!

коминий.

Наслали же горячку вы на Римъ,
Неизлечимую, какой доселѣ
Онъ не видалъ.

сициний.

Не мы ее наслали.

мененій.

Да кто жъ другой? Не мы ли? Былъ онъ дорогъ
Намъ всѣмъ, но мы, какъ глупые скоты,

Какъ нѣженки и трусы, разступились
Передъ толпою вашей, а толпа
Его изгнала съ крикомъ.

коминій.

И на крикъ

Онъ явится, боюсь я.—Туллъ Авфидій.
Второй по войску, словно воинъ младшій,
Ему во всемъ покоренъ. И для Рима
Опора, сила и подмога вся
Въ одномъ отчаянны.

Входитъ Толпа Гражданъ.
мененій.

А, вотъ и сволочь!—

Такъ и Авфидій съ нимъ?

(Народу). На Римъ заразу

Вы навлекли въ тотъ часъ, когда кидали
Свои засаленные шапки вверхъ,
Въ тотъ часъ, когда привѣтствовали крикомъ
Изгнаніе Коріолана. Вотъ
Онъ самъ идетъ къ намъ и несетъ съ собою
На васъ бичей не меньше, чѣмъ волосъ
У воиновъ его на головахъ.
Онъ вамъ припомнить ваши голоса:
За шапки, чтобъ кидали вы когда то,
Онъ столько же снесетъ головъ безмозглыхъ!
Чтобъ толковать? Да если всѣхъ настъ онъ
На уголья сожжетъ,—и тутъ скажу я:
Намъ по дѣлбмъ!

ГРАЖДАНЕ.

Да, да, худыя вѣсти
До насъ дошли.

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Чтѣ до меня, то я
Его жалѣлъ, хоть требовалъ изгнанья.

2-й ГРАЖДАНИНЪ.

И я.

3-й ГРАЖДАНИНЪ.

И я, да по правдѣ сказать, и многіе изъ насъ
говорили то же. Мы хлопотали обѣ общій пользѣ,
и хоть соглашались на изгнаніе, однако соглаша-
лись противъ воли.

КОМИНИЙ.

Да, славно вы даете голоса!
(Коминію).

Надѣлала же дѣла ваша стая!

Что жъ, въ Капитолій намъ?

КОМИНИЙ.

Куда же больше?

(Уходятъ).

СИЦИНИЙ.

Сосѣди—по домамъ! не надо трусить!

Вѣдь это все друзья его, имъ любо

На всѣхъ насъ накликать бѣду. Ступайте жъ

Да пободрѣй глядите.

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Пусть боги надѣя нами смируются! Пойдемъ по

домамъ, товарищи! Еще при изгнаніи говорилъ я,
что дѣло не ладно.

2-й ГРАЖДАНИНЪ.

Да и всѣ тоже говорили. Ну, идемъ домой.
(Уходята).

БРУТЬ.

Не по сердцу мнѣ вѣсти эти.
СИЦИНИЙ.

Да,
И я съ тобой согласенъ.

БРУТЬ.

ПОСКОРЪЙ

Пройдемъ же въ Капитолій. Я бы отдалъ
Сейчасъ же половину состоянья,
Чтобъ услыхать, что это ложь.

СИЦИНИЙ.

Пойдемъ же,
Пойдемъ скорѣй. (Уходята).

СЦЕНА VII.

Лагерь вольсковъ недалекъ отъ Рима.

Входитъ АВФИДІЙ и ОДИНЪ изъ Военачальни-
ковъ.

АВФИДІЙ.

Такъ къ римлянину лѣнутъ они, какъ прежде?

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Въ немъ колдовство какое то живетъ!

Войска твои о немъ одномъ толкуютъ.

На мѣсто предъ-обѣденныхъ молитвъ,

И за столомъ, и кончивши обѣдъ,
Лишь Марція, какъ бога, величаютъ!
Да, полководецъ нашъ, въ походѣ этомъ
Своими ты забытъ.

(смѣхъ.) А В Ф И Д І Й.

Я все спесу,
Не то мои всѣ цѣли захромаютъ.
Онъ и со мной надмениѣе, чѣмъ ждалъ я
Въ тотъ часъ, когда обнялъ его впервые;
Но онъ такимъ ужъ созданъ: мы должны
То извинять, чего нельзѧ поправить.

ВОЕННАЧАЛЬНИКЪ.

О, лучше бъ—для твоей же славы—было
Его не брать въ товарищи вожди,
А самому вести войска, иль вовсе
Ему начальство сдать.

А В Ф И Д І Й.

Тебя я понялъ;
Но вѣрь мнѣ, самъ еще не знаетъ онъ,
Въ чемъ я могу, въ часъ общаго разсчета,
Его винить предъ всѣми. Онъ увѣренъ,
И вѣрятъ всѣ, и простаки повѣрятъ,
Что честно онъ для пользы вольсковъ служитъ,
Что какъ драконъ свирѣпый онъ дерется,
Что, обнаживши мечъ, онъ также быстро
Побѣдою рѣшаетъ каждый бой.
Но вѣрь мнѣ, впереди еще разсчеты,
И дѣло то не сдѣлано, которымъ

Онъ или я, другъ другу шеи сломимъ!

ВОЕННАЧАЛЬНИКЪ.

Ты думаешь, онъ овладеетъ Римомъ?

А В Ф И Д И Й.

Всѣ города ему сдаются прежде,
Чѣмъ ихъ обложитъ онъ. Всѣ власти Рима,
Патриціи, сенатъ—ему друзья.
Трибуны не вожди, а ихъ народъ
Усерднѣй станетъ звать его назадъ,
Чѣмъ слалъ въ изгнанье. Мощный по природѣ,
Онъ схватитъ Римъ, какъ мелкихъ рыбъ хватаетъ
Морской орелъ. Когда-то Марцій Риму
Служилъ геройски, но не снесъ онъ самъ
Своихъ заслугъ. То гордость ли была,
Всегдашній плодъ удачъ житейскихъ нашихъ,
Иль пылкость, неспособная вести
Весь рядъ удачъ къ одной разумной цѣли,
Иль, можетъ быть, сама его природа,
Упорная, несклонная къ уступкамъ,
Изъ-за которой на скамьяхъ Совѣта
Онъ шлема не снималъ, и въ мирномъ дѣлѣ
Былъ грозенъ, словно вождь на полѣ брани—
Тѣмъ иль другимъ изъ этихъ онъ пороковъ
Народу сталъ опасенъ и не милъ.
Народъ и зналъ его. Свои заслуги,
Твердя про нихъ, онъ уничтожилъ самъ;
Онъ позабылъ, что доблесть человѣка
Зависитъ лишь отъ общаго суда,

Онъ позабылъ, что силою гордяся,
Мы сами силъ той могилу роемъ.
Отъ одного огня другой спасаетъ,
Гвоздемъ мы выбиваемъ вбитый гвоздь,
Отъ силы гибнетъ сила и права
Идутъ въ отмѣну чрезъ права другія.
Пойдемъ же. Если Марцій Римъ возьметъ,
Я имъ самимъ, несчастнымъ, завладѣю!

(Уходяты).

Г. Б. Ч. Т.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Римъ. Народная площадь.

Входяще **Мененій**, **Коминій**, **Сициній**, **Брутъ** и
другие.

МЕНЕНІЙ (*трибуналъ*).

Нѣтъ, не пойду. Вы слышали, что Марцій
Сказалъ тому, кто былъ его вождемъ,
Тому, кѣмъ онъ любимъ былъ свыше мѣры!
Когда-то и меня отцомъ онъ звалъ.

Да что жъ въ томъ прока? Нѣтъ, идите вы,
Его изгнавши,—передъ шатромъ
За милю упадите на колѣна
И, лежа въ прахѣ, попытайте счастья.
Когда Коминія не сталъ онъ слушать,
Мнѣ дѣлать нечего.

КОМИНИЙ.

Не захотѣлъ онъ

Узнать меня.

менений (*трибуналъ*).

Вы слышите?

коминий.

Однако

По имени меня онъ назвалъ разъ.
Ему напомнилъ я про дружу нашу,
Про то, какъ кровь мы вмѣстѣ проливали.
Не отвѣчалъ онъ мнѣ, — не отозвался
На имя прежнее Коріолана
И лишь сказалъ, что для него именъ
Нѣтъ никакихъ, пока, въ горящемъ Римѣ,
Не выкуетъ онъ новаго прозванья.

менений.

Хвала вамъ ввѣкъ, товарищи-трибуны!
Васъ долго будутъ помнить: въ цѣломъ Римѣ
Подешевѣютъ уголья теперь!

коминий.

Я представлялъ ему, какъ благородно
Прощать того — кто даже о прощеньи
Молить не смѣетъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ,
Что римлянамъ смѣшно просить пощады
У римскаго изгнаниника.

менений.

И могъ ли

Иначе отвѣчать онъ?

коминий.

Я старался

Въ немъ жалость пробудить къ его друзьямъ,—
Онъ отвѣчалъ, что некогда ему
Ихъ выбрать изъ гнилой, мякинной кучи,
Что куча та сгоритъ, и что не стбйтъ
Ее щадить изъ-за лежащихъ въ ней
Двухъ или трехъ несчастныхъ хлѣбныхъ зеренъ.

М Е Н Е Н І Й.

Двухъ или трехъ? Одно зерно—я самъ,
Жена и мать его, его младенецъ,
Да этотъ храбрый воинъ—вотъ и зерна,
А вы—мякина смрадная: за васъ
Мы всѣ сгоримъ.

С И Ц И Н І Й.

Не гнѣвайся же. Если

Не хочешь ты помочь намъ въ тяжкій часъ,
То не кори насъ нашею бѣдою.
Такъ, вѣримъ мы, что если бы ты взялся
За родину просить Корiolана,
Языкъ твой ловкій больше намъ помогъ бы,
Чѣмъ всѣ дружины наши.

М Е Н Е Н І Й.

Въ это дѣло

Я не хочу мѣшаться.

С И Ц И Н І Й.

Молимъ мы:

Иди къ нему!

М Е Н Е Н І Й.

Зачѣмъ, съ какою цѣлью?

БРУТЬ.

Хоть испытай, что можетъ дружба ваша
Для Рима сдѣлать.

МЕНЕНИЙ.

Для того ль, чтобы мнѣ
Вернуться, какъ Коминій возвратился —
Неузнаннымъ, невыслушаннымъ даже?
Чтобъ я пришелъ къ вамъ, тяжко оскорбленный
Холдностю друга? Такъ ли?

СИЦИНІЙ.

Все же
И за попытку добрую весь Римъ
Тебѣ спасибо скажетъ.

МЕНЕНИЙ.

Попытаюсь!

Мнѣ кажется, меня онъ станетъ слушать,
Хоть страшно и подумать про суровость,
Съ какой онъ на Коминія глядѣлъ.
Быть можетъ — часъ не добрый былъ для встрѣчи:
Онъ не обѣдалъ — на тощакъ мы всѣ
Угрюмы, злы на утреннее солнце;
Кровь наша холодна, несклонны мы
Ни къ щедрости, ни къ кротости. Когда же
Наполнимъ мы себя виномъ и пищей,
Другая кровь у насъ, нѣжнѣе сердце,
Чѣмъ прежде, въ часъ угрюмаго поста.
Такъ, сытаго себѣ я выжду часа,
И ласково мою онъ просьбу приметъ.

БРУТЪ.

Ты знаешь вѣрный путь къ его душѣ
И не свернешь съ него.

МЕНЕНИЙ.

Рѣшаюсь я.

Пусть будетъ то, что будетъ. И не долго
Придется ждать мнѣ. (Уходитъ).

КОМИНИЙ.

Не захочетъ Марцій

Его и слушать.

СИЦИНИЙ.

Почему же нѣтъ?

КОМИНИЙ.

Я говорю тебѣ — какъ гнѣвный богъ
Сидить онъ, и глаза его сверкаютъ
Для Рима сокрушительнымъ огнемъ.
Обиды память держитъ въ немъ подъ стражей
Всѣ помыслы о жалости. Колѣна
Предъ нимъ склонилъ я. «Встань», шепнуль
онъ мнѣ,
И удалиться подалъ знакъ рукою.

Условіе онъ писанное выслалъ
Во слѣдъ за мной, и значилась тамъ клятва,
Какой себя связалъ онъ противъ нась.
Надежды нѣтъ для нась. Я слышалъ только,
Что будто мать его, съ женой, рѣшились
Его молить за родину. Намъ должно

Теперь же къ нимъ идти и ихъ просить,
Чтобы онѣ съ своей спѣшили просьбой.

(Уходята).

СЦЕНА II.

Вольскій лагерь передъ Римомъ.

Часовые на своихъ мѣстахъ. Къ нимъ подходитъ
Мененій.

1-й ЧАСОВОЙ.

Стой! Ты откуда?

2-й ЧАСОВОЙ.

Стой! Ступай назадъ!

МЕНЕНИЙ.

Вы честно стражу держите,—хвалю васъ,
Но я сановникъ и имѣю дѣло
Къ Корiolану.

1-й ЧАСОВОЙ.

Да откуда ты?

МЕНЕНИЙ.

Изъ Рима я.

1-й ЧАСОВОЙ.

Нельзя пройти—назадъ!

Не хочетъ вождь имѣть сношенья съ Римомъ.

2-й ЧАСОВОЙ.

Твой Римъ сгоритъ скорѣй, чѣмъ ты успѣешь
Съ Корiolаномъ говорить.

МЕНЕНИЙ.

Друзья,

Случалось вамъ, конечно, отъ вождя

Слыхать про Римъ и про людей, чтб въ Римъ
Его друзьями были? Я ручаюсь,
Что про меня онъ говорилъ. Зовусь я
Мененiemъ.

1-й ЧАСОВОЙ.

И все-таки—назадъ!
Здѣсь съ именемъ твоимъ не проберешься.

МЕНЕНИЙ.

Пріятель, я скажу тебѣ—твой вождь
Меня всегда любилъ. Его заслугъ
Я былъ живою книгой, въ книгѣ этой
Читали люди о великой славѣ;
По дружески ту славу я вознесъ
Превыше всякихъ мѣръ, а иногда
И выше правды. Я таковъ съ друзьями,
Онъ первый другъ мой,—для него не разъ
Я въ похалахъ переступалъ границы,
И слишкомъ заносился вдаль, какъ шаръ,
Когда его толкнуть съ крутаго спуска.
Поэтому, пусти меня, мой другъ.

1-й ЧАСОВОЙ.

Увѣряю тебя, когда бъ ты налгалъ въ его по-
хвалу столько же, сколько наговорилъ словъ въ
свою пользу,—и тогда я тебя не пропустилъ бы.
Назадъ!

МЕНЕНИЙ.

Да пойми же, пріятель, что меня зовутъ Мене-

ніемъ, что я всю жизнь былъ на сторонѣ твоего начальника.

1-й часовой.

То есть, ты лгалъ на него, какъ самъ признался; я служу у него и говорю правду. Пройти нельзя—ступай назадъ.

МЕНЕНИЙ.

Можешь ты мнѣ сказать, обѣдалъ онъ или нѣтъ? Я бы не хотѣлъ толковать съ нимъ до обѣда.

1-й часовой.

Да ты римлянинъ, что ли?

МЕНЕНИЙ.

Римлянинъ, какъ и твой начальникъ.

1-й часовой.

Такъ тебѣ надо ненавидѣть Римъ, какъ онъ его ненавидитъ! Неужели же вы думаете въ Римѣ, что, бросивши врагу свой собственный щитъ, изъза народнаго безумія, что, изгнавши защитника вашего, вы еще будете въ силахъ устоять передъ его местью? Чѣмъ вы ее встрѣтите? Стонами старухъ, сложенными руками девушки, просьбами выжившаго изъ лѣтъ болтуна, въ твоемъ родѣ? Ты самъ едва дышешь, а еще собираешься задуть пламя, которое охватило твой городъ! Вы все ошиблись, а потому ступай себѣ въ Римъ, готовиться къ общей казни. Всѣ осуждены — начальникъ поклялся, что никому не будетъ пощады.

М Е Н Е Н Й.

Не забывайся! Будь твой начальникъ здѣсь, онъ бы принялъ меня ласково.

2-й ЧАСОВОЙ.

Полно болтать, онъ тебя и не знаетъ вовсе.

М Е Н Е Н Й.

Я говорю о вашемъ полководцѣ.

1-й ЧАСОВОЙ.

Очень нашъ полководецъ о тебѣ думаетъ! Назадъ,—долго ли мнѣ говорить? Вонъ! Или придется тебѣ проститься съ остатками крови! Пошелъ назадъ!

М Е Н Е Н Й.

Да выслушай, выслушай, пріятель!

Входяте Коріоланъ и Авфидій.

К О Р I О Л А Н Ъ.

Чтобъ тутъ случилось?

М Е Н Е Н Й (*часовому*).

Ну, пріятель, — теперь мы съ тобой сочтемся, какъ должно. Ты увидишь, знаютъ ли меня здѣсь; я тебѣ покажу, что какому-нибудь часовому не отогнать меня отъ Коріолана, отъ моего сына! Ты теперь на волость отъ петли, а, пожалуй, отъ чего-нибудь и похуже. Гляди же сюда, да повались безъ чувствъ отъ страха! (*Коріолану*). Великіе боги каждый часъ держутъ совѣтъ о твоемъ благо-денствіи; они любятъ тебя столько же, сколько любить тебя твой старый отецъ Мененій! Сынъ мой,

сынъ мой! Ты готовиша для насъ пожаръ, — вотъ слезы, которые зальютъ это пламя. Меня едва упросили идти къ тебѣ, и не пошелъ бы я, если бы не зналъ того, что одинъ я могу тебя тронуть. Слезы и вздохи провожали меня за ворота Рима. Прости же ему, прости твоихъ умоляющихъ согражданъ. Пусть благіе боги умягчатъ твое сердце, пусть направятъ они остатки твоего гнѣва вотъ на этого негодяя, который, какъ чурбанъ, загородилъ мнѣ къ тебѣ дорогу.

КОРИОЛАНЪ.

Прочь!

МЕНЕНИЙ.

Какъ прочь?

КОРИОЛАНЪ.

Ни матери, ни сына, ни жены
Не знаю я. Во мнѣ одно лишь мщенье.
Дѣла мои и право на пощаду
Я отдалъ вольскамъ. Память дружбы нашей
Меня не склонитъ къ милости; скорѣе
Я дружбу ту забвеньемъ отравлю!
Иди же прочь! — Мой слухъ для словъ мольбы
Надежнѣй замкнутъ, чѣмъ ворота Рима
Отъ войскъ моихъ. Возьми бумагу эту.

(Даетъ ему свитокъ).

Ты былъ мнѣ милъ когда-то. Для тебя
Я написалъ ее и самъ послалъ бы
Ее къ тебѣ. Затѣмъ, Мененій, словъ

Передо мной не трать. Авфидій, въ Римъ
Его любилъ я, но теперь — ты видишь...

А В Ф И Д І Й.

Да, вѣренъ ты себѣ.

(*Коріоланъ и Авфидій уходятъ*).

1-й ЧАСОВОЙ.

Ну, достойный мужъ, — такъ твое имя Мененій!

2-й ЧАСОВОЙ.

Ты видишь, какъ много въ немъ могущества! Я
думаю, ты знаешь дорогу домой?

1-й ЧАСОВОЙ.

А хорошо нась отдѣли за то, что мы осмѣли-
лись не пропустить такого великаго мужа?

2-й ЧАСОВОЙ.

Отчего же это мнѣ надо было повалиться безъ
чувствъ отъ страха?

М Е Н Е Н Й.

Нѣтъ мнѣ дѣла ни до вашего вождя, ни до всего
свѣта; о такой же дряни, какъ вы, и думать не
стоитъ. Кто самъ готовъ поднять на себя руку,
тотъ не побоится убійцы. Пусть полководецъ вашъ
злодѣйствуетъ въ волю! А вы оставайтесь тѣмъ,
что вы теперь, только съ годами дѣлайтесь еще
ничтожнѣе! Говорю вамъ тоже, что мнѣ сказали:
прочь отъ меня вы оба! (Уходитъ).

1-й ЧАСОВОЙ.

Нечего сказать, славный человѣкъ!

2-й часовой.

Славный человѣкъ нашъ начальникъ! Будто скала,
или дубъ, съ которымъ вѣтру не справиться.

СЦЕНА III.

Шатеръ Корiolана.

Входятъ Корiolанъ, Авфидій и прочие.

КОРИОЛАНЪ.

Такъ, завтра мы поставимъ наше войско
Подъ римскими стѣнами. Мой товарищъ,
Ты можешьъ разсказать въ своемъ сенатѣ,
Исполненъ ли мой долгъ.

АВФИДІЙ.

Какъ честный воинъ

За насъ ты бился, ты моленьямъ Рима
Не уступилъ, не выслушалъ ни разу
И робкой просьбы отъ друзей своихъ,
Увѣренныхъ въ тебѣ.

КОРИОЛАНЪ.

Да. Тотъ старикъ,
Котораго сейчасъ, съ разбитымъ сердцемъ,
Прогналъ я въ Римъ — боготворилъ меня,
Любилъ меня отцовскою любовью!
Послѣднею надеждой было Риму
Посольство то. Изъ жалости къ нему,
(Хоть онъ сурово принятъ былъ), я далъ
Ему одно условіе для мира —
Условіе, отвергнутое разъ.
Его они не примутъ; и теперь

Свободенъ я отъ всѣхъ посольствъ и просьбъ
Изъ Рима и отъ близкихъ мнѣ.

(Слышны голоса). Чѣо это?

Неужели опять ко мнѣ идутъ
Склонять меня, чтобы я обѣтъ нарушилъ
Сейчасъ лишь данный? Этого не будетъ!

Входяще, въ печальной одежды, Виргилія, Волумнія, маленький Марцій, Валерія и свита.

КОРИОЛАНЪ.

Жена моя идетъ сюда! За нею
Та женщина, которая меня
Родила въ свѣтъ, и за руку она
Ведетъ младенца-внука! Прочь любовь!
Разсыпьтесь въ прахъ святой природы связи!
Моя въ упорствѣ сила! Боги, боги!
Вы сами бѣ вашимъ клятвамъ измѣнили
За этотъ взглядъ голубки! Не сильнѣе
Другихъ людей на свѣтѣ я сотворенъ!
Склонилась предо мною мать моя,
Олимпъ согнулся предъ холмомъ ничтожнымъ!
И мой мальчишка жалобно глядитъ,
И мнѣ твердитъ съ природой: сжалъся,

сжалъся!

Нѣтъ, я не сжалюсь. Пусть пройдетъ по Риму
Соха враговъ, пусть взборонятъ они
Италію,— я не поддамся сердцу,
Не сдѣлаюсь безсильнымъ я птенцомъ,
Я буду твердъ, какъ долженъ твердъ остаться
Мужъ безъ родни и родины.

ВИРГИЛІЯ.

Супругъ мой

И повелитель!

КОРІОЛАНЪ.

Мы съ тобой не въ Римѣ,
Я на тебя гляжу не прежнимъ взглядомъ.

ВИРГИЛІЯ.

Отъ горя измѣнились мы — не можешь
Ты не узнать насъ.

КОРІОЛАНЪ.

Какъ актеръ негодный,
Я роль забылъ свою, и ждетъ меня
Позоръ великий. Милая подруга,
Прости меня. Не говори мнѣ только:
Процданье Римлянамъ! (Цалуетъ
жену).

О, слаще мести
Мнѣ поцалуй твой, долгій какъ изгнанье!
Хранилъ я свято на губахъ моихъ
Твой поцалуй прощальный. Боги, боги!
Болтаю я, и позабылъ поклономъ
Я встрѣтить мать почтенѣйшую въ мірѣ!

(Становится на колѣни).

Во прахъ, мои колѣна! И въ пыли
Оставьте слѣдъ, какаго не оставилъ
Еще никто изъ сыновей!

ВОЛУМНІЯ.

Мой сынъ,
Встань, я тебя благословляю. Должно

Мнѣ предъ тобой упасть на жсткій камень,
Мнѣ преклонить колѣна, хоть предъ сыномъ
Мать не должна склоняться. (*Становится на колѣни*).

КОРІОЛАНЪ.

Что я вижу?

Ты на колѣна стала? Передъ сыномъ,
Котораго наказывала ты?

Такъ пусть каменя съ береговъ безплодныхъ
Ударятъ вверхъ по звѣздамъ, вѣтеръ буйный
Захлещетъ пусть вѣтвями гордыхъ кедровъ
По огненному солнцу! Чтѣ же на свѣтѣ
Зовется невозможностью?

ВОЛУМНІЯ.

Ты сынъ мой,
Ты воинъ мой. Ты спутницу мою
Узналъ ли? (*Указываетъ Валерію*).

КОРІОЛАНЪ.

Непорочную луну

Мнѣ не узнатъ. Достойная сестра
Великаго Валерія, душою
Такъ чистая, какъ чистъ бѣлѣйшій снѣгъ
На высотѣ Діаниаго храма,
Привѣтъ тебѣ, Валерія!

Волумнія (*подводитъ къ нему маленькаго Марція*).

И этотъ

Младенецъ бѣдный станетъ, можетъ быть,
Со временемъ таковъ, какъ ты.

КОРИОЛАНЪ.

Пусть боги

Великіе—Зевесь—метатель молній
И Марсъ—воитель, наградятъ тебя
Душой возвышенной, чтобъ тѣнь упрека
Вовѣки не коснулась дѣлъ твоихъ!

Пусть какъ маякъ великой въ темномъ морѣ
Сияешь ты въ бояхъ, несокрушимый,
Для всѣхъ друзей спасенiemъ.

Волумнія (ребенку).

Скорбѣй

Склони колѣна.

КОРИОЛАНЪ.

Славный мой мальчишка!

ВОЛУМНІЯ.

Я, онъ, Валерія, жена твоя—
Мы здѣсь просители.

КОРИОЛАНЪ.

Молчи! Молчи!

Иль передъ просьбой вспомни, что я клялся
Не уступать въ одномъ. Не говори
Чтобъ распустилъ я воиновъ моихъ,
Чтобъ примирился съ гнусной чернью Рима.
Не называй меня жестокосердымъ
И голосомъ холоднаго разсудка
Мою вражду и мщенье не пытайся
Обуздывать.

В О Л У М Н И Я.

Довольно, о, довольно!

Мы именнино пришли просить того,
Въ чёмъ отказать ты хочешь раньше просьбы;
Но все равно: ты выслушаешь насть,
Хотя бъ затѣмъ, чтобъ твой отказъ суровый
Обрушился на самаго тебя.
Готовъ ты слушать?

КОРТОЛАНЬ.

Подойдите, вольски,
Авфидій—слушай. Не таимъ мы нашихъ
Сношенній съ Римомъ.

(*Волумній*). Говори—въ чёмъ дѣло.

В О Л У М Н И Я.

И безъ рѣчей—по нашимъ блѣднымъ лицамъ
По платьямъ нашимъ, можешь угадать,
Какъ жили мы съ тѣхъ поръ, какъ ты въ
изгнанье
Пошелъ отъ насть. Подумай самъ, найдешь ли
На свѣтѣ женщинъ ты несчастнѣй насть,
Насть, для которыхъ этотъ часъ свиданья,
На мѣсто радостей и слезъ восторга,
И ужасъ, и печаль съ собой несетъ!
Супруга, мать, твой сынъ—должны мы
видѣть,
Какъ ты, отецъ, супругъ и сынъ, терзаешь
Родной свой край. И бѣднымъ намъ то горе
Еще болѣнѣй—черезъ тебя лишились

Послѣдней мы и общей всѣмъ отрады:
Ты насъ лишилъ молитвы! Долгъ велитъ
Молить боговъ за родину—но какъ же
Мы за тебя богамъ молиться можемъ,
Какъ долгъ велитъ? Отторгнуться должны мы
Отъ родины-кормилицы безцѣнной,
Иль отъ тебя, одной угѣхи нашей!
Ты побѣдишь иль нѣтъ—намъ все равно,
Намъ всюду гибель. Иль увидимъ мы,
Какъ повлекутъ тебя въ цѣпяхъ по Риму
На казнь измѣнниковъ, иль въ торжествѣ
Ты вступишь на развалины родныхъ
И примешь побѣдителя вѣнокъ,
Проливши кровь родной жены и сына!
Чтѣдо меня, мой сынъ, я не дождусь,
Чѣмъ кончится война; коль я не въ силахъ
Склонить тебя на миръ великодушный,
То, вѣрь мнѣ, прежде чѣмъ идти на Римъ,
Черезъ мой трупъ перешагнуть ты долженъ.
Ступи жъ на грудь, которая вскормила
Корiolана. (*Падаетъ Ницѣ передъ Корiolаномъ*)

Вигрилія (*тоже падаетъ на землю*).

И на эту грудь,
Вскормившую несчастнаго младенца
Изъ рода Марціевъ.
Маленький Марцій (*вырываясь отъ матери*):
Нѣтъ, я не дамся,
Онъ на меня не ступитъ—убѣгу я,
И выросту, и самъ сражаться буду.

КОРОЛАНЬ

Когда не хочешь женциною стать,
То не гляди на женъ и ребятишекъ. (*Встаетъ*).
Я слишкомъ долго слушалъ.

ВОЛУМНІЯ.

Нѣтъ, не можешь

Ты такъ оставить насъ. Когда бы мы
Тебя молили римлянъ пощадить
На гибель вольсковъ, что идутъ съ тобою,
Ты могъ бы видѣть вѣчное безчестье
Въ мольбѣ такой. Но мы пришли не съ тѣмъ:
Мы мира просимъ, мы хотимъ, чтобъ вольски
Могли сказать: «Даримъ пощаду Риму!»
А римляне: «Мы приняли пощаду!»
И пусть тогда сойдутся два народа
Благословлять тебя за данный миръ!
Ты знаешь, сынъ, успѣхъ измѣнчивъ бранный,
Но вѣрно то, что, овладѣвши Римомъ,
Ты тѣмъ создашь безславіе себѣ,
Да имя, нераздѣльное съ проѣлятьемъ!
И скажутъ про тебя изъ рода въ родъ:
«Онъ былъ великъ, но, съ родиною вмѣстѣ,
Онъ погубилъ свою навѣки славу,
И перешло прозваніе его
Въ вѣка на посрамленье.» Что жъ молчишь ты?
Не ты ль всегда стремился честнымъ быть,
По милости—богамъ уподобляться,
Что громомъ потрясаютъ сводъ небесный,

Но молніей одни дубы громятъ?
Чтò жъ ты молчишь? Иль честно мужу славы
Обиды помнить? (*Виргиліи*) Дочь, на слезы онъ
Не смотритъ — говори же съ нимъ!

(*Внуку*) Малютка,

Моли и ты: быть можетъ, дѣтскій лепетъ
Подѣйствуетъ сильнѣе нашихъ словъ.
Не болѣе ли всѣхъ людей на свѣтѣ
Онъ матери обязанъ, а предъ нимъ
Болтаю я — и нѣту мнѣ отвѣтовъ!
Ты къ матери всегда неласковъ былъ,
Для неї же, для насѣдки одинокой,
Въ тебѣ вся жизнь была: она тебя,
Кудахтая, взrostила для войны
И радостно встрѣчала изъ походовъ,
Гдѣ славу добывалъ ты. Что жъ? Гони
Меня домой, съ отказомъ на моленъя,
Но если справедливы тѣ мольбы,
То чести нѣтъ въ тебѣ, и гнѣвъ боговъ
За матери права тебѣ отплатить.
Онъ отвернулся — припадемте жъ всѣ
Къ его ногамъ и пристыдимъ его!

(*Всѣ падаютъ къ ногамъ Корiolана*).

Корiolаномъ прозванъ онъ, но гордость,
Не жалость — съ этимъ именемъ сроднилась.
Въ послѣдній разъ падемте на колѣна,
Откажеть онъ — уйдемте, и умремъ
Среди сосѣдей, дома. Погляди
Хоть на малютку ты, онъ самъ не знаетъ

О чёмъ просить, но на колъняхъ съ нами
Къ тебѣ простеръ рученки... Неужели
Ты и теперь отвергнешь насть?

(Помолчавъ). Довольно,
Пойдемъ отсюда. Этотъ человѣкъ
Отъ вольской матери на свѣтъ родился,
Жена его въ Коріоли—онъ только
Лицомъ похожъ на нашего младенца.
Что жъ ты не гонишь насть? Молчать я стану,
Пока нашъ Римъ пожаромъ не зальется,
А тамъ — еще поговорю я.

КОРІОЛАНЪ (*въ молчаніи беретъ
Волумнію за руку*).

Мать!

О мать моя, что сдѣлала ты съ нами?
Взгляни, разверзлось небо, сами боги
На эту небывалую картину
Глядѣть съ великимъ смѣхомъ. О, родная!
Для счастья Рима побѣдила ты,
Для сына же—повѣрь мнѣ, о, повѣрь мнѣ —
Ужасна та побѣда: можетъ быть,
Въ ней скрыта смерть! Пусть будетъ то, чтобъ
будетъ!

Аефидій, если не способенъ я
Вести войну, какъ слѣдуетъ, то въ силахъ
Миръ выгодный давать. Аефидій добрый,
Скажи мнѣ самъ,—будь ты на мѣстѣ этомъ,
Ужели предъ мольбою материинской
Не уступилъ бы ты?

А В Ф И Д І Й.

Я самъ былъ тронутъ.

К О Р И О Л А Н Т.

Ты тронутъ былъ — и я: клянусь тебѣ,
Изъ глазъ моихъ исторгнуть трудно слезы.
Ну, добрый другъ, совѣтуй мнѣ теперь,
Какъ заключать условія. Не въ Римъ
Теперь пойду я. Въ Анціумъ за вами
Я возвращусь, и потому прошу
Теперь помочь мнѣ. Мать! Жена моя!

А В Ф И Д І Й (*въ сторону*).

Я очень радъ, что честь и состраданье
Въ тебѣ столкнулись — этимъ я себѣ
Вновь ворочу удачу дней бывалыхъ.

(Женщины хотятъ прощаться съ Корiolаномъ).

К О Р И О Л А Н Т.

Не торопитесь. Вмѣстѣ выпьемъ мы
Теперь вина, а тамъ вы понесете
Съ собой свидѣтельство надежнѣй словъ:
Нашъ договоръ за подписанье нашимъ.
Идемте же. За женскій подвигъ въ Римъ
Вамъ храмъ соорудятъ: безъ васъ вся сила
Италии и ейсосѣднихъ странъ
Не привела бы насъ къ такому миру.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Римъ. Народная Площадь.

Входят Мененій и Сициній.

М Е Н Е Н І Й.

Видишь ты тотъ угловой камень Капитолія?

СИЦИНІЙ.

Ну, что жъ дальше?

М Е Н Е Н І Й.

Сдвинь-ка его мизинцемъ — тогда я скажу, что римлянки, особенно его мать, одолѣютъ упорство Марція. Нечего надѣяться, говорю я тебѣ. Веревка у насъ на шеѣ—остается только покончить.

СИЦИНІЙ.

Можно ли думать, что человѣкъ такъ мѣняется за короткое время!

М Е Н Е Н І Й.

Червякъ не бабочка, а бабочка была таки червякомъ. Марцій сталъ дракономъ изъ человѣка: выросли крылья—ползать ему нечего!

СИЦИНІЙ.

Онъ такъ нѣжно любилъ свою мать.

М Е Н Е Н І Й.

И меня любилъ онъ прежде. Онъ заботится о матери меныше, чѣмъ осьмилѣтній жеребенокъ. Отъ его жесткихъ взглядовъ зрѣлый виноградъ портится, самъ онъ ходить, какъ стѣнобитный тарапъ, земля дрожитъ отъ его походки. Взглядомъ

онъ, кажется, пробеть панцырь, голосъ его словно колоколь или бранные крики. Сидить онъ — точно Александрова статуя, будто богъ какой, лишь безъ вѣчности да безъ трона на небѣ.

Сициній.

Да и безъ милости, коли ты говоришь правду.

Мененій.

Я выдумывать не стану. Вотъ посмотришь, какихъ милостей принесетъ намъ мать его. Милости въ немъ искать — это искать молока у самца-тигра. Это узнаетъ нашъ городъ, изъ-за тебя съ товарищами.

Сициній,

Пусть боги сжалятся надъ нами!

Мененій.

Не сжалятся надъ нами боги! Когда мы изгнали его, мы про нихъ не вспомнили, теперь они не вспомнятъ насъ, когда онъ придетъ всѣмъ намъ свернуть шею.

Входитъ Вѣстникъ.

Вѣстникъ (Сицинію).

Бѣги домой, спасай себя скорѣе!

Плебеями ужъ схваченъ твой товарищъ,

Они его по улицамъ волочатъ

И поклялись разорвать на части,

Коль жены римскія не принесутъ

Извѣстья о пощадѣ.

Входитъ другой Вѣстникъ.

СИЦИНИЙ.

Что случилось?

2-й ВѢСТИНИКЪ.

Вѣсть добрая! За женами побѣда!

Ушли враги, и Марцій вмѣстѣ съ ними.

Римъ не видаль дня радостнѣе, даже

Въ ту пору, какъ Тарквиній изгнанъ былъ! (25).

СИЦИНИЙ.

Мой другъ—то правда ли? Ты вѣрно знаешь!

ВѢСТИНИКЪ.

Такъ вѣрно, какъ я знаю солнца свѣтъ!

Да гдѣ жъ сидѣлъ ты? Или ты не видѣлъ,

Какъ римляне въ восторгѣ за ворота

Потокомъ переполненнымъ стремятся?

(Трубы, барабаны и радостные крики за сценой).

Не слышишь развѣ? Барабаны, трубы,

Литавры, флейты? Отъ веселыхъ криковъ

И солнце веселится! Слышишь?

МЕНЕНИЙ.

Г. Б. Ч. Т.

Правда,

Вотъ эта вѣсть такъ радостна! Пойду я

На встрѣчу женамъ.

(Крики за сценой).

Цѣлаго сената

И консуловъ, и всей толпы отцевъ

Одна Волумнія дороже стойть,

Трибуновъ же такихъ, какъ ты—безъ счета

На морѣ и на сушѣ. Вѣрою вы

Усердно помолились сегодня:

Поутру я не даль бы и гроша
За десять тысячъ римскихъ душъ.

(Крики и музыка за сценой).

На славу

У нихъ веселье!
Сициній (вѣстнику).

За такія вѣсти
Пусть боги наградятъ тебя, прими жъ
И отъ меня ты благодарность.

Вѣстникъ.

Всѣ мы
Должны боговъ хвалить.
Сициній.

Онъ ужъ близко?

Вѣстникъ.

Сейчасъ войдутъ въ ворота.

Сициній.

Такъ пойдемъ

И радоваться, и встрѣчать ихъ вмѣстѣ.

(Уходятъ).

СЦЕНА V.

Тамъ же. Улица близь городскихъ воротъ.

Римляне, ходившія къ Корiolану, въ сопровожденіи
Сенаторовъ, Патриціевъ и Народа, проходятъ
чрезъ сцену.

1 - й СЕНATORЪ (народу).

Глядите, вотъ спасительницы Рима!
Вотъ наша жизнь! Скликайте ваши трибы,

Хвалите небо, зажигайте всюду
Огни веселья, усыпайте женамъ
Цвѣтами путь. Пусть прежній крикъ изгнанья
Потонетъ въ крикъ радостномъ привѣта
Коріолана матери, пусть Марцій
Вернется къ намъ на этотъ зовъ. Кричите:
«Привѣтъ вамъ, жены Рима!»

В С Т.

Жены Рима
Да здравствуютъ! Привѣтъ имъ отъ народа!
(Трубы и барабаны. Всѣ уходятъ.)

СЦЕНА VI.

Анциумъ. Народная Площадь.

Входитъ Туллъ Авфидій со свитой.

А В Ф И Д И Й.

Сказать въ сенатъ, что вернулись мы.
Пусть тамъ теперь прочтутъ бумагу эту
И всѣ идутъ на площадь, гдѣ я стану
Передо всѣмъ народомъ потверждать
То, что въ ней писано. Ужъ обвиненный
Прибылъ сюда и самъ передъ народомъ
Себя словами хочетъ оправдать.
Спѣшите же.

(Сопровождающіе Авфидія уходятъ).

Входятъ троє или четверо Заговорщиковъ партіи
Авфидія.

Привѣтъ вамъ!

1 - Й ЗАГОВОРЩИКЪ.

Полководецъ,

Что, какъ дѣла твои?

А В Ф И Д І Й.

Какъ у того,

Кто отравленъ своимъ же подаяньемъ
И гибнетъ отъ своей же доброты.

2 - Й ЗАГОВОРЩИКЪ.

Достойный вождь! Когда своихъ рѣшеній
Не измѣнилъ ты, — отъ такой напасти
Спасти тебя готовы мы.

А В Ф И Д І Й.

Рѣшаться

Здѣсь не лѣгко, и дѣйствовать должна мы
Съ народомъ за одно.

3 - Й ЗАГОВОРЩИКЪ.

Народъ измѣнчивъ,

Онъ колебаться станетъ между вами,
Покуда не падетъ одинъ изъ двухъ,
Оставивши другому все наслѣдство.

А В Ф И Д І Й.

Все знаю я — и наступило время
Нанести ударъ. Возвысилъ я его,
Я за него моей ручался честью,
А онъ за то, смиривъ свою природу,
Свободную и гордую дотоль,
Переманилъ къ себѣ безчестной лестью
Моихъ друзей.

З - Й З А Г О В О Р Щ И КЪ.

А прежде, изъ упорства
Онъ не умѣлъ смиряться и утратилъ
Санъ консула.

А В Ф И Д И Й.

Про то и говорю я.

Его изгнали, онъ пришелъ въ мой домъ
И шею подъ ударъ подставилъ смертный,
Я взялъ его въ товарищи по власти,
Я уступалъ всѣмъ замысламъ его,
Изъ всѣхъ дружинъ я далъ ему на выборъ
Надежнѣйшихъ бойцовъ, и самъ пошелъ
Съ нимъ пожинать ту славу, что присвоилъ
Теперь онъ всю себѣ. И я гордился
Той жертвою, покуда не замѣтилъ,
Что я слугой, не полководцемъ сталъ,
Что платить мнѣ онъ милостивымъ взглядомъ,
Какъ бы наемщику.

1-Й З А Г О В О Р Щ И КЪ.

Все это правда,
И войско все дивилося тому.
И наконецъ, когда предъ самимъ Римомъ
Стояли мы, на славу и добычу
Заранѣе считая...

А В Ф И Д И Й.

Гутъ-то я
И напрягу въ борьбѣ мои всѣ силы.
За капли онъ дешевыхъ женскихъ слезъ
Не продалъ ли и кровь, и трудъ тяжелый

Великаго похода? Онъ умреть
И чрезъ его паденье я воскресну!
Вы слышите?

(Звуки трубы и барабановъ, радостные крики народа).

1-й ЗАГОВОРЩИКЪ.

Его встрѣчаютъ крикомъ,
А ты, въ родной свой городъ, безъ привѣта
Вошелъ, какъ бы гонецъ какой нибудь!

2-й ЗАГОВОРЩИКЪ.

И горло глупое дерутъ себѣ
Тѣ крикуны, чьихъ сыновей недавно
Онъ убивалъ.

3-й ЗАГОВОРЩИКЪ.

Спѣши жь, пока народа
Онъ рѣчью не успѣлъ къ себѣ привлечь,
Берись за мечъ, мы станемъ за тобою;
Умретъ онъ—ты съумѣешь оправдаться,
А тамъ ужъ похоронятъ вмѣстѣ съ трупомъ
Его защиту.

А В ФИДІЙ.

Нечего болтать,
Сенатъ идетъ сюда.

Входятъ Сановники Города.

СЕНATORЫ.

Привѣтъ тебѣ.

А В ФИДІЙ.

Не стою я привѣтовъ.

Прочли ли вы, достойные отцы,
То, что писалъ я?

С Е Н А Т О Р Ы.

Да.

1-й СЕНАТОРЪ.

Съ большою скорбью.

Всѣ прежніе проступки безъ труда
Мы извиняемъ въ немъ—но такъ покончить,
Едва начавъ, пожертвовать напрасно
Издержками, народомъ и трудами,
Миръ даровать поверженнымъ врагамъ,—
Тутъ оправданій нѣтъ и быть не можетъ!

А В Ф И Д Г Й.

Вотъ онъ и самъ. Пусть намъ отчетъ даетъ.
Входитъ Корiolанъ, при звукахъ трубъ и бараба-
новъ, за нимъ толпа гражданъ.

КОРИОЛАНЪ.

Привѣтъ, отцы! Вашъ воинъ къ вамъ вернулся;
Не зараженъ онъ, также какъ и прежде,
Любовью къ Риму, также какъ и прежде,
Покоренъ онъ великой вашей власти.
Успѣшенъ былъ послѣдній мой походъ,
Путемъ кровавымъ я довелъ дружины
До римскихъ стѣнъ. Цѣна добычи бранной
Неревышаетъ цѣлой третьей частью
Издержки наши. Миръ добыли мы,
Позорный Риму—анціатамъ славный,
Вотъ договоръ, съ печатию сената.

За подписаньемъ консуловъ, а также
Патриціевъ.

А В Ф И Д И Й.

Читать его не стбить,
Отцы. Измѣннику скажите прямо,
Что власть, ему врученную отъ васъ,
Во зло употребилъ онъ.

К О Р I О Л A Н Ъ.

Какъ, измѣнникъ?
Кто здѣсь измѣнникъ?

А В Ф И Д И Й.

Ты измѣнникъ, Марцій!

К О Р I О Л A Н Ъ.

Какъ? Марцій? Я?

А В Ф И Д И Й.

Да, Марцій—Кай Марцій.

Не думаешь ли ты, что звать я стану
Тебя Коріоланомъ, тѣмъ прозваньемъ,
Чтобъ ты себѣ въ Коріоли укралъ?
Отцы—главы народа! Вѣроломно
Онъ измѣнилъ довѣренности вашей,
Онъ отдалъ городъ, вамъ принадлежавшій,
За капли слезъ соленыхъ, онъ вашъ Римъ
Своей женѣ и матери запродалъ!
Военнаго совѣта не созвавъ,
Онъ разорвалъ и клятву, и рѣшимость
Какъ рвутъ гнилую нитку. Онъ проплакалъ

Побѣды ваши. Могъ онъ только хныкать
При видѣ слезъ кормилицы своей,
На стыдъ мальчишкамъ и мужамъ на диво!

КОРИОЛАНЪ.

Ты слышишь, Марсъ!

АВФИДІЙ.

И Марса призывать
Ты смѣешь здѣсь, заплаканный ребенокъ!

КОРИОЛАНЪ.

А!

АВФИДІЙ (презрительно).

Да, ребенокъ!

КОРИОЛАНЪ.

Безпримѣрный лжецъ,
Ты мѣры переполнилъ. Я ребенокъ?
О, подлый рабъ! Отцы, простите мнѣ!
Я въ жизнъ мою едва ль не въ первый разъ
На рѣчъ такую вызванъ. Обличите
Своимъ судомъ во лжи собаку эту!
Пусть мерзкій лжецъ, что слѣдъ моихъ ударовъ
На тѣлѣ не износить до могилы,
Пусть онъ во всемъ сознается и ложью
Свою же подавится.

1-ї СЕНАТОРЪ.

Молчите

Вы оба. Слушать то, что я скажу!..

КОРИОЛАНЪ.

Сюда всѣ вольски! Мальчики и мужи,

Въ моей крови мечи свои омойте!
Въ куски меня рубите! Я ребенокъ?
Ты лжешь, собака! Если правда есть
Въ преданіяхъ и лѣтописяхъ вашихъ,
То тамъ найдете вы, что я одинъ,
Такъ какъ орелъ, влетѣвшій въ голубятню,
Въ Коріоли вгонялъ дружины вольсковъ!
И я ребенокъ?

А ВФИДІЙ (сенаторамъ).

Честные отцы,

И вамъ въ глаза хвастунъ безбожный этотъ
Осмѣлится твердить безъ наказанья
О всѣхъ своихъ, постыдныхъ намъ, удачахъ?

ЗАГОВОРЩИКИ.

Нѣтъ, нѣтъ! пусть онъ умретъ за это!

НАРОДЪ.

Разорвать его въ куски! убить его сейчасъ же!
Онъ убилъ моего сына! — Мою dochь! Онъ убилъ
моего брата, Марка! Онъ убилъ моего отца!

2-й СЕНАТОРЪ.

Молчать, вы всѣ! Молчать безъ оскорблений!
Онъ благородевъ, слава дѣлъ его
Раскинулась по всей землѣ широкой.
Послѣднюю вину его обсудимъ
Мы здѣсь, по справедливости. Авфидій,
Не нарушай порядка.

КОРІОЛАНЪ.

Я бъ желалъ,
Чтобъ онъ, и шесть Авфидіевъ еще

И племя все его ко мнѣ явались
Попробовать вотъ этой честной стали.

(Берется за мечъ).

А В Ф И Д І Й.

Ты, дерзкій плутъ...
З А Г О В О Р Щ И К И.

Убить его, убить!

Такъ, смерть ему!
С Е Н А Т О Р Ы.

Молчать! Остановитесь!

(Авфидій и заговорщики, вынувъ мечи, бросаются на Коріолана и убиваютъ его. Коріоланъ падаетъ, Авфидій наступаетъ на его трупъ).

А В Ф И Д І Й.

Достойные сенаторы, у васъ
Прошу я слова.

1 - Й С Е Н А Т О Р Ъ.

Чтѣ ты сдѣлалъ, Тулль!

2 - Й С Е Н А Т О Р Ъ.

Отъ дѣлъ такихъ рѣкой польются слезы
Изъ мужественныхъ глазъ.

3 - Й С Е Н А Т О Р Ъ.

Не попирай

Его ногой. Вложить мечи. Молчите
Вы, граждане.

А В Ф И Д І Й.

Почтенные отцы,

Онъ вызвалъ самъ отчаянное дѣло,
Онъ не далъ мнѣ предъ вами объяснить

Опасности, какой мы подвергались.

Когда вы все узнаете,— вы сами
Порадуетесь гибели его.

Въ сенатъ меня зовите—тамъ отвѣчу
Я, какъ слуга достойный, иль отъ васъ
Безропотно мою приму я кару.

1 - Й С Е Н А Т О Р Ъ .

Возьмите трупъ, и пусть по этомъ мужѣ
Начнется скорбь великая. Пусть знаютъ
Во всемъ народѣ, что славнѣе праха
Герольдъ не провожалъ еще до урны. (26).

2 - Й С Е Н А Т О Р Ъ .

Съ Авфидія снята ужъ часть вины
Чрезъ Марція строптивость. Покоримся
Тому, чего перемѣнить нельзя.

А В Ф И Д І Й .

Прошелъ мой гнѣвъ и скорбю потрясенъ я.
Берите трупъ, вы, трое изъ вождей
Достойнѣйшихъ, самъ буду я четвертымъ.
Пусть барабанъ гремитъ печальнымъ звукомъ,
Пусть копья преклоняются. Хоть многихъ
Онъ въ Анціумѣ сдѣлалъ сиротами,
Хоть вдовами нашъ городъ онъ наполнилъ,
Хоть слезы ихъ донынѣ не обсохли,
Но славной памятью почтить должны
Мы славнаго вождя. Берите тѣло!

(Уходятъ съ трупомъ Коріолана. Погребальный маршъ).

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Разскажу я вамъ хорошенькую сказку.—Эта известная сказка, вошедшая во всѣ учебники римской исторіи, находится и у Плутарха, но тамъ она изложена очень кратко. Шекспиръ отступилъ здѣсь отъ исторической вѣрности въ томъ отношеніи, что, по исторіи, сказку эту Мененій рассказалъ на „священной горѣ“, куда удалился возмущившійся народъ, и что ею онъ склонилъ плебеевъ къ примиренію, подъ тѣмъ условiemъ со стороны этихъ послѣдніхъ, что имъ дано будетъ право выбирать себѣ трибуновъ. У Шекспира же должность трибуновъ оказывается существующею уже до этого.

2) Мы скоро сбудемъ избытокъ скверный,—т. е., благодаря войнѣ, избавимся отъ многихъ неспокойныхъ людей.

3) Равнялась съ красой чела троянца, когда она своей пятнала кровью мечи ахейскіе? — На какое именно событие здѣсь намекается — неизвѣстно; надо предположить, что эти стихи имѣютъ въ виду вообще троянскую войну.

4) Пенелопа — жена Улисса. Во время отсутствія своего мужа, продолжавшагося очень долгое время, она получала много предложенийъ выйти замужъ, такъ какъ ее увѣряли, что Улиссъ погибъ подъ стѣнами Трои; Пенелопа отвѣчала каждому жениху, что выйдетъ за него, какъ только кончить свое тканье; но каждую ночь она снова распускала то, что наряла днемъ.

и затѣмъ начинала съязыва. Такъ поступала она до тѣхъ поръ, пока Улиссъ возвратился.

5) Въ мечтахъ своихъ Катонъ не создавалъ такого воина.— Плутархъ высказываетъ это мнѣніе о Коріоланѣ отъ себя, а Шекспиръ влагаетъ его въ уста Тита Ларція, не обращая вниманія, что этотъ послѣдній не могъ говорить о Катонѣ, по той простой причинѣ, что Катонъ жилъ гораздо позже Коріолана. Но это — одинъ изъ анахронизмовъ, очень часто встречающихся у Шекспира, и о которыхъ, по отношенію къ настоящей трагедіи, мы упоминаемъ въ „объяснительной статьѣ“.

6) Авгуръ.— Авгурами назывались жрецы, занимавшіеся гаданіемъ для узнаванія воли боговъ.

7) Кабы умудрились заглянуть въ свои мѣшки за спинами! — Намекъ на старую басню о человѣкѣ, у которого два мѣшка, одинъ напереди — съ пороками ближняго, и одинъ назади — со своими собственными.

8) Жены, забывши покрывала, предаютъ лобзаньямъ Феба нѣжный свой румянецъ. — Фебъ, богъ солнца,—т. е. женщины, откинувъ покрывала, составлявшія тогдашній головной женскій уборъ, чтобы удобнѣе было смотрѣть на Коріолана, позволяютъ солнцу жечь свои нѣжныя щеки.

9) Когда онъ могъ играть на сценѣ роль женщины. — Женскія роли исполнялись въ древнемъ Римѣ мужчинами. Анахронизмъ этого стиха указанъ въ „объяснительной статьѣ“.

10) Награды всѣхъ лишая,—т. е. одинъ завладѣвая всею славой, одинъ снискивая всѣ троумфы.

11) На югъ, гдѣ туману побольше. — Переводъ этой и предыдущихъ строкъ Дручининъ снабдилъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „За невозможностью передать смыслъ шутокъ 3-го гражданина, значеніе реплики переведено нами лишь приблизительно“.

12) Вотъ онъ и самъ, въ одѣждѣ смиренія. — „Отъ искавшихъ такой высокой должности (какъ консульская) обычай требовалъ, чтобы они просили о томъ своихъ согражданъ, протягивали къ этимъ послѣднимъ руку и т. п.; — при этомъ, отправляясь на площадь для исполненія этой формальности, они надѣвали на себя только верхнее платье, безъ туники,—

или для того, чтобы, сообразно съ ихъ просительскимъ характеромъ, и виѣшность ихъ имѣла болѣе скромный видъ, или съ тою цѣлью, чтобы при такомъ народѣ удобно было видѣть ихъ раны (если таковыя имѣлись), — какъ наглядныя доказательства ихъ храбрости¹⁴. (*Плутархъ*).

¹⁵⁾ Видите, я въ обычномъ нарядѣ.— См. предыдущее примѣчаніе.

¹⁴⁾ У Дикка съ Гоббомъ я голосовъ прошу.—Диккъ—сокращеніе англійскаго имени Ричардъ, Гоббъ—имени Губерть. Здѣсь эти имена, тоже анахронистическая въ устахъ римлянина, употреблены въ томъ собирательномъ смыслѣ, который часто придается общеупотребительнымъ народнымъ именамъ.

¹⁵⁾ Уста народа съ его зубами справиться не въ силахъ?—Одинъ изъ весьма свойственныхъ Шекспиру аллегорическихъ оборотовъ, смыслъ котораго въ настоящемъ случаѣ такой: Люди, которымъ народъ поручилъ высказывать его желанья—(и за нѣсколько стиховъ до того, въ томъ же смыслѣ, авторъ называетъ трибуновъ „языками народной пасти“)—служащіе представителями разумной воли этого народа, не могутъ справиться съ тою частью его, которая, какъ звѣри, способна только кусаться.

¹⁶⁾ Низвергнуть его оттуда (съ Тарпейской скалы).—Съ этой скалы, (названной такъ по имени дѣвицы Тарпей, которая была первая низвергнута съ нея во время войны римлянъ съ сабинянами), сбрасывали потомъ за важнѣйшія государственные преступленія.

¹⁷⁾ Не польстить Нептуну за трезубецъ, Юпитеру—за право громъ метать.—Атрибутъ Нептуна, бога моря, былъ трезубецъ; Юпитеръ держалъ въ своихъ рукахъ громъ, отчего и называется въ мифологіи „громовержецъ“.

¹⁸⁾ А лучше-бѣ черезъ силу тяжелые доспѣхи самъ надѣль. — т. е. принялъ бы на себя тяжелую обязанность.

¹⁹⁾ Слаще тебѣ сойтись на бой съ врагомъ своимъ въ пучинѣ огненной, чѣмъ лѣстить ему между цвѣтовъ. — Опять аллегорический оборотъ, гдѣ „пучина огненная“ означаетъ войну, а „между цвѣтовъ“—состояніе мира.

²⁰⁾ Помѣтилъ ихъ по трибамъ?—Трибы—отдѣлы, на которые

дѣлилось римское населеніе. Сервій Туллій установилъ дѣленіе на трибы городскія и сельскія; и тѣ, и другія имѣли свои подраздѣленія. Каждый римскій гражданинъ, патрицій-ли или плебей, долженъ быть непремѣнно быть записаннымъ въ трибу.

²¹⁾ Шесть его трудовъ окончила-бъ герою помогая. — Шекспиръ упоминаетъ только о шести работахъ Геркулеса, у всѣхъ греческихъ писателей, говорящихъ объ этомъ предметѣ, число ихъ — двѣнадцать. Исполнены онъ были Геркулесомъ для микенскаго царя Эвристея, по повелѣнію Зевеса, и состояли въ слѣдующемъ: 1) убийство немейскаго льва, до тѣхъ поръ считавшагося неодолимымъ; 2) убіеніе лернейской гидры (змѣи) — чудовища съ девятью головами, жившаго въ лернейскомъ болотѣ; 3) поимка эримантійскаго кабана, опустошавшаго Аркадію; 4) такая же поимка керинитійской лани, за которую онъ гнался цѣлый годъ и которую настигнуль уже въ Гиперборейской землѣ; 5) убіеніе стимфалийскихъ птицъ, обладавшихъ желѣзными когтями, крыльями и клювами и имѣвшими перья, которыми онъ стрѣляли какъ стрѣлами; 6) отнятіе у амазонской царицы Гипполиты ея пояса; 7) очищеніе въ одинъ день громадныхъ и наполненныхъ грязью конюшень Авгіаса, царя эпейскаго, посредствомъ проведенія туда цѣлой рѣки; 8) поимка критскаго бѣшенаго быка, выведенаго изъ моря Посейдономъ, богомъ всѣхъ морскихъ боговъ; 9) отнятіе у фракійскаго царя Діомеда его колыбель, которыхъ онъ кормилъ чужеземцами, попадавшими въ его государство, — послѣ чего Геркулесъ отдалъ самаго Діомеда на съѣденіе этимъ животнымъ; 10) путешествіе на отдаленный западъ для отнятія у чудовища Геріона его стадъ; 11) похищеніе трехъ золотыхъ яблокъ изъ волшебныхъ садовъ Гесперидскихъ, охранявшихся страшнымъ дракономъ; 12) побѣда надъ Церберомъ — трехголовою собакой, сторожившею адъ. Этими подвигами Геркулесъ снискалъ себѣ безсмертіе.

²²⁾ Улягутся въ орѣховой скорлупѣ, — т. е. сдѣлаются до такой степени ничтожными, малыми, что помѣстятся даже въ скорлупѣ орѣха.

²³⁾ За чернь стояли, таъ чеснокомъ протухшую. — Запахъ чес-

ною прежде считался такимъ унизительнымъ признакомъ, что въ уставѣ одного изъ рыцарскихъ орденовъ членамъ строжайше воспрещалось примѣшивать чеснокъ къ своей пищѣ; оттого и Шекспиръ употребилъ это выраженіе въ презрительномъ смыслѣ.

²⁴⁾ Какъ Геркулесъ, сбивая спѣлый плодъ,—въ Гесперидскихъ садахъ (см. примѣчаніе 21).

²⁵⁾ Въ ту пору, какъ Тарквиній изгнанъ былъ,—т. е. Тарквиній Гордый, послѣдній царь римскій, послѣ котораго была учреждена республика.

²⁶⁾ Герольдъ не провожалъ еще до урны.—Погребеніе римлянъ совершалось или посредствомъ сожженія, или посредствомъ опусканія въ землю. Новое слово „герольдъ“ употреблено здѣсь въ смыслѣ торжественной процессіи, сопровождавшей знатныхъ мертвцевъ къ мѣсту послѣдняго успокоенія. Пепель сожженного трупа собирался въ урну и хранился у родственниковъ.

закончено в 1608 году, а в 1613 году опубликовано в Лондоне. Следует отметить, что в то время Шекспир был уже известен как писатель, и его пьесы пользовались успехом у публики. Но в то же время он был еще молодым автором, и его творчество было неизвестно широкому обществу.

(12) «История Корiolана»

запечатлена в книге «История Рима», написанной историком Геродом Калигулой. В книге описывается битва между римлянами и галлами под руководством героя Кориолана.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ.

Въ какомъ именно году написана трагедія „Коріоланъ“, объ этомъ мы не имѣемъ неоспоримо-точного свѣдѣнія; но вообще, на основаніи изслѣдований и указаній лучшихъ коментаторовъ Шекспира, годомъ появленія этой пьесы принимается 1608 годъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что она написана въ послѣдній періодъ дѣятельности поэта; это доказывается какъ высоко-художественнымъ совершенствомъ вицѣней формъ,—совершенствомъ, которое, что весьма понятно, еще не существуетъ въ его произведеніяхъ первого времени,—такъ и необыкновенною глубиною внутренней мысли и мастерствомъ въ характеристики дѣйствующихъ лицъ.

Трагедія „Коріоланъ“ была третьею пьесою, заимствованною Шекспиромъ изъ римской жизни; она послѣдовала за „Антоніемъ и Клеопатрою“ и „Юліемъ Цезаремъ“. Какъ въ этихъ послѣднихъ, такъ и въ „Коріоланѣ“, источникомъ, изъ котораго почерпнуль авторъ всѣ историческія подробности, былъ Плутархъ; жизнеописанію Каія Марція, составленному греческимъ

историкомъ, Шекспиръ слѣдовалъ съ неизмѣнною вѣрностью, доходящею даже до того, что нѣкоторыя мѣста, напр. обращеніе Коріолана къ Туллію Авфидію, когда онъ является къ этому послѣднему изъ Рима, и рѣчь Волумніи, суть почти ничто иное, какъ стихотворное переложеніе тѣхъ-же мѣстъ у Плутарха. Точно также сохранились въ произведеніи Шекспира и всѣ ошибки, сдѣланыя греческимъ историкомъ; такъ напр. и у Плутарха Коріоланъ, ища консульства, просить у народа избирательныхъ голосовъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ то время избраніе консуловъ производилось сенатомъ. Другія ошибки сдѣланы уже самимъ Шекспиромъ; таковы, между прочими, указанныя у насъ въ примѣчаніяхъ 5 и 9 и другіе анахронизмы, вообще свойственные этому писателю, напр. упоминаніе Коминія о римскомъ театре, тогда какъ во время Коріолана театры въ Римѣ еще не существовали,—дѣлаемое Мененіемъ сравненіе Коріолана съ Александромъ Македонскимъ и т. п., —анахронизмы, отнюдь не доказывающіе незнакомства автора съ классическою древностію, но употреблявшіеся имъ какъ въ этой пьесѣ, такъ и въ другихъ, потому что онъ не считалъ историческихъ подробностей такого рода важными для поэта до такой степени, чтобы изъ-за нихъ жертвовать поэтическими образами и выраженіями, возникавшими при этихъ случаяхъ у него въ душѣ и напрашивавшимся на перо.

Мы сказали выше, что «Коріоланъ» послѣдовалъ за «Антоніемъ и Клеопатрою» и «Юлемъ Цезаремъ»; въ отношеніи политического содержанія, первая трагедія имѣть близкое сходство съ послѣднею, рѣзко отличаясь, въ тоже время, направленіемъ: какъ въ «Юліи

Цезаръ» поэтъ изобразилъ борьбу римской республики съ только что установившоюся римскою монархию, такъ въ «Корiolанъ» выведена на сцену борьба, происходившая въ это время между элементами аристократическимъ и демократическимъ—между патрициями и плебеями. Но такъ какъ для Шекспира, котораго справедливо называютъ «великимъ сердцевѣдцемъ», главная задача всегда состояла въ изображеніи различныхъ сторонъ и движений человѣческаго сердца, въ воспроизведеніи тѣхъ человѣческихъ характеровъ, которые не составляютъ собою нѣчто случайное, а имѣютъ полное право на название «типическихъ», то и въ «Корiolанъ» вышеупомянутая борьба двухъ партій составляетъ только, такъ сказать, фонъ картины, на которомъ выдѣляется главная фигура, составляющая ея блестательное средоточіе и представляющая собою одинъ изъ величайшихъ образцовъ Шекспировскаго искусства создавать человѣческие характеры.

Эта личность, личность Корiolана, (хорошо известная, конечно, нашимъ читателямъ, для того, чтобы мы считали нужнымъ рассказывать ея исторію), является у Шекспира въ громадномъ сверхчеловѣческомъ величиї; и достоинства, и недостатки этого лица имѣютъ почти мифологический характеръ. Но въ тоже время этотъ, такъ сказать, исключительный человѣкъ, полу-богъ, необыкновенно вѣренъ человѣческой природѣ,—и для объясненія этого явленія мы обращаемся къ известному немецкому критику Гервинусу, написавшему одно изъ лучшихъ сочиненій о Шекспирѣ, которое мы рекомендуемъ всѣмъ, желающимъ изучить великаго англійскаго драматурга.

«Шекспиръ—говорить Гервинусъ—принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы гордое, исключительное величіе его героя было признано нами *возможнымъ*. Онъ далъ ему мать, которая, будучи проникнута пламенною любовью къ отечеству, рано лишившись супруга, посвятила всю свою гордость, всю свою силу и всю свою любовь на то, чтобы воспитать въ своемъ сынѣ первого героя и первого руководителя родины. Эта Волумнія—не особенно привлекательная, въ отношеніи женственной граціи и любезности, личность, но она великая женщина, считающая для себя честью имѣть характеръ мужчины, говорящая, что если-бы она была женою Геркулеса, то исполнила бы за него его шесть работъ. Она, какъ «одинокая насѣдка», «кудахтая, взrostила для войны своего сына»; будь она его жена, ей «радостнѣе казалось бы его славное отсутствие, нежели самые жаркіе брачные поцѣлуи»; она знаетъ наперечетъ всѣ его раны, и уже въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ радостно представляетъ его себѣ возвращающимся съ кроваваго боя съ лицемъ, запачканнымъ кровью. Съ высокою гордостью считаетъ она себя въ правѣ сказать себѣ и ему, что ни одинъ сынъ не обязанъ своей матери столько, сколько онъ, Коріоланъ, ей, Волумніи. Никогда, ни на одну минуту, не выпускала она его изъ глазъ; она взростила его для опасностей и честолюбія; она рано научила его сознавать, что только въ несчастіи испытывается доблестное мужество; для нея было-бы отраднѣе потерять одиннадцать сыновей въ битвѣ, чѣмъ видѣть хоть одного изъ нихъ губящимъ себя въ праздной и порочной жизни; поэтому она имѣть право сказать, что Коріоланъ всосаль свою храбрость съ

материнскимъ молокомъ, и она съ гордостью смотрѣть на свое созданіе. Эту гордость она передала въ наслѣдство сыну. Но ея гордость сыномъ сдѣлалась въ немъ гордостью самимъ собою; обоготворяемый ею, точно также какъ и друзьями своего дома, Коріоланъ, подъ вліяніемъ этой тончайшей лести своихъ искреннѣйшихъ руководителей и друзей, развилъ въ себѣ врожденное и пріобрѣтенное воспитаніемъ сознаніе собственного достоинства на степень высокомѣрной надменности. Презрѣніе къ толпѣ тоже было впервые внушено ему матерью; онъ былъ врагомъ плебеевъ уже съ юности, когда еще не имѣлъ съ ними никакихъ столкновеній. Волумнія воспитала сына, руководясь убѣжденіемъ, что человѣкъ ничто иное, какъ бездушная статуя, когда его не оживляетъ слава; къ дѣятельности военной и государственной Коріоланъ влечется и по собственной натурѣ, инстинктивно; онъ награждается свои подвиги уже тѣмъ, что совершаетъ ихъ; для него совершенно немыслимо сидѣть сложа руки, грѣясь на солнцѣ, когда военная труба подаетъ сигналъ къ нападенію. Такимъ образомъ, онъ съ дѣтства пріученъ и подготовленъ къ возвышенню надъ всѣмъ обикновеннымъ и повседневнымъ; по словамъ Волумніи, онъ всегда стремился «богамъ уподобиться». Эти чрезмѣрные требованія отъ самого себя и отъ другихъ, порожденныя гордостью и, въ свою очередь, порождавшія еще болѣе сильную гордость, сдѣлали его, съ течениемъ времени, неудобнымъ для другихъ и лагубнымъ для самого себя, потому что, благодаря имъ, всѣ его свойства, какъ хорошія, такъ и дурныя, возросли до невыносимыхъ размѣровъ. Въ немъ нѣтъ никакаго

суетнаго самолюбія, которое влекло бы его къ суетной славѣ; первымъ онъ хочетъ дѣйствительно быть, а не казаться; съ этой стороны онъ аристократъ въ простомъ и благородномъ значеніи этого слова; для него ничего не значитъ имя и почесть, но все — истинная заслуга; онъ-бы не удовольствовался, какъ Цезарь, лучше быть «первымъ въ деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ городѣ»; Коріоланъ хочетъ быть не первымъ по званію и сану, но величайшимъ, по подвигамъ, на всемъ земномъ шарѣ.

«Что побудило Шекспира придать герою своей трагедіи это, почти полубожеское, величіе? Историческій разсказъ представилъ поэту катастрофу самого страннаго, исключительнаго свойства. Коріоланъ, послѣ своего изгнанія, сражается противъ отечества,—за которое онъ прежде бился такъ неутомимо, не требуя ни малѣйшей награды,—обуреваемый холдною, черствою жаждою мести и въ союзѣ съ своимъ злѣйшимъ врагомъ; затѣмъ, вдругъ, по просьбѣ матери, онъ отказывается отъ этого мщенія съ опасностію для собственной жизни. Эти, противорѣчащія одна другой, черты, Шекспиръ нашелъ возможнымъ соединить въ одномъ человѣкѣ только подъ тѣмъ условiemъ, чтобы этотъ человѣкъ, вслѣдствіе своей натуры и воспитанія, возвелъ какъ свои добродѣтели, такъ и пороки, на степень рѣзкихъ крайностей, для того, чтобы поворотъ его разнообразнѣйшихъ свойствъ въ совершенно противную сторону представился совершенно естественнымъ. Эта задача исполнена поэтомъ съ необыкновенными искусствомъ и тонкостію».

Другой известный знатокъ и исследователь произве-

деній Шекспира, нѣмецкій писатель Гене (Genée), характеризуя эту трагедію и, особенно, личность главнаго дѣйствующаго лица, говоритъ: «Во всѣхъ сценахъ, гдѣ появляется Коріоланъ, авторъ, съ помощью множества тонкихъ чертъ, придалъ такую жизненность личному *характеру* героя, что важные политические вопросы, затронутые въ трагедіи, удаляются совершенно на задній планъ передъ этимъ однимъ человѣческимъ образомъ. Его презрѣніе къ толпѣ, въ той формѣ, въ какой онъ выражаетъ его, постоянно неразлучно въ немъ съ его могущественною личностію, — съ нескончаемо-изобильною силою его воли, съ его высокою гордостію. Но и недостатокъ въ немъ истиннаго патріотизма авторъ достаточно ставить на видъ отдѣльными намеками еще до того момента, когда онъ решается, изъ мести, возстать на свое отечество,—и, такимъ образомъ, этотъ несчастный поступокъ Коріолана является въ трагедіи послѣдовательно развившимся изъ его врожденного характера. Этотъ союзъ съ врагами Рима долженъ-бы, по настоящему, умалять нашу симпатію къ Коріолану сильно, чѣмъ его патріотическая надменность, которая постоянно обусловливается въ немъ натурою героя и самостоятельнаго человѣка. Но Шекспиръ и въ этомъ случаѣ, для противовѣсія, оставилъ эту личность такъ, что она непреодолимо привлекаетъ насъ къ себѣ и что мы держимъ его сторону тамъ, гдѣ должны-бы произносить надъ нимъ обвинительный приговоръ. Онъ привлекаетъ насъ не столько своею безграницю храбростью, сколько безусловною правдивостью, проникающею все его существо. Онъ при всякомъ удобномъ случаѣ говорить своимъ про-

тивникамъ въ лице, что онъ о нихъ думаетъ. Даже тогда, когда ему хочется добиться у нихъ чего нибудь, не для себя собственно, а чтобы доставить удовольствие своей матери,—онъ не находитъ въ себѣ силы произнести хоть одно фальшивое слово, одну безвредную двусмысленность. Точно также обнаруживается его чистое чувство правдивости въ горделиво-скромномъ отклоненіи всякихъ наградъ, въ глубокой ненависти къ всякой праздной болтовнѣ и всякому притворству. На сколько онъ неумолимъ къ самому себѣ относительно исполненія своихъ обязанностей, на столько же строги требования, которые онъ предъявляетъ къ другимъ. Вследствіе того, что собственныя дѣйствія служатъ у него масштабомъ для дѣйствія другихъ людей,—характеръ его является передъ нами облеченный величавою односторонностью; при высокихъ дарованияхъ и прекрасныхъ свойствахъ души, ему не достаетъ строгой разсудительности для того, чтобы давать этимъ дарованіямъ и этимъ свойствамъ благотворное направление. Тонкую паралель съ нимъ представляеть Мененій Агриппа, который презираетъ толпу въ такой же степени, и въ душѣ еще больше патрицій, чѣмъ Корiolанъ,—натура котораго болѣе тонкаго свойства, чѣмъ натура Кая Марція,—создана не изъ такого жесткаго, крутаго материала. Въ такихъ случаяхъ, когда Корiolанъ бранить и оскорблять народъ, Мененій, стоя на болѣе аристократической точкѣ зрѣнія, довольствуется тѣмъ, что относится къ нему съ веселою насмѣшкой».

Трагедія «Корiolанъ» принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Шекспира какъ по своей внутренней

сущности, такъ и въ сценически-техническомъ отношеніи. Наименѣе удовлетворителенъ въ этомъ отношеніи первый актъ съ длиннымъ рядомъ народныхъ и боевыхъ сценъ. Только съ возвращеніемъ Коріолана въ Римъ начинается твердость драматической постройки. Эта послѣдняя, особенно во 2-мъ и 4-мъ дѣйствіяхъ, снова послужила доказательствомъ геніальной способности Шекспира самостоятельно творить драматическую форму, слѣдуя, какъ это мы видѣли и въ Коріоланѣ, съ достаточнouю вѣрностью историческимъ источникамъ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ подробностяхъ. Кромѣ того, эта пьеса имѣетъ преимущество предъ многими другими произведеніями великаго поэта тѣмъ, что драматическая эффектность не ослабѣваетъ уже за нѣсколько времени до окончанія пьесы, но поддерживается въ одинаковой степени до той минуты, когда занавѣсь падаетъ окончательно.

шестидесяти лет, и вспомнил о том, что он писал в эти годы. Он вспомнил, что в то время он был студентом в университете Оксфорда, и что он изучал латынь и греческий язык, а также французский и испанский языки. Он также вспомнил, что он был студентом в университете Кембриджа, и что он изучал латынь и греческий язык, а также французский и испанский языки. Он также вспомнил, что он был студентом в университете Оксфорда, и что он изучал латынь и греческий язык, а также французский и испанский языки.

ВИЛЬЯМЪ ШЕКСПИРЪ.

(Биографический очеркъ).

Вильямъ Шекспиръ, величайший драматический писатель нового времени, родился въ 1564 году; день рождения его съ точностью неизвестенъ, но обыкновенно принимается 23 апрѣля, такъ какъ крещеніе его записано въ церковныхъ спискахъ 26 апрѣля, а въ то время было въ обыкновеніи крестить черезъ три дня послѣ рожденія. Родился онъ въ Стратфордѣ на Авонѣ; отецъ его былъ мелкій землевладѣлецъ, занимавшій потомъ должность старшины и необразованный до того, что не умѣлъ даже писать; о матери не сохранилось никакихъ извѣстій. Какое образованіе было дано собственно Вильяму, обѣ этомъ существуютъ разнорѣчивыя свѣдѣнія, но большая часть біографовъ сходится въ томъ, что онъ воспитывался въ такъ называемой «граматической школѣ» и не кончилъ въ ней курса.

По этому поводу одинъ изъ его новѣйшихъ біографовъ говоритъ слѣдующее:

«Если бы въ архивахъ оксфордского или кембридж-

скаго университета—(два знаменитѣйшіе университета Англіи)—вдругъ отыскалось доказательство, что долголѣтнимъ пребываніемъ въ одномъ изъ этихъ заведеній Шекспиръ положилъ начало обогащенію себя тѣми научными познаніями, которыми онъ отличался впослѣдствіи, то въ его произведеніяхъ нельзѧ было бы отыскать ничего, противорѣчащаго этому указанію, и навѣрное большая часть его англійскихъ издателей и комментаторовъ искали бы главныхъ причинъ его величія въ Оксфордѣ и Кембриджѣ. Но такъ какъ почти достовѣрно, что изъ извѣстнѣйшихъ писателей времени королевы Елизаветы онъ былъ единственный, никогда не посѣщавшій ни одного университета, и такъ какъ никто уже не можетъ отрицать, что въ его произведеніяхъ мы находимъ гораздо болѣе обширныя и глубокія свѣдѣнія въ области человѣческаго знанія, чѣмъ у тѣхъ изъ его современниковъ-поэтовъ, которые учились въ Оксфордѣ и Кембриджѣ,—то приходится напрасно ломать себѣ голову надъ рѣшеніемъ вопроса — гдѣ Шекспиръ нашелъ хотя бы случай и время не только усвоить всѣ эти разнообразныя свѣдѣнія, но и сдѣлаться, такъ сказать, хозяиномъ въ нихъ до такой степени, что специалисты различныхъ наукъ удивляются его близкому знакомству съ этими послѣдними и многие изъ нихъ признаютъ его собратомъ по наукѣ. Одни утверждаютъ, что онъ, до поступленія въ актеры, безъ сомнѣнія служилъ въ адвокатской конторѣ, потому что иначе невозможно объяснить себѣ его знакомство съ техническими юридическими выраженіями и оборотами, такъ часто встрѣчающимися въ его пьесахъ; другие доказываютъ, что онъ изучалъ медицину

и особенно психіатрію (науку о душевныхъ болѣзняхъ), какъ видно изъ его основательныхъ наблюденій надъ различными проявленіями умственного разстройства и изъ необыкновенно вѣрного изображенія хода этихъ явлений; натуралисты изумляются его знанію природы и выставляютъ на видъ, что онъ ни разу не выразилъся въ этомъ отношеніи неправильно, тогда какъ такие случаи постоянно встречаются у другихъ знаменитыхъ писателей; моряки удивляются его познаніямъ въ наукахъ мореплаванія; нѣтъ также недостатка въ восхваленіяхъ богословскихъ свѣдѣній Шекспира. Съ другой стороны, въ виду почти положительныхъ указаній, что Шекспиръ не получилъ никакаго научнаго образованія, явилось даже мнѣніе, что не онъ написалъ произведенія, существующія подъ его именемъ, что дѣйствительный авторъ ихъ — известный ученый Беконъ Веруламскій, который только потому скрылъ свое имя, что въ то время въ хорошемъ обществѣ считалось крайне неприличнымъ все, имѣвшее отношеніе къ театру — какъ актеры, такъ и драматическіе писатели».

Школу, о которой мы выше говорили и кругъ преподаванія въ которой былъ очень не великъ, Шекспиръ оставилъ, будучи двѣнадцати лѣтъ отъ роду; стало быть, учебному заведенію онъ не былъ ни въ малѣйшей степени обязанъ своими познаніями,—развѣ только нѣкоторымъ знакомствомъ съ латинскимъ языккомъ, который былъ тамъ главнымъ предметомъ обучения. Вышелъ онъ изъ училища для того, чтобы помочь въ занятіяхъ своему отцу, котораго дѣла въ это время очень разстроились, а въ 1582 году, будучи, стало быть, восемнадцатилѣтнимъ юношемъ, женился

на Аннѣ Гатавей, бывшей старше его восьмью годами. Послѣ того онъ недолго оставался въ Стратфордѣ и переселился въ Лондонъ, какъ рассказываютъ, вслѣдствіе слѣдующаго случая. Шекспиръ, попавъ въ компанію молодыхъ испорченныхъ людей, былъ уличенъ однажды вмѣстѣ съ ними въ браконьерствѣ на землѣ богатаго землевладѣльца, сэра Томаса Люси. Люси сталъ преслѣдовать судомъ молодыхъ браконьеровъ, вслѣдствіе чего Шекспиръ написалъ на него сатирическое стихотвореніе. Это обстоятельство только усилило гнѣвъ богатаго помѣщика, и онъ увеличилъ свои преслѣдованія; тогда Шекспиръ увидѣлъ себя въ необходимости оставить Стратфордъ. Другіе біографы прибавляютъ къ этому еще одно, весьма вѣроятное, предположеніе, что переселеніе Шекспира въ Лондонъ было связано съ его стремленіемъ къ драматической дѣятельности, которое было врождено въ немъ и стало развиваться уже въ Стратфордѣ вслѣдствіе того, что онъ завязалъ нѣкоторыя сношенія съ сценическими знаменитостями того времени, пріѣзжавшими въ этотъ городъ для представлений. Какъ бы то ни было, но въ 1587 году мы уже видимъ его въ Лондонѣ. О первомъ времени пребыванія его въ этомъ городѣ ходятъ тоже болѣе легендарныя, чѣмъ достовѣрныя свѣдѣнія. Рассказываютъ, напримѣръ, что первоначальное занятіе его здѣсь состояло въ томъ, чтобы держать подъ уздцы лошадей тѣхъ господъ, которые пріѣзжали въ театръ безъ кучеровъ и лакеевъ. По другимъ извѣстіямъ, онъ служилъ на сценѣ мальчикомъ, должностъ котораго состояла въ объявлении актерамъ минуты ихъ выхода на сцену. Достовѣрнѣе всего предположить,

что онъ прямо поступилъ въ актеры, но сперва игралъ самъя незначительныя роли. Впрочемъ, первокласснаго положенія между актерами Шекспиръ никогда не занималь. Напротивъ того, тѣ свѣдѣнія, которыя сохранились объ этой сторонѣ его дѣятельности, отдаютъ справедливость его игрѣ именно въ роляхъ второстепенныхъ. Такъ, напримѣръ, сохранились извѣстія о прекрасномъ исполненіи имъ роли тѣни отца въ «Гамлетѣ» и старика Адама въ комедіи «Какъ вамъ угодно».

Театръ, куда Шекспиръ поступилъ въ качествѣ актера и для котораго онъ началъ писать свои произведения, назывался Блекфriарскимъ, и труппа, дававшая въ немъ представленія, находилась подъ управлениемъ знаменитаго актера Бурбеджа, игра котораго много способствовала вдохновенію поэта. Черезъ два или три года послѣ вступленія, этотъ послѣдній былъ уже однимъ изъ акціонеровъ-собственниковъ театра, и материальное благосостояніе его стало возрастать довольно быстро. Въ 1593 г. Бурбеджъ основалъ еще новый театръ—Глобусъ; Шекспиръ и здѣсь имѣлъ долю въ барышахъ, а такъ какъ въ то время въ Англіи театръ составлялъ одно изъ любимѣйшихъ развлечений публики, и драматическая дѣятельность была въполномъ разгарѣ, то барыши эти были значительны. Актеромъ Шекспиръ былъ до 1603 г., по крайней мѣрѣ, подъ этимъ годомъ въ послѣдній разъ упоминается его имя, какъ исполнителя; это было въ трагедіи Бенъ-Джонсона «Сеянъ». Извѣстность его, какъ актера, была не мала, но она постепенно уступала мѣсто его славѣ, какъ драматического писателя. Судя по нѣко-

торымъ, довольно вѣрнымъ, указаніямъ, всѣ пьесы, имъ написанныя—числомъ тридцать пять *) были сыграны до 1614 г. и сдѣлали его имя въ высшей степени популярнымъ;—къ нему относились съ глубокимъ уваженіемъ и любовью знатнѣйшіе аристократы, ученыe, поэты. «Милый Шекспиръ», какъ его обыкновенно называли, благодаря его очаровательному характеру, былъ общимъ любимцемъ. Но, несмотря на блестящіе успѣхи въ столицѣ государства, поэтъ жаждалъ поскорѣе переселиться въ тихую жизнь своей родины. Онъ ъездилъ въ Стратфордъ постоянно одинъ разъ въ годъ, а потомъ, когда разбогатѣлъ, то купилъ себѣ тамъ помѣстie. Годомъ, въ который онъ окончательно оставилъ Лондонъ, считается обыкновенно 1612-й. Поэтъ вернулся на родину въ полномъ блескѣ славы и достаточно молодой для того, чтобы наслаждаться жизнью, которая съ этихъ поръ проходила для него въ безмятежномъ сельскомъ спокойствіи и среди старыхъ друзей. Но недолго пользовался онъ этими плодами своихъ трудовъ: 23 апрѣля 1616 г. онъ скончался, на пятьдесятъ второмъ году отъ рожденія. Жена пережила его семью годами. У него было трое дѣтей: одинъ сынъ и двѣ дочери; сынъ умеръ еще въ 1591 г.; дочери обѣ вышли замужъ, и одна изъ нихъ имѣла трехъ сыновей; но они всѣ умерли бездѣтными, и такимъ образомъ прямое потомство поэта прекратилось.

„Для человѣка, смотрящаго въ глубь вещей—гово-

*) Хронологія шекспировскихъ пьесъ представляется, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: Периклъ (1587 г.), Титъ Андроникъ (1587—88), Генрихъ VI, въ первоначальномъ видѣ (1582), Комедія Ошибокъ (1591), Без-

рить тотъ самый біографъ, слова котораго мы приводили выше — нѣть въ мірѣ зрелица величественнѣе этой жизни поэта, столь поразительной въ своемъ творчествѣ и столь простой въ своихъ внѣшнихъ подробностяхъ. Молодой человѣкъ, почти въ дѣтскомъ возрастѣ сдѣлавшійся рачителемъ о цѣлой семье, идетъ въ свѣтъ съ надеждою на Бога и на свой геній, чтобы, при помощи болѣе благопріятныхъ обстоятельствѣ, чѣмъ тѣ, что могла ему представить его родина, извлечь пользу изъ своихъ дарованій. Онъ приобрѣтаетъ себѣ славу и состояніе и затѣмъ возвращается въ свой родной городокъ, чтобы обрабатывать землю и провести остатокъ дней вдали отъ мірскаго блеска и шума. Онъ оставляетъ свѣту произведенія, принадлежащія къ величайшимъ вещамъ, какія когда-либо создавалъ духъ человѣческій, но считаетъ совершенно лишнимъ, не стоящимъ труда, оставить потомству хотя бы малѣйшее свѣдѣніе о самомъ себѣ, ходѣ своего развитія и своемъ образѣ жизни. И судьба по-

плодная Усилія Любви, Два Веронца, Конецъ — всему дѣлу вѣнецъ (1591—93), Ромео и Юлія, въ первоначальномъ видѣ (1592), Ричардъ III (1593—94), Ричардъ II (1594—95), Генрихъ IV, первая часть (1595), Генрихъ IV, вторая часть (1596), Укрощеніе Строптивой (1596), Венеціанскій Купецъ (1597), Сонъ въ лѣтнюю ночь (1597), Гамлетъ, въ первоначальномъ видѣ (1598), Дѣянія Ночь (1598), Много шуму изъ ничего (1599), Генрихъ V (1599), Какъ вамъ угодно (1600), Виндзорскія Проказницы (1600), Мѣра за мѣру (1604), Король Лиръ (1605), Юлій Цезарь (1606), Антоній и Клеопатра (1607), Коріоланъ (1608), Троилъ и Крессида (1609), Макбетъ и Цимбелинъ (1606—10), Буря, Зимняя сказка и Король Іоаннъ (1610—11), Отелло (1612), Генрихъ VIII и Тимонъ Афинскій (1612—1614).

могла ему совершенно заслонить собственную личность произведениями, потому что до насъ не дошло ни единаго клочка, написаннаго его рукою,—не сохранилось рукописи не только какой нибудь пьесы или стихотворенія, но даже простаго письма. Сохранившееся въ архивахъ кентерберійскаго архиепископства завѣщаніе Шекспира тоже написано не его рукою, а только подписано имъ; оно начинается слѣдующими словами: „Во имя Господа! Аминь! Я, Вильямъ Шекспиръ, изъ Стратфорда на Авонѣ въ графствѣ Варвикскомъ, джентльменъ, дѣлаю и устанавливаю, благодаря Бога въ полной памяти и здоровью, эту мою послѣднюю волю и мое завѣщаніе, слѣдующимъ образомъ. Во первыхъ, отдаю мою душу въ руки Господа, моего Создателя, съ надеждою и твердой вѣрой, что сдѣлаюсь участникомъ вѣчной жизни, только благодаря земнымъ подвигамъ Иисуса Христа, моего Спасителя, между тѣмъ какъ тѣло мое возвратится въ тотъ прахъ, изъ котораго оно возникло“.

Литературная известность Шекспира между современниками началась не съ его драмъ, а съ появленія двухъ описательныхъ стихотвореній: „Венера и Адонисъ“ и „Похищеніе Лукреціи“,—произведеній весьма слабыхъ, напыщенно-риторическихъ, но бывшихъ совершенно во вкусѣ того времени. Еще болѣе славы доставили ему „сонеты“ (числомъ 154), которые хотя выше, по своему поэтическому достоинству, двухъ только-что названныхъ стихотвореній, но не представляютъ собою ничего особенного и были бы забыты потомствомъ вмѣстѣ съ множествомъ другихъ произведеній этого рода, еслибы авторъ ихъ не явился въ то же

время величайшимъ драматическимъ писателемъ, какаго когда нибудь видѣлъ новый христіанскій міръ. Эти драматическія произведенія пережили три столѣтія и до сихъ поръ не утратили ни свѣжести, ни высокой поэтичности, ни глубокаго философскаго интереса; благодаря имъ, Шекспиръ сталъ одинаково дорогимъ достояніемъ всѣхъ народовъ, и можно смѣло сказать, что нѣтъ на земномъ шарѣ ни одного, маломальски образованнаго, уголка, где это имя не было бы окружено высокимъ уваженіемъ и любовью, где произведенія его не были бы знакомы громадному большинству публики и где они не служили бы предметомъ самыхъ серьезныхъ критическихъ изслѣдований (что особенно должно быть примѣнительно къ Германіи, впервые познакомившей Европу съ созданіями великаго драматурга). Сколько успѣлъ этотъ геніальный человѣкъ создать въ теченіе своей, относительно кратковременной, жизни, это видно изъ помѣщенного выше простаго перечня его произведеній; что касается до разнообразія его дарованія, то оно доказывается тѣмъ, что между этими пьесами вы найдете и страшную трагедію со всѣми ужасами человѣческаго злодѣйства и человѣческихъ страстей, и строгую историческую хронику въ стихахъ, и комедію, вызывающую неудержимый смѣхъ своимъ неистощимымъ юморомъ и остроумiemъ, и прелестную поэму въ драматической формѣ. Сюжеты для этихъ произведеній были почти всѣ заимствованы авторомъ — одни изъ повѣстей и разсказовъ, другіе — изъ древнихъ легендъ, иные — изъ пьесъ прежняго времени; въ пьесахъ, взятыхъ изъ римской истории, онъ слѣдовалъ „Жизнеописаніямъ“ Плутарха; въ

англійскихъ историческихъ драмахъ — отечественнымъ хроникерамъ; но все это было только, такъ сказать, канвою, на которой онъ вышивалъ чудные узоры, возбуждающіе до сихъ поръ наше удивленіе. Въ этомъ и состоитъ тайна геніального творчества, великимъ представителемъ котораго былъ Шекспиръ, который, по словамъ Гервинуса, занимаетъ на страницахъ новой драматической поэзіи такое же мѣсто, какое Гомеръ — въ исторіи поэзіи эпической, и, являясь рѣдчайшимъ знатокомъ человѣка и всего человѣческаго, служить намъ учителемъ съ неоспоримымъ нравственнымъ авторитетомъ и надежнѣйшимъ руководителемъ въ жизни.

23060

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
Коріоланъ	1
Примѣчанія	209
Объяснительная статья	214
Бiографический очеркъ.	223

Ch

T

RGS

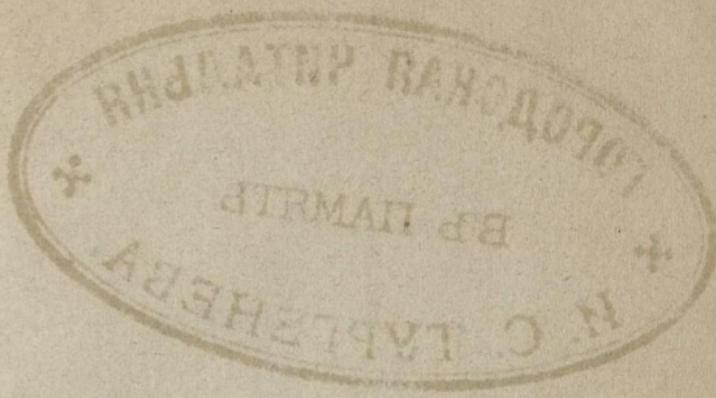
#12

GSG

ZINE 18170

PRINTED IN U.S.A.

PRINTED IN U.S.A.

LIBER

BIBLIOTEKA TURGENEVA

101261